Российская Академия Наук

ТРУДЫ

Кольского научного центра РАН

1/2021 (12)

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

выпуск 20

Апатиты
2021

0+

Российская Академия Наук

0+

1/2021(12)
издается с декабря 2010 г.

УДК 316.7 (985)
ISSN 2307-5252

ТРУДЫ
Кольского научного центра

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
выпуск 20

Научно-информационный журнал
Основан в 2010 году
Выходит 11 раз в год

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр Российской академии наук»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-58457 от 25.06.2014
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Главный редактор, председатель Редакционного совета
С. В. Кривовичев, чл.-корр. РАН, д. г.-м. н., проф.

Заместитель главного редактора
В. К. Жиров, чл.-корр.

Редакционный совет:
академик Г. Г. Матишов,
чл.-корр. А. И. Николаев,
д. э. н. Ф. Д. Ларичкин
д. т. н. В. А. Путилов,
д. ф.-м. н. Е. Д. Терещенко,
к. т. н. А. С. Карпов (отв. секретарь)

Редколлегия серии
«Гуманитарные исследования»:
д. и. н. И. А. Разумова (отв. редактор);
д. и. н. И. Ю. Винокурова;
д. филол. н. Н. В. Дранникова;
к. филос. н. Н. Н. Измоденова;
д. г.-м. н. В. П. Петров;
к. и. н. Е. А. Пивнева;
д. э. н. Т. П. Скуфьина;
д. и. н. Ю. П. Шабаев;
к. и. н. О. В. Шабалина

Научный редактор выпуска:
д. и. н. И. А. Разумова

Научное издание
Редактор С. А. Шарам
Технический редактор В. Ю. Жиганов

Подписано в печать 20.04.2021.
Дата выхода в свет 10.06.2021.
Формат бумаги 70×108 1/16.
Усл. печ. л. 14,44. Заказ № 10. Тираж 300 экз.
Свободная цена

Адрес учредителя, издателя и типографии:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр РАН»
184209, г. Апатиты, Мурманская обл., ул. Ферсмана,14
Тел.: (81555) 7-53-50; 79-5-95, факс: (81555) 76425
E-mail: ksc@ksc.ru. www.ksc.ru

© Центр гуманитарных проблем Баренц региона — филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», 2021
© ФГБУН ФИЦ «Кольский научный центр Российской академии наук», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

		Стр.
Разумова И. А., Саморукова А. Г.	Хроника жизни ученого-геолога как исторический и социально-антропологический источник.....	5
Змеева О. В.	А. Е. Ферсман на Кольском полуострове: хибинские перспективы.....	25
Дубровская Е. Ю.	Повседневность железнодорожного строительства на Севере России: сооружение Мурманской магистрали и перемены революционного 1917 года.....	33
Шахнович М. М.	Археологическое изучение реки Варзуга (Терский берег Белого моря).....	48
Кожевникова Ю. Н.	«Сказки об исповеди»: к вопросу о покаянной практике монашествующих Олонецкого уезда в Петровскую эпоху.....	73
Пустовойт И. С., Жуковская Т. Н.	С. С. Уваров и его нереализованный проект устава Санкт-Петербургского университета (1819 г.).....	81
Зиновьева А. П., Жуковская Т. Н.	Переписка П. А. Плетнева и Я. К. Грота как источник по истории университетов и университетских связей первой половины XIX века.....	103
Калинина Е. А.	Проблемы развития системы российского духовного образования в 1839–1866 годах.....	123
Лихачев В. А.	Новые находки петроглифов на Канозере в скоплении Еловый 3.....	132
	Ad memoriam	
Сулейманова О. А.	Памяти Константина Кузьмича Логинова (1952–2020).....	155
	Научная жизнь	
Бодрова О. А.	Всероссийские научные чтения «Мир образов фольклора: памяти Неонилы Артемовны Криничной».....	162

Russian Academy of Sciences

0+

1/2021(12)
Publishedsince 2010

UDC 316.7 (985)
ISSN 2307-5252

TRANSACTIONS
Kola Science Centre

Editor-in-Chief: S. V. Krivovichev,
Corr. Member of the RAS, Prof.

Deputy Editor-in-Chief:
V. K. Zhirov, Cor. Member of RAS

Editorial Council:
G. G. Matishov, Acad. of RAS,
A. I. Nikolaev, Cor. Member of RAS,
F. D. Larichkin, Dr. Sc. (Economics),
V. A. Putilov, Dr. Sc. (Engineering),
E. D. Tereshchenko, Dr. Sc.
(Physics and Mathematics),
A. S. Karpov PhD (Engineering) –
Executive Secretary

HUMANITARIAN STUDIES
Series 20

Editorial Council
of ”Humanitarian studies” Series:

Prof. I. A. Razumova (Editor-in-Chief),
Prof. I. Ju. Vinokurova,
Prof. N. V. Drannikova,
PhD (Philosophy) N. N. Izmodenova,
Prof. V. P. Petrov,
PhD (History) E.A. Pivneva,
Prof. T. P. Skufina,
Prof. Ju. L. Shabaev,
PhD (History) O. V. Shabalina

Prof. I. A. Razumova
(Executive Editor)

14, Fersman str., Apatity, Murmansk region, 184209, Russia
Tel.: (81555) 79380. Fax: (81555) 76425
E-mail: ksc@ksc.ru. www.ksc.ru

© Barents Center of Humanities KSC RAS, 2021
© Federal Research Centre “Kola Science Centre
of the Russian Academy of Sciences”, 2021

CONTENTS

		Page
Razumova I. A. Samorukova A. G.	The life chronicle of a geologist as a historical and socio-anthropological source…….....	5
Zmeyeva O. V.	A. E. Fersman on the Kola Peninsula: Khibiny prospects.....	25
Dubrovskaya E. Yu.	Everyday life of the railway construction in the North of Russia: building of the Murmansk highway and changes in the revolutionary 1917……..…..	33
Shakhnovich M. M.	Archaeological study of the Varzuga River.....…	48
Kozhevnikova Yu. N.	“Skazki about confession”: on the question of the confessional practice of the monks of the Olonets uezd in the Peter the Great era…….....	73
Pustovojt I. S., Zhukovskaya T. N.	S. S. Uvarov and his unrealized draft of the charter of St. Petersburg University (1819)…….....	81
Zinovieva A. P., Zhukovskaya T. N.	Correspondence P.A. Pletnev and J.K. Grot as a source on the history of universities and university links in the first half of the XIX century…….....	103
Kalinina E. A.	Problems of development of the Russian spiritual education system in 1839–1866…….....	123
Likhachev V. A.	New findings of petroglyphes at Kanozero in Eloviy 3 panel…….....…….....	132
	Ad memoriam	
Suleymanova O. A.	In memory of Konstantin Kuzmich Loginov (1952–2020)….....	155
	Scientific Life	
Bodrova O. A.	All-Russian scientific readings “The world of folklore images: in memory of Neonila Artemovna Krinichnaya”…….....	162

УДК 572+301(093.3)
doi:10.37614/2307-5252.2021.1.20.001

ХРОНИКА ЖИЗНИ УЧЕНОГО-ГЕОЛОГА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК[1]

И. А. Разумова, А. Г. Саморукова
Центр гуманитарных проблем Баренц региона
ФИЦ «Кольский научный центр Российской академии наук»

Аннотация

Рассматривается книга И. Д. Батиевой о жизни и деятельности видного ученого — геолога и минералога И. В. Белькова (1917–1989), который возглавлял Геологический институт Кольского научного центра РАН в 1961–1985 гг. Цель — определить информационные возможности хроникального мемуарно-биографического произведения. Это источник по истории геологических исследований и научной повседневности советского времени, а также ресурс для антропологии науки и антропологии профессий. Особой ценностью обладают описания полевой жизни, официальных и неформальных коммуникаций в академической среде, научных и праздничных мероприятий, организации семейного быта геологов. Авторы делают вывод, что значение этой книги выходит за рамки интересов региональной академической корпорации. В ряду других мемуарных источников она служит целям самопознания, самоидентификации и презентации профессиональной общности. Особенностью источника является его комплексный характер. Книга включает много писем И. В. Белькова. Благодаря этому факты излагаются и оцениваются с разных точек зрения, что создает антропологическую перспективу.

Ключевые слова:

воспоминания, биография, геологи, источник, научная повседневность, антропология науки, антропология профессий, И. В. Бельков, И. Д. Батиева

THE LIFE CHRONICLE OF A GEOLOGIST AS A HISTORICAL AND SOCIO-ANTHROPOLOGICAL SOURCE

Irina A. Razumova, Antonina G. Samorukova
Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Center of RAS

Abstract

The article deals with the book by I. D. Batieva about the life and work of the prominent scientist-geologist and mineralogist I. V. Belkov (1917–1989), who headed the Geological Institute of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in 1961–1985. The goal is to determine the information capabilities of a chronicle memoir and biographical work. It is a source on the history of geological research and scientific everyday life of the Soviet era and a resource for the anthropology of science and the anthropology of professions. Of particular value are descriptions of field life, official and informal communications in the academic environment, scientific and festive events, and the organization of family life of geologists. The authors conclude that the significance of this book goes beyond the interests of the regional academic corporation. Among other memoir sources, it serves the purposes of self-knowledge, self-identification, and presentation of the professional community. A feature of the source is its complex nature. The book includes many letters of I. V. Belkov. Thanks to this, the facts are presented and evaluated from different points of view, which creates an anthropological perspective.

Keywords:

memoirs, biography, geologists, source, scientific everyday life, anthropology of science, anthropology of professions, I. V. Belkov, I. D. Batieva

---

[1] Статья выполнена по теме госзадания ЦГП ФИЦ КНЦ РАН № 0226-2019-0066.

Введение

Книга И. Д. Батиевой «Игорь Владимирович Бельков. Хроника жизни» [Батиева, 2007] может рассматриваться в разных ракурсах. Это очень информативная биография ученого, организатора науки и разносторонне одаренной личности, написанная его женой и коллегой. Являясь ценным историческим источником, книга вносит вклад в изучение истории геолого-минералогических исследований в Российской Арктике и истории отечественной науки в целом. Жанрово-видовая специфика источника позволяет почерпнуть из него материал, относящийся к научной повседневности, или антропологии науки, включенной в исследовательское поле антропологии профессий [Щепанская, 2003, 2010; Романов, Ярская-Смирнова, 2005; Антропология профессий…, 2011 и др.]. В последние десятилетия эта активно развивающаяся область знания увеличивает возможности самопознания академического сообщества, изучения его культуры в целом и отдельных дисциплинарных субполей (начиная с самих антропологов, этнографов и социологов) [Антропология профессий…, 2011; Антропология академической жизни…, 2013 и др.].

Тексты, создаваемые носителями культуры, служат самым ценным источником для понимания ее внутреннего мира, ценностей, образа жизни, языка общения и т. д. Литературное творчество ученых, в том числе геологов, представляет особый культурный феномен. Мемуары, автобиографии, биографии — основная часть литературного наследия профессиональной общности. Оно включает также очерки, эпистолярий, песни и стихи, созданные по разным «случаям», художественную прозу и поэтическое творчество. Прагматика текстов разнообразна: реализация личных творческих способностей или интереса к истории, сохранение памяти о близких и коллегах, популяризация научных знаний, привлечение внимания общественности к той или иной научной дисциплине и науке в целом, решение педагогических и воспитательских задач и др.

Цель настоящей статьи — определить и показать информационные возможности одного из мемуарно-биографических произведений. Его содержание, на первый взгляд, не выходит за рамки интересов региональной профессиональной общности, но при внимательном рассмотрении оно имеет значительно более широкое научное и историко-культурное значение.

Геологи как писатели и мемуаристы

В массовом сознании и обыденном словоупотреблении обозначение «геолог» относится к большому кругу специалистов, во многом различающихся по виду занятий: геологам-разведчикам, минералогам, геохимикам и т. д. Различия в экспертном знании и специальных навыках не являются существенными с точки зрения социально-культурных смыслов той практической деятельности, которая так или иначе связана с добычей и переработкой минеральных ресурсов. Развитию этой деятельности и ее романтизации в советской культуре способствовал целый ряд факторов, прежде всего политических и экономических [Болотова, 2006]. Изыскание и промышленная эксплуатация природных ресурсов составляли основу для укрепления мощи государства, что требовало соответствующего идеологического подкрепления. Профессия «геолог» символизирует «покорение» («колонизацию») природы и освоение новых территорий. Кроме того, она как нельзя лучше созвучна советской идее о «новом человеке», который является не только «преобразователем природы»

и «первопроходцем», но и «гармонически развитой личностью». В образе геолога сочетаются тяжелый физический труд, связанный с рисками, и интеллектуальная научная работа (полевые и камеральные исследования). Путешествия и открытия (как новых земель, так и «подземных богатств») всегда обладали немалой привлекательностью, особенно для молодежи, что способствовало профессиональному выбору. Повседневность геолога противоречит обыденным представлениям о рутине в силу высокого уровня опасности и неопределенности условий и результатов полевой работы, а также мобильности как атрибута профессии [Змеева, 2018].

Характер деятельности и практика ведения полевых дневников во многом роднят геологов с профессиональными путешественниками, призванными описывать природу и быт (географов и этнографов). В результате геолог — это «человек пишущий». В. Кириллов, автор книги воспоминаний «Маршрутами, тропами, дорогами», в этой связи отметил: «”Бродяжьему люду” действительно есть о чем рассказать, и жизнь их насыщена впечатлениями» [Кириллов, 2006, ЭР]. По этой причине среди геологов много авторов произведений литературы non-fiction, в которых описываются природа, люди, маршруты, история изучения различных местностей, главным образом фронтирных. «Геологи уже отчасти по роду своей деятельности призваны быть “краеведами”, — пишет О. В. Змеева в статье об историко-краеведческой книге геолога Е. А. Каменева, — <…> их разыскания способствуют развитию территорий в промышленном и, следовательно, в социальном отношении» [Змеева, 2020: 11].

Обращает на себя внимание, что на рубеже столетий все чаще стали публиковаться воспоминания геологов. Свою жизнь в геологии вспоминают С. Д. Шер [Шер, 1983], В. И. Смирнов [Смирнов, 1992], В. Е. Хаин [Хаин, 1997, 2009], В. Б. Мазур [Мазур, 2001], супруги Т. Ф. и В. З. Негруца [Негруца, 2002], В. Кириллов [Кириллов, 2006], А. С. Махнач [Махнач, 2008], Л. В. Махлаев [Махлаев, 2010], В. Н. Пучков [Пучков, 2012], Г. А. Абрамович [Абрамович, 2015], В. И. Гольдшмидт [Гольдшмидт, 2017, ЭР] и многие другие мемуаристы.

Пик популярности одной из самых романтических профессий советского времени приходится на 1950–1960-е годы. В послевоенные десятилетия в науку пришло и активно работало поколение, мотивированное не только романтикой дальних дорог, но и высоким социальным престижем ученого и технологическими достижениями в «борьбе с природой». Именно это поколение к концу XX века составило категорию геологов-мемуаристов — по причине возраста. Кроме того, жизненный этап «подведения итогов» у них совпал с изменением положения дел в научной отрасли. Как пишет В. Кириллов, «ввиду “старения” профессии большинство моих коллег — люди в возрасте, и самое время заняться мемуарами. Наконец, вследствие недостаточности ассигнований на полевые исследования ездить стали заметно меньше и появилось свободное время — читать и писать» [Кириллов, 2006, ЭР].

Среди литературы о геологах особое место занимают сборники воспоминаний. Первый выпуск сборника очерков и воспоминаний «Геология — жизнь моя. Геологи вспоминают» вышел в 2000 году. Масштаб издания, которое составляют 22 тома, свидетельствует о том, что мемуарно-автобиографическое и в целом литературное творчество геологов — это заметная часть современного литературного процесса. Первый выпуск сборника был приурочен к 300-летию Горно-геологической службы России. Авторы очерков — геологоразведчики всех

поколений, люди различной профессиональной выучки, квалификации и разного положения в отрасли — руководители, ведущие специалисты и рядовые геологи. Они рассказали не только о самых значительных успехах поисковиков в более или менее отдаленном историческом прошлом, но и о собственном видении развития геолого-разведочной отрасли, а также о полевых работах, составляющих существенную, а для многих геологов и основную часть их деятельности. В отзывах на очерки и воспоминания подчеркивается их значение для увековечения памяти о работниках и поддержания профессиональной преемственности, так как они «являются хорошим материалом в работе по профориентации и привитию интереса молодежи к нелегкой, но по-прежнему важной профессии геологоразведчика» [Геология…, 2001: 557].

В 2015 году вышел из печати составленный геологами Я. Э. Юдовичем и М. П. Кетрис трехтомник «Российские геологи рассказывают о себе» [Юдович, Кетрис, 2015]. Авторы-составители относят свою работу к условно называемому жанру «коллективные мемуары», опираясь на собранные ими опубликованные ранее воспоминания. Сборник включает многочисленные фрагменты воспоминаний, созданных самими геологами или их биографами, в сопровождении краткого комментария составителей. Цель публикации — сквозь призму личного опыта и восприятия показать труд и жизнь геологов.

Авторы воспоминаний пишут в надежде на то, что их сочинения окажутся полезными для тех, кто увлекается путешествиями, географией и естественными науками, а также историей геологических открытий. Они движимы идеями распространения знаний и привлечения внимания к своей профессии. Воспоминания геологов — это рассказы о крупных и рядовых геологических открытиях, о наставниках, коллегах и друзьях, о близких или едва знакомых знаменитых и замечательных людях, об особенностях и специфике работы геолога. Написанные в разные годы, они дают представление о том, что с годами менялось в геологической повседневности, а что оставалось неизменным.

Значительная часть воспоминаний относится к полевым исследованиям. Мемуаристы вспоминают об искренних, особых отношениях людей в экспедициях. Много написано о геологической романтике. Это, прежде всего, романтика полевой жизни, работы небольших геологических отрядов в малонаселенных, а то и совсем безлюдных местах, определенный стиль жизни. Устойчивыми приметами полевого быта служат небольшие палатки, вечерние костры, «простота», свойство социальности — постоянное чувство ответственности за товарищей, типовое переживание — непреходящие мысли об оставленном доме и родных и т. д. Осмысливая свой жизненный и профессиональный путь, в конечном счете мемуаристы сходятся в определениях, что геология — это «призвание», «образ жизни» и «судьба».

Основные информационные возможности воспоминаний геологов как исторического источника связаны с историей геологических исследований, научных школ и направлений, биографикой, с описаниями повседневных и событийных аспектов («будней и праздников») работы геолога, форм ее организации и самоорганизации, социальных взаимодействий внутри общности и вне ее. В ряде случаев мемуары содержат истории семей, особенно тех, в которых приверженность профессии становилась преемственной. С антропологической точки зрения такая литература является средством самопознания, самоидентификации и презентации профессиональной общности.

Для антропологов важно «рассмотрение <…> дискурсивных аспектов профессий, а именно сложившихся или формирующихся способов говорить и представлять проблемы» [Романов, Ярская-Смирнова, 2005: 40]. Антропологический взгляд направлен на понимание того, как переживается профессиональный опыт, какие смыслы люди вкладывают в свою деятельность; «акценты при этом делаются на разделяемом, общем знании, специфике жизненного мира, стилевых особенностях, идентичности занятых тем или иным видом работ субъектов» [Там же: 44].

В обширном поле мемуарно-автобиографической и биографической литературы сочинения геологов Кольского научного центра РАН занимают достойное место. В значительной мере это связано с тем, что академическое сообщество геологов КНЦ РАН воспринимает себя непосредственно наследующим традиции академика А. Е. Ферсмана, и не только в сугубо научном плане. Многогранная деятельность Ферсмана, в том числе просветительская и краеведческая, проявилась в его литературном творчестве. Книги академика «Занимательная минералогия», «Воспоминания о камне», «Рассказы о самоцветах», «История одной тропы (Из истории Кольского полуострова)», «Путешествия за камнем» и другие, многократно переизданные, на которых выросло не одно советское поколение, способствовали привлечению молодежи в геологию, повышению общественного престижа наук о земле и укреплению идентичности их представителей. В материалах Ферсмановских научных сессий, которые регулярно проводятся в Кольском научном центре РАН, и в научно-популярном журнале «Тиэтта» немало публикаций посвящено истории геологического поиска и минералогических исследований, жизнеописаниям видных геологов, воспоминаниям о полевой работе и быте и т. д. Наличие и пополнение фонда памяти об ученых — необходимое условие идентификации научной общности, показатель ее сплоченности и преемственности разделяемых группой ценностей.

Семейная хроника

Специалистам хорошо знакомы научные труды автора жизнеописания И. В. Белькова — доктора геолого-минералогических наук Ии Дмитриевны Батиевой (1922–2007). Источниками сведений о ней служат не только справочно-биографические публикации [Потапов, 2007, 2008; Ученые…, 2010: 53–54], но и монографическое исследование, посвященное отцу мемуаристки — Дмитрию Александровичу Батиеву (1896–1941), видному общественному деятелю, которого историки признают основателем Коми государственности, репрессированному и расстрелянному в 1941 году [Жеребцов, 2016]. Семья Батиевых жила в Сыктывкаре, где в 1941–1944 гг. находился эвакуированный из Петрозаводска Карело-Финский университет, в его составе был геолого-гидрогеографический факультет [Малкова, 2012]. И. Д. Батиева окончила университет в 1946 году и приехала на постоянное место жительства в поселок Кукисвумчорр, работать на Кольской базе АН СССР она начала годом раньше. В том же году состоялась встреча Ии Дмитриевны с будущим мужем, который после демобилизации по окончании войны был зачислен в аспирантуру Кольской базы Академии наук. «С ним я бок о бок прошла 42 счастливых года, — напишет в предисловии к своей

книге И. Д. Батиева, — и после ухода в мир иной он был всегда рядом со мной в моих мыслях и делах» [Батиева, 2007: 3][1].

Игорь Владимирович Бельков (1917–1989), доктор геолого-минералогических наук, возглавлявший Геологический институт Кольского филиала АН СССР в 1961–1985 гг., принадлежит к ряду самых выдающихся фигур в истории Кольского научного центра РАН. Жизненный путь ученого освещают несколько небольших публикаций, справочно-биографических и связанных с юбилейными датами [Борисова, Волошин, 2007; Мотов, 2007; Ученые…, 2010: 62–63]; более полно научная биография И. В. Белькова изложена в статье Е. И. Макаровой [Макарова, 2017].

Свои воспоминания И. Д. Батиева рассматривала как долг перед любимым человеком, книгу в память о нем. В сопоставлении со многими другими мемуарными сочинениями это произведение обладает рядом характерных свойств. Прежде всего его сложно определить по жанровой (в литературном плане) и видовой (в качестве источника) принадлежности. По всей вероятности, сама автор никаких жанровых рамок не придерживалась, создавая свободное повествование. В аннотации и неоднократно в тексте книга названа «воспоминаниями». Первая же фраза содержит иное обозначение: «Эта *повесть* (курсив наш. — *И. Р., А. С.*) о человеке, который всю свою жизнь посвятил изучению геологии Кольского полуострова» (С. 3). В названии использовано понятие «Хроника жизни», что указывает на биографическую задачу и соответствует построению текста. Комплексный в жанрово-видовом отношении состав является одним из признаков «эго-документальной» литературы. Различия состоят в том, каким образом и в соответствии с каким авторским замыслом в каждом отдельном случае комбинируются личные воспоминания автора с жизнеописанием биографируемого персонажа, письмами, дневниковыми записями и другими словесными формами.

Отрезок линии жизни И. В. Белькова до знакомства с И. Д. Батиевой и создания их семьи воспроизводится в основном по письмам. Это переписка Игоря Владимировича с родителями, которые жили в разных городах, так как их брак распался, когда сын был подростком. Большая часть писем принадлежит И. В. Белькову, и написаны они отцу в разные годы. В 1963 году отец Игоря Владимировича умер, а незадолго до смерти он передал эти письма семье сына. Кроме того, в книгу включены цитаты из писем родителей сыну, матери Игоря — его отцу, переписки И. Д. Батиевой с родителями мужа и из нескольких писем от других лиц. Тексты писем лишний раз свидетельствуют о высоком уровне эпистолярной культуры в семьях интеллигенции в советский период. Благодаря использованию этого источника книга полифонична, в ней, помимо автора-повествователя, звучат голоса нескольких человек. Более того, преобладание эпистолярных текстов И. Д. Белькова в первых главах превращает эту часть книги в автобиографию в письмах. Все письма датированы, что создает эффект хроникальности. Датированы и все главы, линия жизни разделяется на стандартные этапы: «Родители. Раннее детство (1917–1924)», «Школьные годы (1925–1935)», «Университет (1936–1941)», «Война (1941–1945)» и т. д. Самая большая глава, занимающая вторую половину книги, — «Новый этап исследований (1957–1989)» разделена на подглавы по летописному погодному принципу, без пропусков лет.

[1] В дальнейшем ссылки на страницы этого издания приводятся в круглых скобках после цитаты.

«Летописность» выдержана строго и является самой определенной характеристикой всего текста. Часть повествования, которая относится ко времени после 1946 года, по существу, является семейной хроникой. Она описывает события жизни семьи на протяжении ее полного цикла — от создания, с рождением и этапами взросления детей, до распада со смертью одного из супругов. Семья включала три поколения, если учесть, что долгие годы вместе с ними жила мать Ии Дмитриевны, а с родителями Игоря Владимировича поддерживались устойчивые контакты. Семья Бельковых обладает выраженной социально-профессиональной идентичностью. У супругов одна профессия, общие интересы, место работы и деятельность. Сын и дочь также избрали специальности, связанные с геологией. Образ жизни семьи подчинен размерностям профессионального цикла исследовательской работы с постоянными экспедициями, написанием научных трудов, поездками на конференции. Эта семья относится к профессиональной элите. За счет хорошего образования членов семьи, неустанной работы, высокой квалификации, социальной активности и принадлежности к определенной культурной среде она достигла значительного для советского времени уровня благополучия. Об этом свидетельствует, в частности, организация ежегодного отдыха: зарубежные поездки, в том числе круизы, оздоровление в санатории, возможность иметь дом у Черного моря. Деловым и рекреационным поездкам и впечатлениям, как и заботам, связанным с детьми и родителями, отводится достаточно места в семейном жизнеописании. Неоднократно заходит речь о занятии Игоря Владимировича живописью — его «несостоявшейся» специальности, для которой у него удивительным образом находилось свободное время. При всем том стержневой сюжет формирует профессиональная траектория И. В. Белькова.

Самоопределение и путь в геологию

Игорь Владимирович Бельков родился 13 августа 1917 года в Ташкенте. Родители его были внуками участников боевых действий времен покорения Средней Азии, которые так и остались в Ташкенте, обзавелись семьями. Мама — Надежда Степановна Канаш окончила в Ташкенте женскую гимназию, в 1911 году поступила в Петербурге на Бестужевские женские курсы, где училась до 1917 года. Отец — Владимир Иванович Бельков окончил в Петрограде Технологический институт, работал на строительстве Днепровской гидроэлектростанции, потом преподавал физику в Железнодорожном техникуме в Ташкенте. Затем семья переехала в Ленинград.

В 1925 году Игорь поступил в 15-ю школу совтруда. В этой школе, по воспоминаниям писателя Даниила Гранина, одноклассника Игоря, оставалось еще несколько преподавателей бывшего здесь до революции Тенишевского училища — одной из лучших русских гимназий. Лето после 1-го класса Игорь проводил у родственников в Ташкенте. К этому времени относится первое письмо отца, поздравление с днем рождения, в котором он излагает «программу жизни» для сына, свидетельствующую о семейных воспитательно-образовательных установках: «*Поздравляю тебя с этим днем и желаю тебе, чтобы ты вырос у нас с мамой здоровым, крепким, умным и добрым мальчиком. Для того чтобы расти умным мальчиком, нужно больше читать и стараться хорошо учиться. Если ты будешь любить читать, то я стану покупать тебе книги, чтобы у тебя образовалась собственная библиотека. В этом году я поступлю на работу,*

и тогда мы сможем купить тебе коньки, пригласить учителя и начать учить тебя музыке на скрипке или пианино» (С. 7). Программа-минимум была выполнена. У Игоря был абсолютный слух, он начинает учиться музыке. Родители пополняют библиотеку из произведений классиков русской литературы.

В 1930 году, когда родительская семья распалась, отец уехал в Ташкент, но переписка и встречи с ним не прекращалась до смерти отца. Переписка была частой, писали друг другу обо всем. Игорь-школьник отчитывался о своих успехах в учебе: *«Можешь меня поздравить с благополучным окончанием 13-го семестра и переходом в 14-й. Перешел я в числе первых учеников, хотя математика у меня все же хромает, но не было по ней ни одного неуда, а были 3 хора, 2 уд. с плюсом. С математикой ты меня не поздравляй»* (С. 10).

Разносторонность интересов и занятий отличали Игоря с детства. Учась в школе, он успешно занимался рисованием, а также увлекался спортом, был чемпионом Ленинграда в своей возрастной группе по прыжкам в высоту. В 8-м классе он получил настолько серьезную травму руки, что это, без преувеличения, повлияло на всю дальнейшую жизнь. От поступления в Горный институт пришлось отказаться. Отцу он пишет: *«24.12.34. В Горный я решил не поступать, мне будет плохо работать со сломанной рукой. Решил поступать в Институт гражданской архитектуры, но, может, буду стараться поступать и в Горный»* (С. 12). В 9-м классе Игорь занимался на курсах по подготовке в институт, но курсы, школа и лечение руки оказались несовместимы. Окончив школу в мае 1935 года, он занимался рисованием все лето, которое провел у отца в Ташкенте. Однако в Ленинградский институт инженеров коммунального строительства (ЛИИКС)[1] его не приняли — туда принимали только рабочих — и сообщили об отказе поздно, когда во всех вузах прошли приемные экзамены. Пришлось поступать на курсы Облпрофсовета для подготовки в вуз, на которых не было рисования. Таким образом, профессиональный выбор разносторонне развитого, обладающего многими способностями Игоря Белькова был сделан в условиях объективных ограничений (физических и социальных), но, по всей видимости, почти безболезненно: *«2.10.35 г. <…>. Конечно, я буду стремиться попасть в институт, но если туда не попаду, с не меньшим удовольствием я останусь в Университете на геологическом факультете»* (С. 14). Он мог стать художником или архитектором, но в конечном счете согласовал объективные возможности с «интуитивным» внутренним тяготением к сфере геологии. В канун нового 1936 года он делится с отцом: «*Постепенно я укрепляюсь в решении идти в Университет, на геологическое отделение. Не думаю, чтобы это было, или вернее будет ошибкой с моей стороны. Меня туда тянет, и я при всем своем желании не могу найти такое чувство к строительному институту, что большой ошибкой было бы, если я пошел бы туда, куда не особенно хотел, куда меня не тянет… Знаю, что тебе было бы приятнее меня увидеть архитектором, чем геологом, но что же поделаешь? Во всяком случае, я уверен, что будущее подтвердит мои расчеты. С этой надеждой я и вступаю в 1936 год, и я думаю, что ты с большой радостью увидишь меня удовлетворенным геологом, чем разочарованным архитектором»* (С. 14).

Судя по переписке, отцу не нравился выбор специальности сына. Игорь пытался убедить отца, вновь и вновь возвращался к обсуждению этого вопроса,

---

[1] В настоящее время Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет.

приводил дополнительные доводы: *«19.01.36. Дорогой папочка! Я чувствую, что тебе очень и очень не нравится моя будущая специальность, моя будущая работа. Что сделаешь. В конце концов, где я буду работать, геологом или архитектором (если бы я им был) вопрос спорный, и потому в крупном городе скорей будет работать геолог, окончивший университет, чем архитектор, окончивший ЛИИКС, т. к. вся молодежь, окончившая, ЛИИКС и ЛИИПС, усылается в различные мелкие города или на станции железных дорог и т. д. Я же, при условии хорошего окончания университета, безусловно, останусь в Ленинграде или в Москве»* (С. 15). Жизнь показала, что произошло все наоборот.

В августе 1936 года Игорь успешно выдержал испытания и был принят в университет на геологическое отделение. Своими первыми впечатлениями об учебе он, как всегда, делится с отцом: *«Прежде всего, скажу, что я глубоко удовлетворен характером выбранной мною специальности, программой и процессом занятий, как дома, так и вне дома»* (С. 17). Он шлет подробные письма о новых предметах, преподавателях, подводит итог успехам в учебе: *«Таким образом, можно подвести итог первому году учения в Университете: прежде всего я очень доволен, что учусь именно здесь, а не где-нибудь в другом месте. Я как бы сроднился с Университетом, получил порядочное количество знаний, так что моя башка не так пуста, как прежде»* (С. 19).

Игорь не смог поехать на свою первую полевую практику, так как по совету врача на лето уехал в Крым подлечить руку. Но и здесь, все больше увлекаясь геологией, он нашел себе занятие: *«15.06.37 г. <…>. Я занимаюсь по мере сил и возможностей общей геологией в пределах, мне доступных на Южном берегу, и собираюсь заняться немного палеонтологией»* (С. 19). Зато летняя практика после второго курса, в 1938 году, в Карелии и на Кольском полуострове была результативной во всех отношениях, в том числе она открыла будущему ученому Кольский полуостров. Последовавшие письма стали отчетом об экспедиции с подробным описанием методики и результатов работы, наполненным живыми впечатлениями, схваченными взглядом художника: «*Вообще надо сказать, что ни один писатель, или художник, или фотограф не смогут изобразить исключительной, успокаивающей красоты здешних мест <…>. Красота не суровая, но строгая, а в бурную погоду — мрачная. <…>. Эта картина громадного озера с отдаленными горами, на которых еще лежит снег, не забудется никогда*» (С. 22). Итогом поездки явились минералогические сборы, над которыми студент начал работать под руководством преподавателя минералогии Леонида Абрамовича Косого. Помимо этого, Игорь был прикреплен к кафедре минералогии и начал самостоятельную работу по измерению и характеристике кристаллов пирита, турмалина, кварца, рутила и других минералов.

Университетские годы — время окончательного профессионального самоопределения и начало нового этапа жизни, в котором все «первое»: экспедиция, самостоятельное исследование, научный доклад, публикация. Научный интерес и специализацию студента, отличавшегося успехами в учебе, сформировал университет. «*Во всяком случае, мне дано то, о чем я и не мечтал — результат двухлетнего пребывания в Университете налицо. Стоит ли после этого говорить, что по специальности я геохимик — в частности минералог. Минералогия — интереснейшая наука. Дано мне многое, все остальное зависит от меня»*, — писал И. В. Бельков осенью 1938 года отцу (С. 23). Желание заниматься научной работой появилось у Игоря на третьем курсе. *«Теперь примусь за работу с еще*

большей энергией, потому что за эту весну мне надо много сделать, я даже не представляю сколько, ибо впервые займусь научной работой, пока научной с маленькой буквы, и мне очень хочется с ней справиться» (С. 24). Со своей стороны, мама Надежда Степановна наблюдает за упорной работой сына и сочувственно пишет его отцу: «*Работы у него еще очень много, причем кропотливой, да и опытности, конечно, нет. Вот он и корпит каждый день до 11–12 часов в своем кабинете. Даже в те дни, когда лекции у него начинаются в 11–12 часов и он мог бы поспать, все равно бежит к девяти. В общем, он все это проделывает с жаром, но, конечно, это немалая нагрузка вдобавок к большой академической. Так вот сынишка твой работяга, способный юноша и учится больше, чем с удовольствием* (С. 24). Речь идет о подготовке первого научного доклада, сделанного И. Бельковым на университетской конференции.

По мнению всех состоявшихся геологов, понять, что геология — это наука, дополнительно отягощенная физическим трудом, давала первая полевая практика. Это стало понятно студенту Игорю Белькову в полевом сезоне 1939 года, который он провел на Кольском полуострове. Теперь, в отличие от предыдущей ознакомительной поездки, ему *«пришлось поработать во славу всех своих мускулов и нервов»* (С. 25).

Учеба была очень успешной, в чем сын и заверял отца: *«Я получаю стипендию имени Ф. Ю. Левинсона в размере 350 р. Сейчас я закончил вторую работу о гранатах. Отношение со стороны профессора С. М. Курбатова и других руководителей самое лучшее, какое только можно иметь»* (С. 30). В начале июня 1941 года Игорь окончил университет, получив диплом с отличием по специальности геолог-геохимик. После окончания университета 6 человек получили персональное приглашение Академии наук СССР на работу в Хибины на Кольскую базу АН СССР. Предполагались прекрасные условия работы: аспирантура, 3,5 месяца отпуска в год, замечательная библиотека, лаборатории и руководство крупнейших геологов, в том числе и А. Е. Ферсмана.

Война перечеркнула все планы, направления на работу были аннулированы. Военкоматом Игорь былл направлен в Танковое училище, но из-за больной руки его признали негодным к деятельности танкиста. Из распределительного батальона его направили на военный склад боеприпасов, где он исполнял работу воентехника до демобилизации из армии в ноябре 1945 года. К тому времени его руководителя профессора С. М. Курбатова назначили заведующим лабораторией минералогии на Кольскую базу АН СССР, и начали реализовываться довоенные планы Игоря Белькова, которые включали учебу в аспирантуре и работу на Кольском полуострове.

Полевые будни

Самые яркие и эмоционально окрашенные описания полевой жизни относятся к первым экспедициям, когда отдаленные места, дикая природа, физические тяготы и походный быт еще не стали рутиной, сохраняют непосредственность восприятия чего-то нового и непривычного. В пространном письме отцу, написанном после первой большой экспедиции на Кольский полуостров и датированном декабрем 1939 года, Игорь Бельков подробно описывает фактически все основные стороны той «жизни в поле», которую он потом проживет почти 50 лет. Главные темы — путь геолога к месту работы и транспорт, снабжение, питание, погодные условия, снаряжение, внешний вид. Даже на основе одного этого письма студента можно составить представление

о том, какой была полевая жизнь конца 1930-х годов. И тогда, и далее из года в год самой сложной оставалась проблема транспорта в условиях бездорожья. В 1930-е годы геологи обычно добирались до Кольского полуострова по железной дороге из Ленинграда. Далее предполагался экспедиционный транспорт, который появился много позже. В описываемое время к месту работы можно было добраться только пешком: *«Из Ленинграда до места назначения мы добирались двенадцать дней. Нашей задачей было пройти 500 км маршрутами и разыскать районы слюдоносных жил, где в следующее лето можно будет поставить разведку. Ввиду очень ограниченного времени нам пришлось нормальную дневную норму в 8–10 км маршрута в день довести до 20–24 км в день. По болотам вообще трудно ходить такие расстояния и это тем труднее, что приходилось на себе нести пудовую ношу продуктов и всего прочего (палатка — 6,5 кг, топор, молоток). За семь дней моего первого маршрута я прошел около 140 км вглубь Кольского, где мне предстояло выйти на слюдяной рудник и встретиться там со своим начальником)»* (С. 25).

Маршрут Игорь проходил вдвоем с рабочим, он пишет, что им «*здорово досталось, <…>, на всем протяжении пути необходимо было считать свои шаги, чтобы точно знать пройденное расстояние и вообще чтобы иметь возможность, имея лишь компас, выйти туда, куда надо, ибо запас еды был строго ограничен. В общем, в результате, когда мы пришли на рудник, у нас не осталось ни крошки еды (голодны мы, правда, не были)»* (С. 25–26). Геологический маршрут — это, прежде всего, испытание (цепь испытаний), без чего не было бы сюжета. На таком маршруте, который описан, невозможно отмечать ландшафтные особенности или красоты природы. Из природных феноменов заслуживают упоминания только мошки и комары, которые дают повод описать экзотическое облачение, спасающее от них. Оно представляет газовый накомарник и своего рода футляр: «*ворот, замотанный чулком и забинтованные поверх рукавов руки, в кожаных перчатках*» (С. 25). В тот сезон было пройдено еще два маршрута. *«Затем уже с двумя рабочими я проделал другой маршрут, пройдя в течение 6 дней 130 км. На этот раз не было никаких особых оказий, да и ходьба велась при более легких условиях. Жара сменилась прохладой с морозами по ночам и облачной ветреной и иногда дождливой погодой. Количество наших главных врагов — мошек и комаров — резко упало и, в общем, по всем статьям было лучше»* (С. 26). Если на первом маршруте что-то замеченное в природе просто фиксируется, то в более благоприятных условиях им можно уже «любоваться»: *«Во время первого маршрута из зверья я видел лишь оленей да лосиху с лосенком. Зато во время второго похода удалось вдоволь налюбоваться переправой через реку нами вспугнутой медведицей с двумя медвежатами и дальнейшим их путешествием»* (Там же).

Обратный путь тоже был сопряжен с погодными и транспортными препятствиями. «*Начиная со 2 сентября, мы начали пытаться выехать в Ленинград. Начались штормы, и пароход, который пришел только 10-го числа, не мог нас взять из-за шторма. На другой день мы сдали почти все свои вещи на почту, а сами отправились по берегу пешком и прошли за четыре дня 150 км. А затем все же пришлось сидеть в деревне без особой надежды на скорый отъезд. Пешком идти также стало невозможно т. к. болота стали непроходимыми. И 22.09. нам удалось выбраться оттуда на самолете. В воздухе я проболтался в общей сложности пять часов, но на железную дорогу попал лишь 24-го вечером».*

Не забыл Игорь описать и свой «экзотический» внешний вид по возвращении домой: *«В конце концов, невероятно растолстевший и заросший, в фетровой шляпе, в ватнике и заплатанных штанах приехал домой. Хорошо хоть был час ночи»* (С. 26).

Обращает на себя внимание, что все препятствия принимались как должное, без жалоб и сетований, будто Игорь всегда был готов или готовился к ним.

Первый сезон обернулся не только знакомством с полевой жизнью и испытанием на выносливость, он принес и первые открытия, пусть и небольшие. Игорь с удовлетворением замечает, что был найден ряд слюдяных жил, тем самым выполнено поставленное задание: *«На Кольском мне удалось собрать материал для зимней работы очень интересный. Собираюсь исследовать вопрос о закономерностях срастания граната со слюдой»* (С. 27).

Летом 1940-го Игорь вновь едет на Кольский полуостров, это уже преддипломная практика в Зашейке, на разведке Ковдорского железорудного месторождения. К месту работы вновь пришлось добираться пешком и пройти для этого 40 км за семь часов до Кох-озера, через которое надо было переправиться. Связи с лагерем не было никакой, лодки пришлось вызывать костром. В связи с этой поездкой отцу он пишет о самом главном — интересной научной работе и ее обеспечении: *«В это лето я еду на новое крупное месторождение железа, где думаю немного денег подзаработать, чтобы обеспечить зимнее существование, отдавая все время занятиям, а главное, собрать материал для своей работы, на которую возлагаю большие надежды. Это месторождение совершенно новое и исключительно интересное»* (С. 27). Об условиях жизни и питании подробно рассказано уже в письме к маме: «*У входа в строящийся поселок стоит арка с надписью “Добро пожаловать”. Как я ее увидел, так и прослезился, думаю, что, мол, добра не жди. Так и оказалось. Здесь скверно с жильем и едой. Еды мало и очень однообразно — гороховый суп, перловый суп, пшенная, перловая каша изо дня в день. Иногда рыба. Я сам иногда ловлю рыбу, ее здесь очень много, но негде и не на чем готовить ее».* Тут же уточняет, что постепенно дела налаживаются: «*Дают по пол-литра молока в день, свежий хлеб, иногда белый, завтра будет масло и конфеты — уже веселее. Есть здесь на пограничной заставе звуковое кино — мы уже видели несколько картин»* (С. 28).

После войны Игорь Бельков приступил к работе в полевой сезон 1946 года, начав сбор материала для диссертации по амазонитовым пегматитам Западных Кейв. В этот же полевой сезон состоялось знакомство с И. Д. Батиевой. Семья поселилась в поселке горняков Кукисвумчорре, жизнь в котором Игорь с большой симпатией описывал отцу. «*Здесь у нас возможность работать вполне реальна, т. к. имеется для этого всё необходимое — лаборатории, оборудование и т. п. — не хватает только времени, т. к. много его приходится на вопросы постороннего порядка. Зато это время искупается другим — экономией во всех остальных сторонах жизни. Мирок у нас здесь не слишком обширен: от дома до места работы всего три минуты ходьбы, до клуба и бани — пять минут, магазин рядом <...>. Но самое главное, что скучать никогда не приходится, т. к. недостаток развлечений искупается возможностью работать столько, сколько хочется. К северу я привык, полюбил его»* (С. 52).

В 1947 году в связи с проектируемой железной дорогой Титан — Кейвы — Йоканьга геологам и аспирантам Кольской базы АН СССР поручили ответственное

задание: детально изучить район, прилегающий к трассе. В этой экспедиции участвовало восемь отрядов под общим руководством заведующего отделом геологии Кольской базы А. А. Чумакова. Сезон 1947 года принес ряд существенных перемен в организации полевой работы, в первую очередь это коснулось транспорта. Все отряды на место работы забрасывали гидросамолетами ША-2, прозванными геологами «Шаврухами». Авиационный отряд базировался в Тик-губе на озере Имандра. Снаряжение, продукты, людей из поселка Кукисвумчорр в Тик-губу отвозили на лошадях, а оттуда на самолетах летели на Кейвы и садились на Ефимозеро. Самолет ША-2 брал на борт 100 кг груза или одного человека. Случалось, что геологи оказывались в полной зависимости от нового вида транспорта. И. Д. Батиева приводит такой пример: «*Окончив полевые работы, все отряды собрались на западном берегу Ровозера. Ждали прилета самолетов, чтобы вернуться домой. Но не тут-то было! Самолетов пришлось ждать 19 дней, т. к. в аэропорту не было бензина. Продукты давно кончились. Благо, в этот год был большой урожай грибов и ягод. На первое варили грибы жидкие, на второе — густые. Кипяченую водичку заедали черникой и брусникой»* (С. 48). Игорь Владимирович в то лето собрал богатый минералогический материал, а зимой закончил диссертацию «Пегматитовые жилы района Западных Кейв», которую защитил 3 июня 1948 года.

Свои размышления о жизни и работе на севере он излагает в очередном письме отцу: *«Я удовлетворен реальной обстановкой и еще более перспективностью дальнейшей работы. Кроме того, я здесь нашел себе спутника на вторую, надеюсь, более плодотворную половину жизни. Сейчас я начал понемногу ощущать свою “весомость”, чего уже не испытывал с самого начала войны. Авторитет и поддержку, достаточные для стимулирования работ, меня интересующих, я теперь обрел и завтра начинаю новый цикл»* (С. 50). «Завтра» имело буквальный смысл. Утром начинался новый полевой сезон 1948 года. Вновь переброски с маршрута на маршрут. Обращает на себя описание различных видов «транспорта» полевого сезона 1948 года: «*В этом году я проделал следующее путешествие: на самолете в северо-восточный угол полуострова, провел там месяц и собрал интереснейший материал, затем прилетел назад, запасся продуктами, прилетел на Канозеро, слетал еще на одно озерко (у нас ведь работают только гидросамолеты). Осенью на лодке поднялся по порожистой большой реке (точнее лодка на нас), затем по системе рек и озер на двух лодках, лошадях и, наконец, приехали домой. Летом также передвигались и пешком, и на лодке по озерам и рекам, где было можно. В результате получены многие совершенно новые и неожиданные результаты для мест, где мы побывали и куда поедем в этом году»* (С. 51).

Полевые работы со временем превращались в привычный образ жизни. Как о само собой разумеющемся сын пишет отцу: *«Через полтора месяца мы с Икой гидросамолетами забрасываемся в хорошие края, на одно большое озеро и до середины сентября будем вести кочевую жизнь в лесах и болотах»* (С. 54).

С лета 1951 года под руководством Игоря Владимировича начались многолетние исследования геологии, стратиграфии, минералогии и полезных ископаемых Больших Кейв. Программой работ предусматривалось составление геологической карты региона. Полевые работы по теме проводились с 1951–1956 годов. В большой работе, помимо И. Д. Батиевой, принимали участие и другие сотрудники института. В 1951–1953 годах заброска геологов велась на ША-2,

а главный базовый лагерь был организован на озере Сухом. Отсюда все снаряжение и продукты до района работ и обратно, включая пробы, доставляли на своих спинах, в рюкзаках, в лучшем случае — на резиновых лодках по реке Сухой. Иногда для переброски давали лошадь из геологической партии Северо-Западного геологического управления, проводившей работы в этом районе. Погодные условия большей частью были сходными: «*Лето у нас было скверное, из 40 рабочих дней только 3 было без дождей, а нагрузка из-за недостатка времени и по другим причинам была двойная и устали мы в этом году хуже псов, тем более что и кормежка была слабой. Как бы то ни было — всю летнюю работу мы сделали»* (С. 67).

На время всех полевых сезонов приходился день рождения Игоря Владимировича 13 августа. Праздновался он по-разному в зависимости от ситуации, об этом пишет Ия Дмитриевна: *«13 августа в долине притока ручья Еловый, где стоял наш лагерь, отметили день рождения Игоря. Из плит сланца сложили настоящую печь, в которой испекли пирог и торт. К нам в гости из соседнего отряда пришли Д. Мирская и Н. Плетнёва»* (С. 64); *«Лето 1953 г. было удивительно дождливым и комариным, а район сильно заболоченным. Но вот запланированные работы были выполнены, и на 13 августа заказан самолет. Это был день рождения Игоря. С утра ждали самолеты, но их все не было и не было. Только в 7 часов вечера мы услышали гул самолетов, но они сели не там, где мы их ждали. Чтобы подойти к самолетам, пришлось вброд переходить ручей и переносить вещи. Мокрые и злые сели в самолет. В Апатиты прилетели около 10 часов вечера. До Кировска успели доехать последней электричкой, а автобусы в Кукисвумчорр уже не ходили, и мы со своими рюкзаками домой пошли пешком. Дома были в 3 часа утра 14 августа. Вот такой был этот день рождения»* (С. 69).

С 1962 года «Хроника жизни» содержит воспоминания только Ии Дмитриевны. В частности, она описывает подробно сезон 1962 года — один из самых протяженных. Запомнился он не только продолжительностью, но и отличиями от других сезонов, прежде всего в отношении обустройства. Появился новый транспорт — самолет АН-2. Рейс оказался удачным, безо всяких приключений. Высадились в поселке Слюдянка, где базировалась метеостанция, и встречать геологов вышло все немногочисленное его население. *«В одном из домов в поселке Слюдянка мы устроили свою базу. В таких же домах жили и работали метеорологи. У них была радиостанция, и к ним мы ходили слушать радио»* (С. 106). Район был обжитой, так как разведка на слюду велась еще до войны, Игорь Бельков приезжал сюда в 1939 году, будучи студентом. В те времена начальником партии разведчиков был С. И. Макиевский, при котором на все разведываемые участки были проложены хорошо сохранившиеся дороги, а через болота — гати. Каждый разведанный участок имел свое экзотическое название: «Визитный», «Цыганский», «Нартовый», «Многолюдный», «Дачный», «Угольный». Комфортные условия проживания на базе вовсе не исключали сложности работы на маршруте, условия не менялись: «*Здесь нас застал такой ливень, что пришлось срочно ставить палатки. На следующее утро мы потащили лодки вверх по Песчаной, дотащили до намеченного притока, но он так зарос осокой, что лодки дальше тащить не было никакой возможности. Весь груз и лодки до реки Пурнач пришлось переносить на себе. В 3,5 км от реки Песчаной*

организовали перевалочный лагерь и сюда перенесли весь груз, а затем все перенесли на реку Пурнач. Дорога на Пурнач шла по торфяному и мокрому осоковому болоту» и т. д. (С. 106).

В 1963 году институт приобрел вездеходы, и в полевой сезон геологи опробовали этот вид транспорта, который значительно облегчил их работу. Благодаря вездеходу исследования охватывали большой район. Первый такой выезд состоялся в район Белых тундр на массив щелочных гранитов. Достаточного опыта езды на вездеходе не было, проезжали немного. Кроме того, первые поездки не обходились без приключений, о чем вспоминает И. Д. Батиева. *«В Мариокском болоте застряли на целых 6 часов. Наш вездеход заклинило между двух ледяных бугров. Пришлось разгружать вездеход — переносить все вещи на сухой край горки. Затем в край бугра вбили два лома и с помощью троса смогли выбраться»*. В тот же сезон чуть не утопили вездеход в болоте у Колмозера. «*Здесь вездеход соскользнул с мерзлой кочки и стал боком. Только бревно, которое притащили оленеводы и положили под гусеницу, помогло нам выбраться*» (С. 113). На отборе проб на реке Вороньей в 1968 году на середине реки заглох мотор и вездеход несло к порогу, находящемуся ниже по течению реки. Организованная работниками водомерной станции помощь не понадобилась: мотор вездехода завелся, и он своим ходом вышел на берег (С. 127–128). Препятствия и происшествия, связанные с транспортом, составляют самую значительную часть событийного слоя повествования. Для воспоминаний геологов это типично и объяснимо.

В налаживании полевого быта важно оборудовать базовый лагерь. По возможности еще перед поездкой на полевые работы намечали место лагеря. По разным причинам не всегда это удавалось, например, в полевой сезон 1968 года геологи, добравшись до намеченного места у озера Чудзъявр, обнаружили, что разбить лагерь невозможно, так как там за оградой стояли нацеленные в небо ракеты (С. 127).

На местах базирования также случаются происшествия, когда геологи уходят на маршруты. Иногда таких «приключений», например, из-за нарушения техники безопасности, бывает более чем достаточно для одного сезона. Одно из таких событий вспоминает Ия Дмитриевна. В сезон 1969 года базовый лагерь был организован на склоне горы Шуурурты, где сохранился поселок геологоразведчиков. Подъезжая к поселку, геологи обнаружили, что изба, в которой была база аспиранта Белькова, сгорела дотла. Выяснилось, что они ушли в маршрут, оставив не полностью затушенную печь. Сгорело все снаряжение, продукты, а главное, секретные топографические карты. Представители спецчасти прилетали в поселок, чтобы удостоверить факт пожара, и по их настоянию аспиранта пришлось отчислить (с. 131). Тогда несколько исправило положение празднование дня рождения Белькова, на котором даже был гость, работавший по соседству. «*К дню рождения у нас были припасены бутылка коньяка, конфеты. Наши рыбаки в реке Сахарной выловили хариусов и поджарили их. Я приготовила пирожки с рыбой, которые жарил в масле именинник. Жарить он их никому не доверял и делал это с большим удовольствием*» (С. 132).

В 1970 году, когда в институте начались исследования по новому пятилетнему плану, группа И. В. Белькова продолжала изучение Верхнепонойского и Лаврентьевского массивов щелочных гранитов. Полевые работы были связаны с переправами через реку Поной. К этому времени снаряжение геологов пополнилось

лодкой с водометным мотором. Главная база была обустроена в селе Ивановка. И здесь не обошлось без происшествия, но уже по вине стихии. В один из дней, когда Игорь, Базанов и Шикторин брали пробу гранита, разразилась сильная гроза, от молнии загорелся лес. Пришлось тушить своими силами. Позже по замерам отряда пожарных каждый участник, тушивший пожар, получил премию в размере трех рублей 11 копеек (С. 134).

В 1971 году Игорь Владимирович был награжден орденом Ленина. В июне в Москве состоялся Международный геохимический конгресс, где Бельков выступал с докладом, и полевой сезон начался без него. 13 августа на Шуурурте отпраздновали день рождения, использовав богатые дары природы и возможности культуры, с присущей полевикам фантазией: *«Дом, где размещалась наша база, мы превратили в ресторан "Зайди, голубчик". На торжестве у нас был обед из 12 блюд: маринованные грибы и огурцы, уха из кумжи, жареные зайчики, оленина, форель, хариус, пироги с рыбой и вареньем, варенье, конфеты, чай, ну и, конечно, коньяк. В этот день в баньке поселка устроили настоящую баню*» (С. 139).

Геологические экскурсии — форма профессиональной коммуникации

В 1970-е годы выезды геологов в поле приобрели новую форму. Наряду с конференциями и прочими научными мероприятиями, за которыми в неофициальной академической культуре утвердилось обозначение «научный туризм», в Кольском филиале Академии наук СССР начали практиковаться геологические экскурсии. В 1972 году Геологическому институту КФАН, который с 1961 года возглавлял И. В. Бельков, исполнилось 20 лет. Достижения и успехи кольских геологов привели к достаточно широкой их известности в геологическом сообществе страны, и с лета 1973 года институт стал местом проведения всесоюзных научных мероприятий, в том числе таких, которые включали выезды в поле. Некоторые из них И. Д. Батиева описывает подробно. В отличие от собственно экскурсий, это были не просто ознакомительные поездки, они были задуманы и организованы как совместная работа.

В 1973 году для знакомства с древнейшими гранитоидами приезжали геологи из Москвы, Свердловска, Новосибирска, Петрозаводска. Была организована экскурсия по гранитам Кольского полуострова, в которую включили и И. Д. Батиеву, М. Дубровского и А. Н. Виноградова. Отряд в составе 14 человек посетил два района — Турий полуостров и Ура-губу. В районе Ура-губы выполнение программы экскурсии несколько осложнялось тем, что интересующий геологов район считался пограничным и в ряде мест требовались пропуска. На Турьем полуострове был разбит лагерь, откуда делали маршруты на чарнокиты и микролиновые граниты, плавали на моторной лодке вдоль побережья. «*В один из маршрутов попали в шторм. Было жутковато, когда лодка поднималась на гребне волны и оттуда ныряла в пропасть. Но все обошлось благополучно. В один из дождливых дней, когда в маршрут выходить не имело смысла, наши мужчины-рыбаки выловили целое ведро окуней. Потом их коптили по сибирскому и кольскому методам с применением разных добавок*» (С. 144). Испытав на себе все «причуды» северного лета, геологи из разных регионов смогли совместить решение познавательных и научных задач с рекреацией и приятным общением, тем более что на момент пребывания в районе Ура-губы пришелся (по всей видимости, запланированно) день рождения И. В. Белькова: «*Его мы отметили в замечательном месте, на берегу Слюдозера. Соорудили длинный стол. Собрали черники и налепили вареник. В Мурманске закупили коньяк, вино и пиво. Отлично*

отпраздновали. Игорю гости читали длинные величальные поздравления» (С. 145). Автор включила в рассказ два стихотворных поздравительных текста, один из них назван «Междугородняя величальная».

В апреле 1974 года на базе Геологического института было организовано «Второе Всесоюзное совещание по редким элементам», в котором приняли участие 230 представителей от 63 научно-исследовательских и геолого-разведочных организаций. Всем участникам совещания предложили познакомиться со щелочными гранитами Кейв и гранитами Юовв-Оайвского массива. Возвратившись из небольшой поездки на вездеходе по Кейвам, участники разбили лагерь на Юовв-Оайвском массиве и оттуда совершали маршруты на массив, часто в сопровождении пограничников, так как часть интересующих объектов была за следовой линией границы (С. 148).

Апатитские геологи совершали и «ответные» визиты. В том же 1974 году в Петропавловске-Камчатском проходило совещание, после которого была организована экскурсия на вулканы Ключевской группы. *«Из поселка Ключи летели самолетом. Жили в поселке Ключи, а потом в палаточном городке под Ключевской сопкой, куда нас доставили на машинах. Эта экскурсия, в качестве познавательной, была очень интересной. Здесь воочию мы увидели, как формируется земная кора. Эта экскурсия еще раз нас убедила, что первичная земная кора должна иметь вулканно-плутонический характер»* (С. 148). Таким образом, удовлетворялся научный интерес, происходило знакомство с новыми территориями и расширялось пространство профессиональной коммуникации.

Административная и общественная деятельность как проблема ученого

На вопрос о возможности совмещения профессиональной деятельности с административной и общественной работой есть разные варианты ответов, но проблема остается, и она актуальна отнюдь не только для ученых.

Наряду с научно-исследовательской и экспедиционной деятельностью на Игоре Владимировиче лежала большая общественная нагрузка. Об этом он писал отцу еще в письме, датированном 15 января 1950 года: *«Сразу после Нового года на меня свалилась масса работы по партийной линии… Буквально ежедневно какие-нибудь заседания, собрания поездки в Мурманск и т. п., а теперь еще предвыборная кампания. В результате всего этого на научную работу я могу отводить сейчас лишь минимум времени, и едва ли это положение исправится до будущего года»* (С. 57). О том же год спустя: *«Сегодня целый день провел на городском предвыборном собрании, а завтра поеду в Кандалакшу — на окружное совещание и т. д. и т. п. Вот три дня (сегодня, завтра и послезавтра) пропадают. Заниматься научной работой в такой хаотической обстановке чертовски трудно. А сверх всего прочего у меня еще большая партийная нагрузка, нагрузка по линии Общества по распространению политических и научных знаний, подготовка к чтению докладов, нагрузки по административной линии и пр.»* (С. 61). Если И. В. Бельков на что и сетовал в письмах, то на нехватку времени для научной работы. Судя по воспоминаниям И. Д. Батиевой, чрезмерная загруженность мужа организационными делами относилась к числу и ее постоянных забот.

Со временем административные обязанности и общественные нагрузки только прибавлялись. Бельков был секретарем парткома Филиала, что не освобождало ни от основной, ни от другой общественной работы. В ноябре 1952 года он был

назначен заведующим сектором минералогии и геохимии Геологического института. В 1956 году в институте было организовано Кольское отделение Всесоюзного минералогического общества, Бельков избран его председателем. В 1967 году прибавилась депутатская деятельность, его избрали депутатом Апатитского городского Совета трудящихся, в 1969-м — на второй срок. В том же году он возглавил правление общества «Знание», причем много лекций читал сам (в год около 20 лекций).

В 1961 году Белькова назначили директором Геологического института, в этой должности он оставался до 1985 года, не переставая заведовать лабораторией минералогии и геохимии. При этом интенсивность научной работы не снижалась: написание научных отчетов, статей и монографий, полевые исследования, многочисленные доклады на конференциях.

Ученые-администраторы и общественники избирают в таких случаях разные способы поведения. Самый распространенный из них — использование для научной работы выходных дней и отпусков. Так, в ноябре 1957 года Игорь Владимирович писал отцу, что, находясь в отпуске, постоянно ходит на работу: *«преимущество в том, что по всяким административным и прочим делам меня не тревожат, а это дает возможность заниматься делом»* (С. 87). И. Д. Батиева свидетельствует, что вопреки большой загруженности *«вечерами и по выходным дням Игорь Владимирович продолжал писать маслом. Для него это был отдых от административных дел»* (С. 117). Как бы ни было, остается удивляться тому, что ритм и результативность его научной работы не снижались. В 1965 году И. В. Бельков защитил в Москве докторскую диссертацию по монографии «Кианитовые сланцы свиты кейв» [1963]. На протяжении многих лет он руководил научными темами института. Для того чтобы успешно справляться со всеми задачами, нужны исключительные внутренние, личностные ресурсы. С одной стороны, нельзя отрицать, что административный и партийный статусы способствуют научному продвижению в карьерном плане, с другой — на репутации ученого в академическом сообществе неоднозначно сказывается его «вненаучная» деятельность, и если он руководствуется научным интересом, ему необходимо постоянно подтверждать профессиональную компетентность — углублять и расширять исследования. Между тем запас времени и здоровья не безграничен. Хроника жизни И. В. Белькова заставляет размышлять и над этой проблемой, которую можно рассматривать с точки зрения научного сообщества, отдельных социальных групп и их представителей.

Заключение

Любой источник, как известно, неисчерпаем. Книга «Игорь Владимирович Бельков. Хроника жизни» рассмотрена нами лишь в первом приближении. Однако и этот взгляд позволяет сделать вывод, что ее значение выходит за рамки интересов лишь региональной академической корпорации. В качестве исторического источника эта книга полезна историкам науки (советской, международной геологической, арктической и т. д.). Она основывается на опыте, квалифицированном профессиональном и многолетнем обыденном знании автора. Повествование содержит разнообразные, в том числе уникальные, свидетельства об истории повседневности советских ученых-геологов Заполярья со второй половины 1930-х до конца 1980-х годов, о разработке отдельных тем и проблем в геологической науке, об истории регионального академического учреждения.

Для антрополога особой ценностью обладают описания полевой жизни, официальных и неформальных коммуникаций в академической среде, научных и праздничных мероприятий, организации быта и культуры семей представителей профессии. В качестве источника книга интересна как образец использования эго-документов, прежде всего писем, органично включенных в ткань повествования и делающих его диа- и полилогичным. Таким образом, факты компонуются, излагаются и оцениваются с разных точек зрения и это создает антропологическую перспективу.

Представляя хронику и описание обстоятельств жизни одного человека, автор сконструировала вариант биографии советского ученого. О типичности или своеобычности такой траектории можно судить лишь на основании широких сопоставлений. В жизнеописании, выполненном И. Д. Батиевой, Игорь Владимирович Бельков предстает гармоничной личностью, в которой таланты ученого, организатора, наставника, художника, семьянина, отца сочетались с высокой культурой, интеллигентностью и жизнестойкостью. Вряд ли могло быть иначе, поскольку книга написана любящей женой и сподвижницей.

Список сокращений

вуз — высшее учебное заведение

КФАН — Кольский филиал Академии наук СССР

ЛИИКС — Ленинградский институт инженеров коммунального строительства

ЛИИПС — Ленинградский институт инженеров промышленного строительства

Список литературы

Абрамович Г. А. Свою судьбу несу я в рюкзаке… Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. 256 с.

Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования: в 3 т. Т. 2 / отв. ред. Г. А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2010. 333 с.

Антропология академической жизни: традиции и инновации / отв. ред. Г. А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2013. 376 с.

Антропология профессий, или посторонним вход разрешен / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2011. 356 с. (Библиотека Журнала исследований социальной политики).

Батиева И. Д. Игорь Владимирович Бельков. Хроника жизни. Апатиты: КНЦ РАН, 2007. 205 с.

Бельков И. В. Кианитовые сланцы свиты кейв: (геологическое строение, кристаллические сланцы и кианитовые руды) / Акад. наук СССР, Кольский филиал им. С. М. Кирова. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР [Ленингр. отд-ние], 1963. 321 с.

Болотова А. А. Государство, геологи и колонизация природы в СССР // Неприкосновенный запас, 2006. № 6. С. 68–84.

Борисова В. В., Волошин А.В. И. В. Бельков и его вклад в коллекцию Музея Геологического института КНЦ РАН // Труды Всерос. науч. конф. и IV Ферсмановской научной сессии, посвященные 90-летию со дня рождения акад. АН СССР А. В. Сидоренко и д. г.-м. н. И. В. Белькова (Апатиты, 4–6 июня 2007 г.). Апатиты, 2007. С. 12–13.

Геология — жизнь моя… Геологи вспоминают: сб. очерков: в 22 т. М.: Рос. геол. о-во, 2001. Вып. 6. С. 557.

Гольдшмидт В. И. Мои мозаичные воспоминания (мемуары). Израиль, 2017. URL: http://samlib.siwatcher.ru/g/golxdshmidt_w_i/memu-ris2doc.shtml (дата обращения: 18.03.2021).

Жеребцов И. Л. Дмитрий Александрович Батиев: создатель Коми автономии, «враг народа», почетный гражданин. К 95-летию Республики Коми. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2016. 64 с.

Змеева О. В. «Имена на карте» как историко-краеведческий текст // Каменев Е. А. Имена на карте. М.: Наука, 2020. 207 с.

Змеева О. В. Полевой сезон геолога и практики мобильности: к истории минералогических исследований Хибинских тундр // Ученые записки Петрозаводского гос. университета. 2018. № 5 (174). С. 91–96.

Кириллов В. Маршрутами, тропами и дорогами. Из бродяжьих воспоминаний дальневосточника геолога-полевика. Хабаровск: ДВО РАН, 2006. 256 с. URL: http://dv-geolog.ru/knigi/5-marshrutami-tropami-i-dorogami.html (дата обращения: 18.03.2021).

Мазур В. Б. Маршруты жизни (записки геолога). М.: НИА-Природа, 2001. 380 с.

Макарова Е. И. Игорь Владимирович Бельков в истории геологии Кольского Севера: к 100-летию со дня рождения // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2017. Вып. 12. С. 143–150.

Малкова Т. А. Эвакуация Карело-Финского университета в городе Сыктывкаре в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории северных стран и территорий. 2012. № 4 (20). С. 68–79.

Махлаев Л. В. Полвека в геологии. Сыктывкар: Ин-т геологии Коми НЦ УрО РАН, 2010. 749 с.

Махнач А. С. Жизнь и наука: воспоминания и размышления. Минск: Белорусская наука, 2008. 186 с.

Мотов Д. Л. В памяти они рядом // Труды Всерос. науч. конф. и IV Ферсмановской научной сессии, посвященные 90-летию со дня рождения акад. АН СССР А. В. Сидоренко и д. г.-м. н. И. В. Белькова (Апатиты, 4–6 июня 2007 г.). Апатиты, 2007. С. 31–32.

Негруца Т. Ф., Негруца В. З. Тропою любви (автобиографическая повесть). СПб.; Апатиты: Синтез, 2002. 230 с.

Потапов С. С. Ия Дмитриевна Батиева (13.04.1922–16.10.2007) // Труды Ферсмановской научной сессии Ин-та геологии КНЦ РАН. 2008. № 5. С. 69–71.

Потапов С. С. К портрету замечательной жены (Ия Дмитриевна Батиева) // Восьмые Всероссийские научные чтения памяти ильменского минералога В. О. Полякова. Миасс: ИМин УрО РАН, 2007. С. 104–108.

Пучков В. Н. Мои высокие широты, мои далекие костры: (воспоминания геолога). Уфа: ДизайнПресс, 2012. 211 с.

Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Антропологические исследования профессий // Антропология профессий: сб. науч. ст. / Сарат. гос. техн. ун-т, Центр социал. политики и гендер. исслед.; под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. Саратов: ЦСПГИ: Науч. кн., 2005. С. 13–49.

Смирнов В. И. Тропой геолога. М.: Изд-во МГУ, 1992. 208 с.

Ученые Кольского научного центра 1930–2010. Апатиты: КНЦ РАН, 2010. 514 с.

Хаин В. Е. Дни моей жизни (воспоминания геолога). М.: Науч. мир, 2009. 223 с.

Хаин В. Е. Из воспоминаний геолога. М.: ГЕОС, 1997. 188 с.

Шер С. Д. Моя геологическая жизнь. М.: ЦНИГРИ. 1983. 159 с.

Щепанская Т. Б. Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI, № 1. С. 140–162.

Щепанская Т. Б. Сравнительная этнография профессий: повседневные практики и культурные коды (Россия, конец XX — начало XXI в.). СПб.: Наука, 2010. 338 с.

Юдович Я. Э., Кетрис М. П. Геологическое поле // Российские геологи рассказывают о себе: в 3 кн. Кн. 2. Сыктывкар: Геопринт, 2015. 372 с.

Сведения об авторах

Разумова Ирина Алексеевна
доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Центр гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН
Саморукова Антонина Григорьевна
научный сотрудник
Центр гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Irina A. Razumova
Doctor of Science (History), Chief Research Fellow
Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre RAS
Antonina G. Samorukova
Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre RAS

УДК 908:930.2:316.52(470.21)
doi:10.37614/2307-5252.2021.1.20.002

А. Е. ФЕРСМАН НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ: ХИБИНСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ[1]

О. В. Змеева
Центр гуманитарных проблем Баренц региона
ФИЦ «Кольский научный центр Российской академии наук»

Аннотация

Рассмотрены отдельные аспекты проектирования и реализации замысла создания хибинского горнопромышленного комплекса, автором идеи которого являлся академик А. Е. Ферсман. В научных и научно-популярных работах второй половины 1920-х — начала 1930-х годов, посвященных промежуточным итогам экспедиционной деятельности на Кольском полуострове, А. Е. Ферсман конкретизировал промышленное значение хибинских открытий, предложил идеи колонизации Мурманского края и реализации комплексного использования минеральных руд на месте. Результатом стало осуществление в центральной части Кольского полуострова индустриальных проектов по созданию промышленных центров. Источниками являются специальные

[1] Статья выполнена в рамках темы государственного задания № 0226-2019-0066 «Социокультурное и научно-техническое развитие северо-западной части Арктической зоны РФ в XIX–XX вв.: исторический и антропологический ракурсы».

и научно-популярные работы А. Е. Ферсмана, в которых автор акцентировал внимание на перспективах развития Хибинских тундр в первый период сталинской индустриализации. Рассматриваются представления выдающегося организатора науки о будущем нового промышленного мира Хибин.
Ключевые слова:
А. Е. Ферсман, социальное воображаемое, представления, будущее Хибинских тундр, проект, советская индустриализация, наука, промышленный центр, Хибиногорск

A. E. FERSMAN ON THE KOLA PENINSULA: KHIBINY PERSPECTIVE

Olga V. Zmeyeva
Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Center of RAS

Abstract
The article examines certain aspects of the design and implementation of the Khibiny project of the future, compiled by academician A.E. Fersman. In scientific and popular science works, A. E. Fersman concretized the industrial significance of the Khibiny discoveries, proposed the ideas of the colonization of the Murmansk Territory and the implementation of the integrated use of mineral ores on the spot. The result of these works was the implementation in the central part of the Kola Peninsula of industrial projects to create industrial centers. The sources of the analysis were special and popular science works by A. E. Fersman, in which the author focused on the prospects for the development of the Khibiny tundra in the first period of Stalin's industrialization. The article examines the author's ideas about the future of the new industrial world of Khibiny.
Keywords:
Fersman, social imaginary, ideas, the future of the Khibiny tundra, project, Soviet industrialization, science, industrial center, Khibinogorsk

Пусть смелыми покажутся наши описания и прогнозы,
но без смелой мысли нельзя завоевать приполярной тундры.
А. Е. Ферсман

Введение

Хибины, Хибинские тундры, Хибинские горы или саамское «Умптэк». Все это названия крупнейшего на Кольском полуострове горного массива, расположенного между озерами Имандра и Умбозеро [Географический…, 1939: 104]. Изучению именно этого участка горной системы А. Е. Ферсман и его коллеги посвятили более 20 лет, которые вместили многочисленные экспедиции, минералогические открытия, разведку месторождений, строительство подъездных путей, разработку месторождения, строительство рабочего поселка, создание и оформление научно-исследовательского пространства, наконец, строительство социалистических городов — новых промышленных центров Кольского Заполярья.

Перечень мероприятий и событий, которые привели к изменению статуса региона в административно-территориальной системе страны, к формированию нового образа региона, не сводится только к перечисленным. Процесс разворачивания истории хибинских открытий многогранен, он детально отражен в многочисленных научных публикациях как инициатора, А. Е. Ферсмана, так и участников организованных им экспедиций (см. напр.: [Хибинские…, 1930–1934]. В результате их деятельности создавалась своеобразная советская история Хибинского горного массива, которая продолжает восприниматься северянами как период «между диким беспомощным прошлым Мурманского края и его сегодняшней мощной индустриализацией» [Ферсман, 1924: 3].

Социальную и этнографическую историю Хибин, описанную А. Е. Ферсманом и его учениками, которая в дальнейшем была воспроизведена их последователями, наши современники оценивают в качестве правдивой, не вызывающей сомнения (см. напр.: [Каменев, 2020: 65–135]. Ее достоверность, как правило, подтверждается рассказами и воспоминаниями участников первых ферсмановских экспедиций о социальных взаимодействиях с представителями коренного населения региона — саами, а также с членами профессиональных групп — рабочих станционных поселков, носильщиков и прочих наемных работников, обслуживавших потребности геологических экспедиций. Таким образом, история промышленного освоения Хибинского горного массива, которая стала основой для формирования актуального историко-этнографического профиля региона, — это конструкт, включающий социальный мир как воплощение идей индустриально-организованного пространства и комплексного освоения апатитовых месторождений [Змеева, 2020: 27].

Сконструированная история особенно привлекательна тем, что она включает элементы прогноза, комплексной и перспективной для автора картины мира, которая лишь частично была реализована. Промышленные и социальные прогнозы, разработанные А. Е. Ферсманом, выполнены лишь частично: «Он оставил нам много добрых и правдивых книг о своих научных странствованиях по горам и кряжам, по тайге и тундре, по степям и пустыням, городам и весям, и где бы он не путешествовал, где бы не находил залежи полезных ископаемых, в его беспокойном воображении рисовались контуры светлого города будущего, залитого светом электрического солнца, населенного счастливыми людьми-тружениками» [Каменев, 2020: 119]. Факт невыполнимости запланированного, задуманного почти сто лет назад, создает последователям академика поле для размышлений: «К трудно оцениваемому ущербу от захламления природы, от недополученной продукции следует присовокупить прямые затраты на захоронение отбросов неразумного хозяйствования. Не таким видел будущее академик А. Е. Ферсман. Он считал нас умнее» [Там же: 23]. Цельность образа будущего таким, как оно виделось академику, при этом не подвергается сомнению. А. Е. Ферсман сформировал системное представление об истории региона, он размышлял не только о прошлом и настоящем, он смог конкретизировать перспективы движения по обозначенному пути. Однако Е. А. Каменев, геолог-разведчик, считавший себя одним из последователей академика, вынужден резюмировать: «Будущее, о котором мечтал Ферсман, для нас стало прошлым, и строили его мы сами (хотели, как лучше, а получилось, как всегда)» [Там же: 22]. Таким образом, адепты идей А. Е. Ферсмана присоединились к замыслу академика, они в определенном смысле стали агентами поля «фактического воображения» [Касториадис, 2003: 164], то есть того социального пространства, которое уже однажды было сформировано и структурировано в виде проекта «Будущее Хибинских тундр» в авторском варианте академика Ферсмана.

Для того чтобы рассмотреть представления автора, отражающие элементы грядущего природного и социального мира Хибин, мы воспользуемся концепцией «воображаемого», которую предложил К. Касториадис в работе «Воображаемое установление общества» [Касториадис, 2003: 164]. Согласно его идее, воображаемое представляет собой «непрерывное, по сути своей

необусловленное творчество (как общественно-историческое, так и психическое) символов/форм/образов, которые только и могут дать основание для выражения “образ чего-то”» [Касториадис, 2003: 11].

Обратимся к научным и научно-популярным работам А. Е. Ферсмана, в которых автор размышляет о перспективах развития Хибинских тундр. Эти перспективы мыслились в качестве реализованных в самое ближайшее время, то есть в 1930–1940-х годах. Мы остановимся на одном из проектов будущего Хибин, опубликованном в 1929 году в работе Ферсмана «Апатито-нефелиновая проблема Хибинских тундр» [Ферсман, 1929: 79–87].

Решающий 1929-й. Проект А. Е. Ферсмана «Будущее Хибинских Тундр»

«Будущее Хибинских тундр» — это название одной из глав монографии А. Е. Ферсмана «Апатито-нефелиновая проблема Хибинских тундр» [Ферсман, 1929: 79–87]. В действительности фрагмент книги представляет системный проект развития производства и общества в Хибинах. К заголовку монографии на обложке добавлено: «По данным работ и исследований на 15-ое окт. 1929 г.». Не будем останавливаться на том, что размышления автора о будущем основаны на многолетнем экспедиционном опыте и изучении обсуждаемого объекта и, по всей видимости, на уже начатых подготовительных работах, нацеленных на создание нового промышленного центра. Напомним только, что строительство рабочего поселка под названием Кукисвумчорр началось летом 1929 года, а в октябре 1931-го он получил статус города и название Хибиногорск.

Геологи-«первопроходцы» не рассматривали Хибины в качестве обжитого пространства вплоть до начала городского строительства. Хибинские горы для исследователей раннего советского периода — транзитная зона, сезонно используемая представителями коренного населения, а также участниками экспедиционных отрядов. Именно 1929 год для Хибинских тундр стал отправной точкой в деле формирования социального пространства. Его называют «переломным» и в «решении апатитовой проблемы» [Каменев, 2020: 91]. Возможно, переходный период сужен до одного года с целью показать масштабность ежедневных мероприятий первого года пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. Картина социального мира 1929 года в воспоминаниях соратников А. Е. Ферсмана представлена фрагментарно, особое внимание сосредоточено на отсутствии постоянного населения. Из многочисленных высказываний о населении Хибин в 1929 году приведем два показательных. «В середине 1929 года в пределах всей Хибинской тундры (кроме Хибинской стационарной разведочной станции НИУ) не было ни единого жителя», — писал геолог Л. Б. Антонов [Антонов, 1934: 4]. Ученый секретарь Кольской базы АН СССР А. М. Оранжиреева, которую, кстати, некоторые исследователи называли историком-летописцем Кольской эпопеи А. Е. Ферсмана, отмечала: «К концу 1929 года мы имеем в Хибинских тундрах “население”, состоящее из горняков, разведчиков и горсточки рабочих, в качестве жилфонда 3 барака, в качестве “предприятий” — открытые пробные разработки, кузницу, баню» [Оранжиреева, 2008: 58]. Авторы акцентируют внимание на временности или, во втором случае, условности социального пространства, традиций и инфраструктуры. Этот прием нередко использовался исследователями Хибин как способ демонстрации столкновения первопроходцев с природной действительностью, создания устойчивого

социального мира, а значит, и нового, не противоречащего старому, социального порядка [Лабунцов, 1929; Ферсман, 1929, 1930, 1931; Фивег, 1930; Куплетский, 1932; Бонштедт-Куплетская, 1965 и др.].

В 1929 году произошло несколько ключевых событий: продолжались геолого-разведочные работы, начались горные работы, развернулось жилищное строительство, на площадке у рабочего поселка появился буровой станок — началось бурение, была создана Апатито-нефелиновая комиссия Главхима ВСНХ СССР, экономически было обосновано строительство в Хибинах. «К этому времени уже определилось огромное промышленное значение апатито-нефелиновых руд Хибинского горного массива» [Киселев, Краснобаев, 1981: 10].

Перспектива «интереснейшей и экономически заманчивой картины» разворачивалась на глазах исследователей Хибин. Именно «картину» А. Е. Ферсман предложил читателю в разделе «Будущее Хибинских Тундр». Эта картина имела конкретное финальное воплощение — карту с пояснениями намечаемых мероприятий [Ферсман, 1929: 94–95]. Будущее А. Е. Ферсмана — это система социальных представлений, «социальное воображаемое, которое есть не что иное, как система интерпретаций мира» [Касториадис, 2012: 67]. Мир Хибин академик видел подчиненным промышленной жизни: системе добыче сырья, его комплексной переработке и транспортировке, основа которой — институционализация науки.

Автор представлял будущее как последовательное решение так называемой апатитонефелиновой или хибинской проблемы, которая включала и решение вопросов комплексного использования руд Хибинских месторождений, и создание промышленных, социальных, транспортных систем. Несмотря на то, что предложенные варианты решения проблемы автор обозначил как рисуемое в «розовых красках будущее», он предложил взглянуть на него «не в виде заманчивых, но фантастических планов, а в совершенно реальных штрихах» [Ферсман, 1929: 79]. Таким образом, намечался комплекс мероприятий, реализация которых была как необходимой, так и наиболее вероятной.

Первоначальным действием в реализации плана было развитие железнодорожной инфраструктуры, которая, как и все остальное, была призвана ускорить покорение горного массива и формирование нового ландшафта. А. Е. Ферсман представлял систему железнодорожных ответвлений от главной магистрали — Мурманской железной дороги, новая структура названа Хибинской железной дорогой. Она должна была стать ключевой линией с многочисленными станциями, которая «отдельными ветками врежется в узкие долины горного массива, со временем прорежет его по длинной долине Кукисвума до самого севера, обогнет его крутые южные склоны и закончится своими тупиками или под самыми рудниками, или у берегов озера Умпъявра (Умбозеро)» [Там же: 79]. Станции «Белой» Мурманской железной дороги отводилась роль сортировочного и товарного пункта. Ее название, конечно, должно было измениться на содержащее в основе имя главного богатства региона. Таким образом, «Белой» было суждено стать «Апатитовой».

Вторым пунктом в проекте значится строительство населенного пункта. В 1929 году академик не планировал поселение со статусом города. В его представлениях, это рабочий поселок, потенциальное название которого академик не придумал. Поскольку к постройке Горной станции Академии наук к тому времени уже приступили, объекты будущего населенного пункта должны быть размещены по установленным традициям. Это означало расположение поселка

на склоне горы, окультуривание берегов озер путем создания полей и огородов, обустройство пешеходных троп и убежищ для туристов, на горных плато и в еловых лесах — строительство санаториев «с большими верандами для лечения горным воздухом и лучами незаходящего летнего солнца» [Ферсман, 1929: 80].

Особенно красочно рисовалась в воображении А. Е. Ферсмана «новая промышленная жизнь». Ее основа — полезные ископаемые, состоящие преимущественно из апатитонефелиновой породы. Академик представлял работу пяти-шести рудников, добывающих «главное богатство» — апатит, а также разбросанные рудники отдельных цирков Хибинских и Ловозерских тундр, извлекающие титановые, молибденовые, циркониевые руды. «Загорится» новая жизнь благодаря разработанной транспортной системе: на север, через порты Мурманска — в Англию, Германию и Скандинавские страны; на юг, создавая фабрики и развивая промышленность населенных пунктов, расположенных на реках Нива, Ковда, Кемь или Выг — источниках водной энергии. Расширяя пространственные границы своего проекта, автор представляет работу новых «бумажных и лесных» комбинатов, фабрик керамических изделий и карборунда в Карелии. На этом Ферсман останавливается в создании картин будущего, не осмеливаясь предложить новые продукты и методы их обработки: «…Сейчас трудно еще предвидеть те пути, по которым пойдет новая промышленность» [Ферсман, 1929: 81]. Завершая радужную картину, но не проект, он пишет: «Я считаю, что ясное понимание тех затруднений, которые могут встретиться на каком-либо пути, есть первый залог их преодоления» [Там же: 82].

Трудности, препятствующие достижению запланированного будущего, автор разделил на «затруднения», «заботы», «задачи». Он систематизировал их и установил последовательность.

Затруднение (1) связано с природно-климатической спецификой региона. Наибольшие помехи видятся «в долгой и темной зиме с полутора месяцами полярной ночи, с резкими и внезапными переменами погоды, с осенними и зимними буранами и ледяными туманами». Это затруднение «усложнит открытую добычу апатитовой породы и заставит переходить на более дорогие подземные выработки» [Там же: 82].

Заботы (2, 3). «Безлюдье» Кольского полуострова А. Е. Ферсман относит к категории забот. По его мнению, это временное беспокойство, поскольку колонизационные задачи успешно осуществляла Мурманская железная дорога. Был необходим комплекс действий, нацеленных не только на перенаправление миграционных потоков, но и на мотивацию и адаптацию новых жителей: «Приучить нового поселенца и рабочего к полярным условиям, надо его психику, быт и обычаи жизни приспособить к тем условиям, к которым уже привыкло местное население» [Там же: 82].

Еще одной заботой академик считал отсутствие «на нашем Севере некоторых основных веществ, необходимых для промышленного развития края». В частности, он упоминает о колчеданах, необходимых для сернокислотной промышленности, каолинов и высокосортных глин — для керамической и гончарной промышленности и известняков — для извести, цемента и химических производств.

Задачи (4, 5) — это временные, но быстро преодолимые проблемные ситуации. Первостепенная задача — «победа над расстояниями», она вызвана удаленностью Мурманского края от основных промышленных центров страны,

прежде всего от Ленинграда и Москвы. По мнению Ферсмана, по этой причине снижается «ценность нашего Хибинского сырья». Автор готов мириться с обстоятельствами и затратами на железнодорожные перевозки «только первые годы». Решение — научные исследования, предложения и переход к «получению более ценных концентрированных препаратов на самом севере» [Ферсман, 1929: 83].

Последнюю, пятую, задачу А. Е. Ферсман возвращает в категорию «затруднений». Она заключается в «новизне дела, новизне сырья». Заканчивая перечень трудностей, автор подводит читателя к мысли: «К тому же новизна дела требует и новых приемов, и новых людей: ни у нас, ни за границею нет готовых рецептов и формул, надо самим учиться на новом деле, учиться, скажем откровенно, на своих собственных ошибках и на опыте» [Там же: 84].

Таким образом, А. Е. Ферсман определил основные препятствия, предложил некоторые варианты их преодоления и поместил свой проект в комбинированное пространство будущего, взаимосвязанными элементами которого являются общество, наука и производство. «В этих строках ясно сказано, что позволит преодолеть все затруднения в намечаемой работе, — это энергия, не теряющая темпа и масштаба работы, техника, подводящая фундамент под производство, и наука, которая должна своими путями внедряться и проникать всю проблему в целом» [Там же: 85].

Резюме основных положений, включающее очередность мероприятий на ближайшие годы, карта с объяснениями хозяйственных перспектив завершают проект будущего Хибинских тундр 1929 года.

Предварительные выводы

«Возможно, что кто-либо, найдя эту книгу в библиотеках через 15–25 лет, с интересом сравнит наши надежды и наши ожидания с тем, что получилось в действительности», — предполагал А. Е. Ферсман в конце 1920-х [Ферсман, 1929: 79]. Обращаясь к читателю будущего, для которого прогнозы ученого стали настоящим или уже прошедшим, автор поддерживал интерес к прочтению главы о будущем, предоставляя возможность сопоставить воображаемую картину автора с реальностью читателя. Призывая новые поколения оценить результаты деятельности первопроходцев Хибин, академик создает для будущего читателя исторические конструкции, которыми последний и руководствуется. А. Е. Ферсман, один из глубоко убежденных в исключительной ценности Хибинских месторождений, создал цельный образ — концепцию будущего, которая, как нам теперь известно, превратилась в реальность еще при жизни автора.

Через 11 лет после публикации книги «Апатито-нефелиновая проблема Хибинских тундр» А. Е. Ферсман подводил итог: «Так намечали мы будущее в наших смелых планах конца 1929 года. Мы видим, что жизнь на сегодня далеко перекрыла эти предположения, вырисовывающиеся десять лет назад лишь в фантазиях ученого. Подавляющее большинство их претворилось в действительность и сейчас кажется уже заурядным явлением. Реализация остального — вопрос ближайшего времени» [Ферсман, 1940: 41–42].

Будущее, запланированное А. Е. Ферсманом, не было утопией или идеальным миром. Это системный план, предлагающий последовательное его выполнение с учетом различного рода препятствий. Более того, разработанная академиком

концепция являлась открытой системой: запланированный комплект мероприятий в любой момент был готов стать неким промежуточным действием в новом, обновленном проекте будущего. Автор не раз обращался к собственным историческим конструкциям, расширяя и пополняя их.

А. Е. Ферсман объединил субъективные представления о перспективах развития Хибинских тундр и реальность, создавая творческий продукт — образ будущего. Противоречия между субъективным и объективным снимались при помощи «социального воображаемого». Представления о будущем включали как идеи комплексного использования сырья на месте, так и социального проекта. «Социальное воображаемое» — творение будущего реализовалось в системе, включающей компоненты производственного, научного и собственно социального миров. Целостная картина будущего, нарисованная А. Е. Ферсманом, наделена системой значений, которые впоследствии стали управлять реальной социальной структурой городов Хибинского ареала. Концепция, реализованная на практике, повлияла на формирование образа жизни социального и профессионального сообществ «Русской Лапландии».

Список сокращений

ВСНХ — Высший совет народного хозяйства

Главхим — Главное управление химической промышленности

Список источников и литературы

Антонов Л. Б. Апатитовые месторождения Хибинской тундры // Хибинские апатиты: в 7 т. Т. 7. Л.: ОНТИ-Госхимтехиздат, Ленингр. отд-ние, 1934. С. 1–196.

Бонштедт-Куплетская Э. М. В Хибинских экспедициях // Александр Евгеньевич Ферсман. 1883–1945. Жизнь и деятельность: сборник, посвященный выдающемуся советскому ученому, геохимику и минералогу, кристаллографу и геологу, географу и путешественнику. М.: Наука, 1965. С. 262–266.

Географический словарь Кольского полуострова: в 2 т. Т. 1. Л., 1939. 144 с.

Змеева О. В. А. Е. Ферсман на Кольском полуострове: экспедиционная работа и формирование историко-этнографического профиля региона // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2020. Вып. 19, № 6. С. 20–29.

Каменев Е. А. Имена на карте / науч. ред., коммент, вступ. ст. О. В. Змеевой; биогр. справка и послесл. Е. Е. Каменевой. М.: Наука, 2020. 207 с.

Касториадис К. Воображаемое установление общества / пер. с фр. Г. Волковой, С. Офертаса. М.: Гнозис; Логос, 2003. 480 с.

Касториадис К. Дрейфующее общество. Беседы и дискуссии (1974–1997). М.: Гнозис; Логос, 2012. 328 с.

Киселев А. А., Краснобаев А. И., Барабанов А. В. Гигант в Хибинах: История ордена Ленина и ордена Октябрьской революции производственного объединения «Апатит» имени С. М. Кирова (1929–1979). Мурманск: Кн. изд-во, 1981. 200 с.

Куплетский Б. М. Исторический очерк. За Полярным кругом. Работа Академии наук на Кольском полуострове за годы советской власти (1920–1932) / под ред. А. Е. Ферсмана. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. С. 8–17.

Лабунцов А. Н. Как был открыт хибинский апатит // Карело-Мурманский край. 1929. № 11–12. С. 17–19.

Оранжиреева А. М. Работа Академии наук СССР и социалистическое строительство на Кольском полуострове. Апатиты: КНЦ РАН, 2008. 119 с.

Ферсман А. Е. Апатитонефелиновая проблема в 1930, 1940 и 1950 гг. (к 10-летию Кировска) // Природа. 1940. № 1. С. 36–46.

Ферсман А. Е. Апатитонефелиновая проблема Хибинских тундр (по данным работ и исследований на 15-е окт. 1929 г.). Л.: Науч. хим.-техн. изд-во; Науч.-техн. упр. В.С.Н.Х., 1929. 96 с.

Ферсман А. Е. Горная Хибинская станция «Тиетта» // Природа: популярный естественно-исторический журнал. 1930. № 9. С. 903–908.

Ферсман А. Е. Неотложная задача Академии наук. К вопросу о научных станциях на местах // Вестник Академии наук СССР. 1931. № 5. С. 7–12.

Ферсман А. Е. Три года за полярным кругом: очерки научных экспедиций в центральную Лапландию 1920–1922 годов. Пб.: Время, 1924. 78 с.

Фивег М. П. Разведочные работы на части Кукисвумчоррского Апатитового месторождения (предварительные сведения по январь 1930 г.) // Хибинские апатиты. Л.: Апатит, 1930. С. 47–67.

Хибинские апатиты: сб.: в 7 т. / под общ. ред. акад. А. Е. Ферсмана. Л.: Апатит, 1930–1934.

Сведения об авторе

Змеева Ольга Васильевна
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центр гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН
e-mail: zmeyeva@rambler.ru

Olga V. Zmeyeva
PhD (History), Senior Research Fellow
Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre RAS
e-mail: zmeyeva@rambler.ru

УДК 94(470.22) «1917–1991»
doi:10.37614/2307-5252.2021.1.20.003

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НА СЕВЕРЕ РОССИИ: СООРУЖЕНИЕ МУРМАНСКОЙ МАГИСТРАЛИ И ПЕРЕМЕНЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО 1917 ГОДА[1]

Е. Ю. Дубровская
Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Аннотация

Основанная на архивных материалах и опубликованных источниках статья посвящена изучению вопросов повседневной жизни рабочих и служащих Мурманской железной дороги в период строительства магистрали и во время

[1] Исследование выполнено в рамках госзадания КарНЦ РАН (тема FMEN-2021-0009 «Карелия в условиях общественных трансформаций XVII–XXI вв.: новые подходы и интерпретации»).

революционных перемен 1917 года. Автор предлагает рассмотреть аспекты трансформации отдельных социальных ценностей, провоцировавшей состояние социального напряжения и вместе с тем укреплявшей старые психологические стереотипы. Исследованы такие структуры повседневности, как отношения человека с миром окружающих его вещей, отношения между людьми и общественные настроения. Став вынужденными переселенцами на север России, строители магистрали почувствовали поликультурность региона, где им довелось оказаться вместе с тысячами других трудовых мигрантов в Карелию и на Кольский Север. Отмечено, что одним из факторов дестабилизации повседневной жизни рабочих и служащих дороги в 1917 году стало усиление этнической преступности, связанной с появлением китайских рабочих.

Ключевые слова:

Мурманская железная дорога, Первая мировая война, российская революция 1917 года, Карелия, Кольский Север, рабочие, служащие, повседневность

EVERYDAY LIFE OF RAILWAY CONSTRUCTION IN THE NORTH OF RUSSIA: BUILDING OF THE MURMANSK HIGHWAY AND CHANGES IN THE REVOLUTIONARY 1917

Elena Yu. Dubrovskaya

Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Centre of RAS

Abstract

Based on archive materials and published sources the paper studies the questions of railway builders' every-day life during the construction of the Murmansk railway as well as in 1917, the period of revolutionary changes. The author suggests aspects of transformation of some social values, which provoked social strain condition and strengthened old psychological stereotypes at the same time. The study shows such daily structures as human being attitude to surrounding world's belongings, relationship with other people and social mood. The railway builders, who have become unwilling settlers in the North of Russia, felt polycultural character of the region they found themselves together with thousands of other working migrants to Karelia and Kola North. Increasing of ethnic criminality connected with arriving of Chinese workers is identified as one of the factors, which made every-day life of construction workers and office-workers unstable.

Keywords:

Murmansk railway, World War I, Russian revolution 1917, Karelia, Kola North, construction workers, office-workers, daily

Повседневность в экстремальных обстоятельствах

Мурманская железная дорога, введенная в эксплуатацию в ноябре 1916 года, стала важным звеном в системе коммуникаций, соединивших Российскую империю через порты Европейского Севера с союзными странами Антанты. События всемирно-исторической важности, связанные с Первой мировой войной, сыграли особую роль для Российской Карелии и Кольского Севера, став своего рода проектом дальнейшего социального и экономического развития края на протяжении всего XX столетия [Трошина, 1914; Голдин, 1918; Харитонов, 1984; Juntunen, 1997; Агамирзоев, 2008; Голубев, 2011; Нахтигаль, 2011; Дубровская, Кораблев, 2017].

В период российской революции 1917 года трансформация политической системы протекала на фоне усталости населения от государственного произвола военного времени и порождала надежды на «лучшие времена» [Зимина, 2007: 116]. Социальная трансформация наиболее отчетливо проявляется в переходные периоды. На севере России особенно заметными становились стремление

к общественному компромиссу, с одной стороны, и желание не только военных, но и оказавшихся под их влиянием жителей губернских центров, уездных городов и даже карельской глубинки Олонецкой и Архангельской губерний утверждать свою правоту с помощью насилия — с другой.

Геополитическое значение Российской Карелии и Кольского Севера, возросшее в годы Первой мировой войны и обусловленное строительством Мурманской железной дороги, потребовало формирования новых ориентиров и ценностей. Они определялись как особенностями региональных культурных традиций, так и социальными, политическими, экономическими интересами государства. Влияние военного фактора на условия жизни строителей магистрали прежде всего проявилось особой остротой продовольственного кризиса, вызванного большим притоком мигрантов в регион в связи с постройкой МЖД [Нахтигаль, 2011; Кривоноженко, 2020] (рис. 1).

Рис. 1. Олонецкий вице-губернатор А. Ф. Шидловский, видный исследователь Севера России. В 1914 г. был привлечен принцем А. Ольденбургским, верховным начальником санитарной и эвакуационной части российской армии, для решения вопроса о безотлагательном строительстве МЖД [Дубровская, Кораблев, 2017: 96]

В центре внимания историков российской революции 1917 года, Гражданской войны и военной интервенции в советскую Россию традиционно оставались институты власти и основные участники борьбы за власть, крупнейшие политические партии и их главные лидеры [Петров, 2017]. Между тем исследование повседневных практик выживания, к которым, в частности, вынуждены были прибегать и строители Мурманской дороги в экстремальных обстоятельствах военного и революционного времени, открывает перспективы для изучения истории повседневности на фоне социокультурных перемен

в российском обществе [Ольнева, Федюк, 2011: 251]. При этом необходимо учитывать сложность и дискуссионность вопросов о структуре и содержании понятия «повседневность», которое предполагает аналитический подход к истории меняющегося человека в его обыденных заботах [Пушкарева, 2007: 35].

По наблюдениям известного московского этнолога Н. Л. Пушкаревой, вполне оправданна постановка таких тем, как «повседневность военной поры» или эпохи революционных экспериментов. Как «история обиходных практик» повседневность должна с неизбежностью включать «формы поведения и стратегии выживания и продвижения, какими пользуются люди в специфических социально-политических условиях», в том числе и самых экстремальных, в условиях войн и революций [Там же: 41].

Источники по истории строительства магистрали иллюстрируют организацию повседневности военного времени в рамках таких структур, как труд и досуг построечников. Обращают на себя внимание публикации в петрозаводской газете «Мурманский путь», которая с сентября 1917-го по март 1918-го издавалась в Петрозаводске главным дорожным комитетом Союза служащих и рабочих Мурманской железной дороги. В ноябре 1917 года в нескольких номерах газеты печатались «Очерки Мурманского быта» [Очерки…, 1917], которые носили публицистический характер. Их автором, подписавшимся инициалами А. де-Л., был железнодорожный служащий 3-го участка 3-й дистанции пути (ст. Энгозеро). Благодаря публикации этих заметок можно узнать о повседневной жизни строительных рабочих и служащих магистрали, об их восприятии культурного пространства Севера.

Содержание понятия «повседневность» включает и отношения человека с миром окружающих его вещей (внешний и внутренний облик жилища, одежда, обувь, привычный рацион питания и т. д.) [Ольнева, Федюк, 2011: 251]. Стоит остановиться на описании вереницы похожих друг на друга осенних дней 1916 года, сливавшихся в однообразную картину жизни конторских служащих на ст. Энгозеро. По свидетельству очевидца, в это время года входы в бараки были залиты дождевой водой, а дорогами, «если только так можно назвать, были узкие полоски земли, свободные от пней и прочего строительного материала», которые «представляли из себя текучую грязную массу». В такие дни люди выходили из дома лишь в силу крайней необходимости: «в кладовую за продуктами, в контору, на конный двор и тому подобные административные инстанции Мурманстройки» [Очерки…, 1917: 5 ноября].

Год спустя автор «Очерков Мурманского быта» не обошел вниманием распорядок дня своих сослуживцев, работавших на 3-м участке 3-й дистанции пути, отметив рутинную повторяемость событий в предреволюционное «обычное время», отличавшееся от времени «нынешнего». «Жизнь протекала таким образом»: вставали в 8 часов, «пили чай с белым хлебом и сливочным маслом, чай пили не «с удовольствием», а с сахаром, не то, что теперь», в 9 часов отправлялись в контору, где «просиживали до 3, затем шли обедать и до 6, т. е. до начала вечерних занятий, ложились спать». Рабочий день заканчивался в 9 часов вечера, и после ужина время проводили «каждый по-своему»: «кто читал лежа в сапогах на койке, кто играл на гитаре под аккомпанемент разбитого, фальшивого баса, кто направлялся в клуб, т. е. более просторную комнату, где играли в карты, кто шел на охоту за зайцами, а кто качался на качелях с горняшкой Настей. А утром, после бессонной ночи, та же картина — контора» [Очерки…, 1917: 5 ноября].

Если отнести упоминание об охоте к более светлому времени года, это повествование о времяпровождении досуга заслуживает доверия, хотя рассказчик не лишен склонности к «художественному» вымыслу, роднящему его «Очерки» с газетным фельетоном. Так, описав непомерные запросы конторщиков, которые желали получить компенсацию за имущество, якобы утраченное во время пожара в жилом бараке и совершенно не представимое в этих условиях, он заключил, что погорельцам все же пришлось перебраться «за неимением подходящих квартир в контору, где после окончания вечерних занятий укладывались на столах». Автор публикации отметил и ряд «неудобств», которые были этим вызваны: «во-первых, приходилось вставать раньше, а во-вторых, нельзя было по вечерам играть в девятку, т. к. в конторе азартные игры не допускались» [Очерки…, 1917: 5 ноября].

В житейском дискурсе его повествования можно найти и примеры «выравнивания» необычного, в данном случае — необычных обстоятельств проживания семей строителей в условиях жестких ограничений и продуктового дефицита военного времени, сближавшихся с обыденным и повторяющимся [Пушкарева, 2007: 4]. С практиками выживания в кризисной ситуации связаны случаи плутовства, к которым вынуждены были прибегать семейные построечники, рассчитывая на благодарность и какое-то вознаграждение от служащих и рабочих, занимавшихся изготовлением «бражки». Для этого требовалось определенное количество сахара, который невозможно было приобрести за деньги, сахар выдавался по норме 4 фунта (примерно 1,6 кг) в месяц на человека.

«Вопрос этот разрешали таким образом: у какого-либо многодетного служащего брали напрокат детей, а у другого служащего, находившегося на постройке без семьи — паспорт, в котором значились дети, и с паспортом и детьми шли к жандарму». Тот удостоверял, что «к служащему такому-то прибыла семья и дети, с этим документом шли к счетоводу и в категоричной форме требовали квартиры для вновь прибывшей семьи». Однако после долгих уговоров с обеих сторон «мирились на том, что временно семья может поместиться где-либо», а в виде компенсации «тотчас же выписывался сахар по числу душ вновь прибывших». Как вспоминал автор публикации, «бражку варили где-либо в укромном месте, например, на острове в шалаше или в необитаемом бараке, или в ином месте. Дрожжи были из хлебопекарни, хмель привозили из с. Поньгама, сахар, значит, из кладовой, для порядка приглашали для добрых отношений жандарма. Так коротали дни и ночи построечники…» [Очерки…, 1917: 7 ноября].

1917 год внес изменения в подобный порядок организации досуга. Попытки обмануть государство, декларируемое и воспринимавшееся теперь как «народное», пресекались комитетами рабочих и служащих. На той же ст. Энгозеро в июне 1917 года местный исполком, возглавляемый председателем Бойцовым, принял постановление, которое телеграфом было передано Главному исполкому Мурманстройки в Петрограде, а также «всем линейным комитетам и всем начальникам от Петрозаводска до Мурманска». Выборный орган власти предписывал Максима Рябова, дорожного мастера ст. Амбарный, и Елену Феодорядину «за изготовление и продажу различных суррогатов» признать «врагами народа, отравляющими его и подрывающими здоровье», и «немедленно удалить с Мурманстройки» [НА РК. Ф. 320. Оп. 7. Д. 1/4. Л. 48а]. Железнодорожники обратились с просьбой ко всем адресатам «не дать им возможность свить свое преступное гнездо» в другом пункте магистрали.

Однако у руководителей строительства в это время еще сохранялась возможность корректировать излишне радикальные постановления комитетов. В августе 1917 года начальник 9-го участка Д. Д. Кожевников узнал о намерении комитета 3-й дистанции отпускать продукты священнику сгоревшей церкви села Пулозера по номенклатурным (рыночным), а не контрактным ценам и распорядился отменить это постановление, сославшись на то, что священник «ни разу не отказывался исполнять требы, крестины, похороны». Он обратился в участковый комитет с предложением соорудить новую церковь взамен сгоревшей, тем более что у священника уже имелись денежные пожертвования, «собранные местными лопарями». Кожевников настаивал на необходимости «собрать для этого еще денег по подписке и вызвать плотников, пожелавших работать во внеурочное время за вознаграждение или сдельно» [НАРК. Ф. 320. Оп. 7. Д. 1/4. Л. 120].

Устоявшиеся отношения между людьми как одна из структур повседневности

Статистические данные по «району тяготения Мурманской железной дороги», известные руководителям строительства, основывались на результатах Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года. В ее итоговом экономико-географическом обзоре Кольского полуострова на территории Александровского уезда начала XX века были отмечены Кольско-Лопарская, Кузоменская, Мурманско-Колонистская, Понойская, Териберская, Тетринская и Умбская волости (правда, «Адрес-календарь Архангельской губ. на 1903 г.» указал Териберское общество входящим в Кольско-Лопарскую вол.) [Адрес-календарь…, 1903: 19; Голубев, 2011: 174]. В составе населения полуострова, насчитывавшего 14 300 чел. и имевшего плотность 0,11 чел. на квадратную версту, перечислялись «русские, финны, саамы (лопари), иженцы (так в документе. — *Е. Д.*), зыряне, самоеды, выходцы из Норвегии и Печорского края». Среди основных занятий жителей были названы оленеводство, охота, промысел морского зверя, рыбная промышленность, а также «лов в прилегающих морях и в Северной Атлантике», который «является одной из основных отраслей специализации Кольского полуострова» [Голубев, 2011: 174].

Любопытно пояснение, сделанное в записках путешественника, проехавшего в 1917 году по только что сооруженной магистрали от Кеми до Мурманска, о том, что «Имандра — месторождение северного оленя». Оно, несомненно, лишний раз указывает на инженерную профессию и технический склад ума их автора, который обратил внимание и на особенности традиционного природопользования в Заполярье: «целые стада оленей пасутся здесь в ущельях гор, но пасут их не люди, а собаки, специально на этот случай выдрессированные» [Построечник, 1917: 2 ноября].

Описывая село Поньгома, расположенное вблизи от одноименной железнодорожной станции, «Построечник» отметил происшедшее буквально на глазах «воздорожание» продуктов морского промысла. Если прежде пуд (16,38 кг) соленой сельди «стоил 2 рубля 20 копеек, то теперь десяток — 6 гривен» (60 коп. — *Е. Д.*), — сокрушался автор записок [Построечник, 1917: 28 октября]. По его рассказу, местные жители вели торговлю с Кемью и Архангельском, где на вырученные от продажи сельди деньги им удавалось разжиться «красным товаром» (мануфактурными и галантерейными изделиями). Поскольку в бухту Поньгома заходили пароходы и становились на якорь недалеко от берега,

строители железной дороги пользовались этим «для поправки здоровья», особенно в условиях нараставших продовольственных трудностей лета — осени 1917 года. Здесь можно было найти «и уху из ершей, семгу, картофель, крупчатку, молоко, яйца, простоквашу, творог, масло, баранину, кур и прочие лакомства». При упоминании этих, казалось бы, вовсе не деликатесных продуктов, «у петроградца, — по словам очевидца, — повышается температура и делается сильный озноб» [Построечник, 1917: 29 октября].

Автор посетовал и на то, что, несмотря на хорошие уловы рыбы, в частности, кумжи, которая «не уступает по вкусу гатчинской или финляндской форели», у железной дороги «рыболовных организаций не существует». Это дало ему основание утверждать, что на линии между Кандалакшей и Мурманом «рыбный промысел развит слабо», ведь рыбу ловят «исключительно местные лопари». Традиционная промысловая деятельность коренного саамского населения края воспринималась трудовыми мигрантами как своего рода повинность в пользу появившихся здесь государственных институций: «Лопари эти находятся на учете у железной дороги и, согласно контракту, по определенной цене обязаны весь улов сдавать в кладовые дистанции». На практике же это выполнялось плохо: «рыба продается по дорогой цене в частные руки, а в кладовые попадает лишь малая толика улова» [Построечник, 1917: 2 ноября].

Из газетной публикации читатель газеты «Мурманский путь» узнавал о том, что ст. Кандалакша соединена с морской пристанью одноколейной веткой, а лежащее в трех верстах одноименное село расположено по обоим берегам устья реки Кандалакши и чрезвычайно живописно. В нем насчитывалось до 260 дворов, три церкви и до 800 бараков казенных построек, 7–8 лавок, к пристани подходили грузовые и пассажирские пароходы. В селе «можно получить какую угодно провизию», «Кандалакша славится своей копчушкой, т. е. копченой маленькой селедкой, сезон которой август и сентябрь. Здесь устроены специальные для этой цели рыбокоптильные заводы» [Построечник, 1917: 1 ноября] (рис. 2).

Дальнейший рассказ очевидца, хорошо осведомленного о процессе изготовления копчушки жителями Поморья, лежит на стыке этнографического и технологического описаний: «Копчение сельдей производится таким образом. В деревянные громадных размеров ящики кладутся рядами предварительно нанизанные на железные прутья сельди, в середине ящика разводится огонь, и крышка ящика плотно закрывается, затем ящик ставится в земляные печи; через 2–3 часа сельди готовы» [Построечник, 1917: 1 ноября].

Отмеченные М. В. Ивановой и О. В. Шабалиной характерные для XIX века особенности организации внутренней торговли на территории Кольского полуострова, которые были связаны со спецификой расселения жителей края и с практическим отсутствием путей сообщения по суше, сказывались и на структуре торговых сделок в начале XX столетия. Среди участников внутренней торговли исследовательницы выделили национальные группы населения, которые осуществляли традиционную трудовую деятельность. В эти группы входили саами (лопари) — коренные жители региона, поморы как старожильческое население края и пришедшие на полуостров после 1880-х годов коми-ижемцы, которые наряду с финнами и норвежцами стали этническими мигрантами. Противясь ассимиляции, они существовали внутри своей экономической модели, отличавшейся первостепенной ролью коммерческого оленеводства и допускавшей также оседлый тип поселений [Иванова, Шабалина, 2019б: 58–59].

Рис. 2. Помор, отправляющийся на рыбную ловлю [НА КарНЦ РАН]

Вероятно, говоря о Кандалакше как о центре лопарской торговли, автор путевых заметок «От Кеми до Мурманска» все же перечисляет не впервые увиденный им ассортимент товаров, в основном поставлявшийся сюда коми-ижемцами, и сравнивает цены с теми, что были прежде. «Зверобои свозят сюда для продажи пимы (обувь), оленьи шкуры, шапки из шкурок молодых оленей. Особенно оригинальны ковры, сшитые из оленьих лбов в шахматном порядке бело-черными шашками. Раньше такой ковер стоил 10–15 руб., теперь цены вздуты до 180 руб.». По словам «Построечника», «весь этот товар привозится сюда из окружающих приморских деревень», в особенности из Ловозера, название которого, вероятно, воспринятое на слух, приводится в заметках как «Ла-озеро». Ловозеро он именует «большой деревней, расположенной на берегу Северного Ледовитого океана, в 200 верстах от Кандалакши к северу», и обещает читателю в дальнейшем особо рассказать о ней. Среди привезенных в Кандалакшу товаров внимание путешествующих по Мурманской магистрали, безусловно, должны были привлечь шкурки тюленей, нерпы, белок, куниц, горностаев. «В особенности красивы шкурки нерпы, когда они хорошо выделаны, эти шкуры идут на дохи, на ранцы, туфли, шапки и проч. Иногда встречаются лисьи шкуры» [Построечник, 1917: 1 ноября].

Описание путешествия в Ловозеро относится к поездке из Ягельного Бора в ноябре 1916 года, занявшей несколько дней и не уступающей сегодняшнему экстремальному туризму. На этом «рассказе в рассказе», написанном в жанре травелога и свидетельствующем о необычном способе проведения досуга

участником строительства магистрали, следует остановиться особо. Задуманное «Построечником» путешествие могло состояться только зимой «и притом на оленях» по не известной никому, кроме лопарей-проводников, дороге «из Ягельного Бора до Ла-озера» длиной около 60 верст, хотя «точного расстояния никто не измерял» [Построечник, 1917: 2 ноября].

По наблюдениям М. В. Ивановой и О. В. Шабалиной, исследовавших этноэкономические факторы извозничества (извоза) в XIX веке, этот получивший развитие вид экономической деятельности саами представлял собой услугу по перевозке грузов и людей по территории Кольского полуострова. С началом сооружения Мурманской магистрали спрос на такую услугу со стороны служителей церкви, чиновников, предпринимателей, промышленников, ученых-исследователей [Иванова, Шабалина, 2019а: 44–45] был дополнен потребностями заинтересованных путешественников-любителей из числа, пусть и очень немногих, строителей железной дороги. Их интерес к древнейшему коренному населению края не исчерпывался исключительно практическими выгодами строителей железной дороги.

Такой вид деятельности саамов становился все более доходным. Как свидетельствует очевидец, «экспедиция эта требует серьезных приготовлений и стоит очень дорого», путешественники «заблаговременно заказывают лопарям доставить оленей, которых требуется не меньше шести». «Один испытанный олень бежит впереди, двое тащат сани с седоками, один — санки с палаткой и двое бегут сзади для смены уставших», все нуждаются в отдыхе через 8 часов пробега [Иванова, Шабалина, 2019а: 44–45]. «Построечник» отметил необычную для русских путешественников особенность управления оленями при помощи только одной вожжи, о чем сохранились упоминания в более ранних источниках [Иванова, Шабалина, 2019а: 46].

Запас провианта и собранная «самоедская юрта» крепились к легким саням. После того как экспедиция в 8 часов утра на рассвете тронулась в путь, вожак-олень убегал далеко вперед, скрываясь совершенно из виду, затем возвращался назад и вновь убегал. «Олень этот неоднократно бегал из Ягельного Бора в Ла-озеро и знал хорошо путь, мы следовали со скоростью 10 верст по его следам» между почти отвесными скалами «по замерзшему руслу какой-то речонки». С наступлением сумерек остановились в каком-то овраге, «лопарь выпряг оленей и, привязав вожака к дереву за рога, остальных выпустил на волю». Трое путешественников поставили юрту, при помощи деревянной лопаты разгребли снег вокруг, нарубили хворосту и, греясь у костра, начали кипятить воду. В палатку все одновременно поместиться не могли, приходилось поочередно по одному дежурить у огня [Построечник, 1917: 2 ноября].

Рассказом «Построечника» подтверждаются свидетельства путешественников, в XIX веке пользовавшихся услугами саамского извоза, о том, что «кочевому Лопарю» не требовалось «запасаться и брать с собою корм для оленя, какое бы дальнее путешествие ни предстояло», ведь животное всегда могло прокормить себя найденным под снегом мхом [Иванова, Шабалина, 2019а: 46]. «Для того чтобы попасть на мох, сначала олень, опустив голову, тщательно обнюхивает окружающую местность, затем, очевидно, почуяв его запах, начинает передними ногами разрывать снег до голой почвы». Рассказчика поразило, что «иногда мох лежит на такой глубине, что оленя совершенно не видно в вырытой им берлоге».

Уничтожив мох в одном месте, олень «роет траншею дальше, и когда наестся, ляжет на бок в снег и в таком положении спит, пока не проголодается» [Построечник, 1917: 2 ноября].

Всю ночь, пока путешественники спали в палатке, завернувшись в оленьи шкуры, проводник сидел у костра и грелся, покуривая трубку, на 20-градусном морозе. Зная особенности местности, он не рекомендовал продолжать путь до наступления рассвета, «хотя и звездное было небо, и полярное сияние освещало тайгу». За первый день путешественники смогли проехать лишь 15 верст, к полудню второго дня — еще 30. С наступлением темноты пришлось снова остаться в лесу до утра, впечатления от таких ночевок автор передал весьма красноречиво: «Я проснулся от страшного холода, правый бок, на котором я лежал, совершенно онемел, в голове сильно шумело». «В своих расчетах по верстоисчислению мы ошиблись на целых 12 верст и таким образом, — пишет он, — прибыли на третьи сутки», когда лишь к 11 часам впереди показались «скирды сена, занесенные снегом, а за ними далеко, версты 3–4, купол маленькой церкви». По прибытии в село, насчитывавшее порядка 60 дворов, путешественники получили уверения от местных жителей, что «до Ягельного Бора 85 верст, и то прямым путем» [Построечник, 1917: 2 ноября].

Из «Писем туриста» читатель узнавал, что «в Ла-озере» живут «ижимцы (так в документе. — *Е. Д.*), переходная народность от лопарей к самоедам». Вне зависимости от степени соответствия этнографических представлений строителя Мурманской магистрали современным этнологическим знаниям [Чувьюров, 2018], нельзя не оценить его искренний интерес к социально-культурной среде того края, где он вынужденно оказался. «Издревле ижимцы торговали с Кандалакшей и Соловецким монастырем», они «занимаются рыбной ловлей, но главным образом, звероловством, и у себя обделывают шкуры, шьют ковры, пимы, шапки из оленьих шкур и нерпа». Не ускользнул от внимания путешественника и уровень благосостояния местного неземледельческого населения: «Ижимцы — крайне зажиточные крестьяне, у некоторых стада по 2 тысячи оленей». Как и любая туристическая поездка, путешествие 1916 года в Ловозеро не могло, однако, обойтись без «шопинга». «Накупив шкур и других предметов ижимского изготовления, через три дня мы двинулись в обратный путь», — завершил свой «рассказ в рассказе» автор заметок «От Кеми до Мурманска» [Построечник, 1917: 2 ноября].

Однако контакты железнодорожников с иноэтничным населением Севера России не всегда были столь дружественны. Под влиянием фактора военного времени их взаимодействия носили вынужденный характер и часто приводили к обострению отношений. В связи с пуском железной дороги от ст. Сорокская до Петрозаводска, с января 1916 года была предпринята гужевая перевозка военных грузов (главным образом винтовки, патроны, ручные гранаты), скопившихся в портах Мурманского побережья, по маршруту Кола — Кандалакша — Сорока (совр. г. Беломорск). Она планировалась наряду с двумя другими зимними гужевыми маршрутами, ориентированными на подвоз грузов к сети финляндских железных дорог: Кола — Кандалакша — Улеаборг (Оулу) и Кола — Кандалакша — Рованиеми. От Колы до Кандалакши перевозку осуществляли в основном мобилизованные для этой цели саамы на оленьих упряжках, но частично привлекались и оленеводы из северно-карельских волостей Кемского уезда [Дубровская, Кораблев, 2017: 107–108].

«Китайский фактор» дестабилизации повседневной жизни рабочих и служащих магистрали

Летом 1916 года вынужденной миграцией в регион стало появление на трассе 8,5 тыс. китайцев, завербованных агентами строительного управления в Манчжурии. Как установил петрозаводский исследователь Н. А. Кораблев, именно это количество китайских рабочих на мурманской железнодорожной стройке соответствует данным государственного контроля, хотя в литературе их численность обычно определяется цифрой в 10 тыс. человек. Их привлечение во многом объяснялось тем, что китайские рабочие хорошо зарекомендовали себя при постройке железных дорог на Дальнем Востоке, в частности КВЖД. При найме планировалось сконцентрировать всех китайцев на линии от Сороки до Кандалакши, но в действительности они оказались разбросаны группами по всей трассе от Петрозаводска до Колы, при этом 1,6 тыс. человек были направлены в Заполярье [НА РК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 52/421. Л. 70, 71 об.; Дубровская, Кораблев, 2017: 110] (рис. 3).

Рис. 3. Китайские рабочие из Манчжурии на строительстве Мурманской железной дороги 1916 год [Карелия в годы…, 2016: 109]

Весной-осенью 1917 года этому контингенту рабочих не удалось избежать потрясений, вызванных социальными катаклизмами революционного времени. Исследования московского историка В. П. Булдакова показали, что в этот период повсеместное распространение получило недоверие российского общества ко всем «чужим». В конце мая этническую окраску получил вопрос о «разгрузке» Петрограда. В частности, на заседании рабочей секции Петроградского Совета

рабочих и солдатских депутатов шла речь о необходимости вывезти из столицы до 80 % работавших на фабриках военнообязанных, военнопленных, сократить применение «женского, детского и желтого труда». В связи с постановлением о «расторжении всех контрактов, привязывающих к Петрограду желтых рабочих» и об обеспечении им выезда из города предполагалось «изъять из обращения» 100 тысяч китайцев [Булдаков, 2010: 262].

Стоит ли удивляться, что такое решение способствовало криминализации китайского миграционного потока, когда «изъятые из обращения» и находившиеся во взаимодействии как с местным населением, так и с земляками-рабочими, по-прежнему занятыми на строительстве магистрали, негативно влияли на социальную обстановку и вносили в нее элементы той социально-культурной среды, выходцами которой они являлись.

О подобных чрезвычайных происшествиях писала газета «Мурманский путь» осенью 1917 года. К примеру, о происшествии 24 октября на ст. Петрозаводск, когда «по подозрению был задержан китаец Лю-ду-чан». Начальник милиции «предъявил» его случайно находившемуся в городе китайскому переводчику, а тот опознал в задержанном человека, который вымогал у него «деньги на содержание шайки хунгузов в России» и под угрозой смерти получил от него 25 руб. Арестованный преступник был передан в распоряжение судебных властей [Лапурко, 1917].

Хунхузами назывались члены организованных банд, со второй половины XIX века действовавших в Манчжурии и на прилегающих дальневосточных территориях Российской империи. Их жертвами было в основном мирное китайское и манчжурское население. И хотя позже в состав шаек входили представители разных национальностей, которых соперничающие китайские банды начали использовать для сведения счетов между собой, в России под хунхузами подразумевались исключительно этнические китайцы, прежде известные и своими разбойными действиями на линии КВЖД. В конце 1910-х — начале 1920-х годов хунхузы объединялись в крупные банды, вооруженные и организованные по армейскому образцу [Киселев, 2010].

Этническая преступность такого рода не обошла и Мурманскую железную дорогу. В том же номере газеты сообщалось, что 21 октября на одном из строительных карьеров трассы с оружием в руках и криками «руки вверх!» хунхузы напали на барак, где находились их соотечественники. Китайцы-рабочие «в паническом страхе перед смертоносным оружием не могли вымолвить ни слова» и подверглись ограблению на сумму около 3 тысяч руб. [Хунгузы, 1917]. Дальнейшее повествование об этом происшествии свидетельствует о «культурном шоке», который испытали русские очевидцы трагических событий, и исполнено сарказма автора по отношению к китайским строителям (рис. 4).

«Когда смелейшие китайцы пришли в себя и рассказали русским рабочим о нападении, на грабителей быстро, по горячим следам, была сорганизована облава», после долгой перестрелки в лесу пятерых хунхузов поймали, обезоружили и привели к станции. «Но не долго им пришлось жить, — пишет автор заметки, — озверевшие потерпевшие китайцы вырвали из рук милиционеров своих грабителей и самым бесчеловечным образом их умертвили. Никакие уговоры не действовали. Китайцы говорят, что разбойникам должна быть смерть и что если разбойник на преступлении умирает, то он получает только должное» [Хунгузы, 1917].

Рис. 4. Одно из кладбищ строителей Мурманской железной дороги с могилами рабочих-китайцев [НАРК]

Однако один из грабителей выжил и успел рассказать, вероятно, через переводчика, что «их, хунхузов, на Мурманской дороге целая шайка, в которой насчитывается 84 чел., и что все они находятся частью в Петрозаводске, в Кеми, Сороке и в Мурманске». Когда же «граждане Поднебесной республики» узнали о выжившем грабителе, то они «тут же, самым хладнокровным образом его дорезали». Автор заметки упомянул и о том, что один из грабителей, «как ни странно это, служил в петрозаводском депо кочегаром» и ездил на паровозе с машинистом [Хунгузы, 1917].

Ощущение постоянной угрозы смерти, образы смерти, сохранившиеся в источниках личного происхождения, позволяют исследовать черты «эмоционального сообщества» вынужденных переселенцев на строительство МЖД и механизмов их адаптации к жизни в непривычных обстоятельствах «военного лихолетья» 1914–1917 годов.

Заключение

В условиях революционных потрясений 1917 года разнородные социальные и национальные интересы разных категорий строителей магистрали все больше приходили в противоречие. Это подтверждается многочисленными примерами произвольного обращения рассказчиков с, казалось бы, раз и навсегда

устоявшимися представлениями о «других», «своих», «чужих». Привычные социальные и культурные практики рабочих и служащих МЖД в условиях экстремальных ситуаций, становившихся повседневностью, определялись фактором военного времени.

В публикациях 1917 года в петрозаводской газете «Мурманский путь» отразилось восприятие строительными рабочими и железнодорожными служащими как «прежнего» времени, так и особенностей революционного времени в эпоху социально-политических трансформаций на севере России. Первая мировая война и российская революция 1917 года сказались на организации общественной жизни населения территорий, прилегающих к магистрали, отпечатались в индивидуальной и коллективной памяти различных категорий «построечников» их тогдашними эмоциональными реакциями. Изучение вопроса об их повседневной жизни в чрезвычайных обстоятельствах военного времени позволяет понять, как возникало и усиливалось сопротивление людей процессам массовой дестабилизации социальной идентичности в годы войны, особенно в эпоху радикализации социума и наметившегося противостояния сограждан.

В последующий период военной интервенции и Гражданской войны 1918–1920 годов на севере России пространство по обе стороны от Мурманской магистрали стало местом массового применения военных и чрезвычайных методов управления, отличавшихся особой жестокостью. Широкое использование принудительного труда военнопленных в период строительства железной дороги при реализации форсированных программ хозяйственного развития Европейского Севера нашло в дальнейшем своеобразное продолжение в практике социалистической индустриализации в конце 1920–1930-х годов. Проблема обеспечения новых строительств рабочими руками в этот период также решалась за счет использования принудительного труда с применением сходных методов, апробированных в годы войны.

Список сокращений

КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога
МЖД — Мурманская железная дорога
НА КарНЦ РАН — Научный архив Карельского научного центра РАН
НАРК — Национальный архив Республики Карелия
ст. — станция

Список источников

Адрес-календарь Архангельской губ. на 1903 г. со справочными сведениями по торговым и промышленным предприятиям и списком волостей Архангельской губ. Архангельск: Губерн. тип., 1903. 200 с.

Лапурко В. Вымогатель // Мурманский путь. 1917. 27 октября.

Хунгузы // Мурманский путь. 1917. 27 октября.

НА РК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 52/421. Л. 70, 71об.

НА РК. Ф. 320. Оп. 7. Д. ¼. Л. 48а, 120.

Очерки Мурманского быта // Мурманский путь. 1917. 5–8 ноября.

Построечник. От Кеми до Мурманска (письма туриста) // Мурманский путь. 1917. 27 октября — 3 ноября.

Список литературы

Агамирзоев К. М. Путь на Север: исторический очерк. Петрозаводск: Скандинавия, 2008. 156 с.

Булдаков В. П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М.: Новый хронограф, 2010. 1096 с.

Голдин В. И. Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 — лето 1918. Архангельск: САФУ, 2018. 623 с.

Голубев А. А. Мурманская железная дорога. История строительства (1894–1917 гг.). СПб.: Петерб. гос. ун-т путей сообщения, 2011. 205 с.

Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А. Карелия в годы Первой мировой войны: 1914–1918. СПб.: Нестор-История, 2017. 432 с.

Зимина В. Д. Революция 1917 года в контексте трансформации политической системы России // Октябрь 1917 года: взгляд из XXI века: сб. материалов всерос. науч. конф. М.: ИГУМО, 2007. С. 116–121.

Иванова М. В., Шабалина О. В. Извоз и содержание почтовых станций как вид экономической деятельности коренного населения Кольского полуострова (саамов) в XIX в. // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2019. Т. 10, № 2 (16). С. 4–53.

Иванова М. В., Шабалина О. В. Особенности торговой деятельности саамов на территории Кольского полуострова в XIX в. // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2019. Т. 10. № 7 (17). С. 53–68.

Карелия в годы Первой мировой войны: сборник документов и материалов. Петрозаводск: Verso, 2014. 494 с.

Киселев Д. В. Связи российских подданных с китайской преступностью на Дальнем Востоке в начале XX в. // Вопросы истории. 2010. № 11. С. 141–146.

Кривоноженко А. Ф. Беженцы в Карелии во время Первой мировой войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 8. С. 62–71.

Нахтигаль Р. Мурманская железная дорога в планах стран — участниц Первой мировой войны // Первая мировая война и Европейский Север России: материалы междунар. науч. конф. Архангельск: ИД САФУ, 2014. С. 240–247.

Нахтигаль Р. Мурманская железная дорога (1915–1919 гг.): военная необходимость и экономические соображения. СПб.: Нестор-История, 2011. 320 с.

Петров Ю. А. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // Российская история. 2017. № 2. С. 3–16.

Пушкарева Н. Л. История повседневности: предмет и методы // Социальная история. Ежегодник 2007. М.: РОССПЭН, 2008. С. 9–54.

Трошина Т. И. Великая война и Северный край: Европейский Север России в годы Первой мировой войны. Архангельск: ИД САФУ, 2014. 347 с.

Харитонов С. Ф. Рассказ о великом северном пути. Петрозаводск: Карелия, 1984. 144 с.

Чувьюров А. А. Кольские коми-ижемцы: импульсы и маркеры конструирования этнической идентичности // Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт: Седьмые Междунар. Шегреновские чтения. СПб.: Инкери, 2018. С. 59–69.

Juntunen A. Valta ja rautatiet. Luoteis-Venäjän rautateiden rakentamista keskeisesti ohjanneet tekijat 1890-luvulta 2. Maailmansotaan. Helsinki, 1997. 210 s.

Сведения об авторе

Дубровская Елена Юрьевна
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИЯЛИ КарНЦ РАН

Elena Yu. Dubrovskaya
PhD (History), Senior Research Fellow
Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Centre, RAS

УДК 902.3"953"(470.21)
doi:10.37614/2307-5252.2021.1.20.004

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ РЕКИ ВАРЗУГА

М. М. Шахнович
Центр гуманитарных проблем Баренц региона
ФИЦ «Кольский научный центр Российской академии наук»

Аннотация

Река Варзуга на северном берегу Белого моря — важное место для археологии Русской Лапландии. Здесь началось археологическое изучение этого региона. В работе сделан историографический обзор от первых находок в XIX веке до раскопок 2009–2013 годов, когда были исследованы два объекта: укрепление начала XV века и сельское кладбище XIV–XVIII веков. Выполнена реконструкция небольшой сельской крепости. Удалось найти первую церковь села конца XIV — начала XV веков. Получены интересные сведения о позднесредневековом погребальном обряде. Антропологические материалы говорят о карельской основе средневекового населения Терского берега. По итогам археологических работ ясно, что в середине XIV века на месте современного села уже существовало большое корельское поселение с церковью.

Ключевые слова:
село Варзуга, Терский берег Белого моря, городище, сельский некрополь, Средневековье

ARCHAEOLOGICAL STUDY OF THE VARZUGA RIVER

Mark M. Shakhnovich
Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Center of RAS

Abstract

The Varzuga River on the northern shore of the White Sea is an important site for the archaeology of Russian Lapland. Here the archaeological study of this region began. The work provides a historiographical overview from the first finds in the XIX century to the excavations of 2009–2013, when two objects were examined: the fortification of the beginning of the XV century and the rural cemetery of the XIV–XVIII centuries. The reconstruction of a small rural fortress was made. We managed to find the first church of the village of the end of the XIV — beginning of the XV century. Interesting information about the late medieval burial rite has been obtained. Anthropological materials speak about the Karelian basis of the medieval population of the Terek coast. According to the results of archaeological work, it is clear that in the middle of the XIV century, a large Korela settlement with a church already existed on the site of the modern village.

Keywords:
Varzuga village, Tersk coast of the White Sea, ancient settlement, rural necropolis, Middle Ages

Археологические работы и находки XIX–XX веков

Река Варзуга на Терском берегу Белого моря — знаковое место для археологии Русской Лапландии. Именно со сборов древностей на ее берегах

началось археологическое изучение этого региона и пополнение археологической карты Кольского полуострова.

Первые выразительные средневековые находки в Северном Прибеломорье были сделаны в последней четверти XIX века недалеко от устья реки Варзуга. В 1887 году местные жители в осыпи обрыва, «в обвалившемся кургане» возле устья реки Индера[1], обнаружили семь массивных, завернутых в бересту «скандинавских» серебряных гривен IX–XII веков разных типов [Горюнова, Овсянников, 2002]. Клад сначала доставили в губернский музей в Архангельске, а затем перенаправили в Археологический институт в Москве. Сейчас он хранится в Государственном Эрмитаже [Обозрение…, 1893: 13, 15].

Еще известны два крупных местонахождения раннесредневекового серебра XI–XII веков в Беломорье. В начале XX века кемский исправник передал в Архангельский музей клад серебряных вещей: «обломки нескольких литых шейных гривен с кнопками на концах, витая шейная гривна с пластинчатыми концами, пластинчатые браслеты». А. А. Спицын высказал предположение, что «вещи эти западного происхождения (кроме мелковитых гривен) и могли поступить в Кемский уезд от финляндских карелов, норвежцев через Белое море или Колу или же с Запада от шведов по р. Кеми из Каянской земли» [Спицын, 1915: 242; Tallgren, 1931, Fig. 2]. В 1989 году около Архангельска, в пойме реки Северная Двина, во время земляных работ найден еще один клад древнерусских ювелирных изделий, западноевропейских и арабских серебряных монет [Nosov et al., 1992; Овсянников, 1994]. Находки хорошо маркируют периоды и направления связей жителей Беломорья в раннем Средневековье: первый этап (не позднее начала XI века) — контакты с Приладожьем, второй — связи с Северной Европой и третий — тесное общение с новгородско-финскими территориями в XII–XIII веках [Горюнова, Овсянников, 2002: 219].

В экспозиции Архангельского городского музея в начале XX века был представлен еще один интересный предмет из Варзуги: «амулет с изображением человека монгольского типа: в сидячем положении с протянутыми вперед руками», найденный в 1877 году [Голубцов, 1913: 23]. В своем обзоре северорусских археологических находок А. А. Спицын кратко пишет об этой объемной антропоморфной фигурке («карманный божок»?): «Медная детская фигурка найдена на берегу реки Варзуга. Аналогов к этой поделке нами еще не разыскано и времени ея мы не знаем» [Спицын, 1915: 240, рис. 33] (рис. 1). Вместе с ним был обнаружен «крупный бронзовый топор — кельт». Место находки около села Кузомень в 1908 году осмотрел архангельский археолог К. П. Рева [Рева, 1927].

Первые полевые археологические исследования на реке Варзуга в 1928 году провела палеонтологическая партия Антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции МАЭ АН СССР под руководством А. В. Шмидта, зафиксировавшая десять местонахождений эпохи раннего металла и «два славянских поселения» [Шмидт, 1930: 120]. Все памятники располагались в двух местах: на левом берегу реки на группе дюн около озера Гагарье и на склоне высокой дюны «Голые горы». Многочисленная коллекция сборов 1928 года (более 2500 предметов) хранится в фонде археологии Музея антропологии и этнографии РАН [Гурина, 1950: 116, 120; Гурина, 1997: 8–9]. Сведения о древних поселениях в устье реки Варзуги А. В. Шмидт получил от сотрудника Мурманского

[1] Река Индера находится в 8 км к востоку от р. Варзуга.

окружного краеведческого музея В. К. Алымова, который сообщил, что в 1922 году студенту Географического института М. В. Померанцеву жители села Кузомень передали «до пяти пудов доисторических предметов»: «полированные орудия из сланца, топоры, наконечники стрел, точильные камни, кухонные остатки — кости тюленя». Кроме этого он сам нашел несколько бронзовых предметов и железный наконечник стрелы [Гурина, 1950: 118]. В. К. Алымов также передал в 1927 году в недавно созданный музей Мурманского края сланцевое долото со шлифовкой и ретушированный по всей поверхности кремневый наконечник стрелы с устья Варзуги [Коткин, 2012: 232].

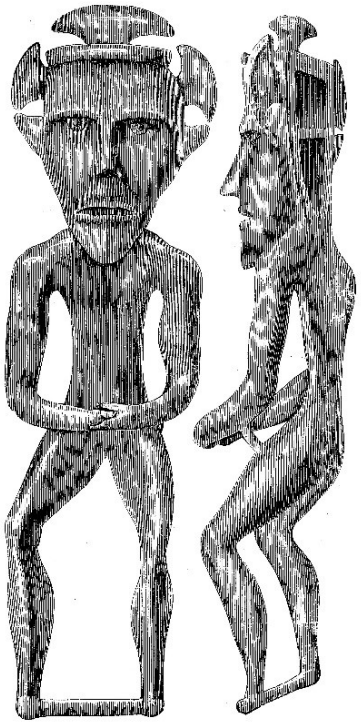


Рис. 1. Амулет из Варзуги [Aspelin, 1907: 26]

Краткая, но интересная информация по археологии встречается в дневниках и отчетах ученых разных специальностей, осуществлявших разноплановые исследования по реке. Например, Б. П. Риппас, проводивший топосъемку течения Варзуги в 1898 году, отметил в своих записях, что на возвышенности около устья притока Серга в древности существовало языческое капище: «Место это, известное под именем Небо-Горы, считалось, по преданию, священным у обитовавших здесь в древности дикарей. По словам крестьян, изредка и до сих пор находят здесь мелкие изваяния идолов» [Риппас, 1899: 297]. А молодой этнограф В. В. Чарнолуский, в 1929 году сплавлявшийся на лодке с верховьев реки, записал, что около острова Сосновец в среднем течении реки, в районе старой тони, проводник показал ему остатки двух полуразрушенных лабиринтов — «Попковы вавилоны» [Коткин, 2020]. Это второе упоминание о лабиринтах Кольского полуострова, находящихся на реках, а не на морском

берегу. Данное, пока не подтвержденное археологами местонахождение знаменитых спиралевидных каменных выкладок — это дополнительный аргумент к гипотезе о связи их с поморской культурой.

В 1966 году писатель и археолог А. Л. Никитин в составе экспедиции Института географии АН СССР посетил Порью Губу, Умбу и Варзугу. В 1968 году он прошел водным маршрутом по рекам Пана и Варзуга до села Кузомень, но археологических работ не производил. В 1970 и 1971 годах исследователь осуществил небольшие археологические изыскания на побережье Терского берега по поиску стоянок «первобытного Севера». Находки (сборы кварцевых орудий) были переданы им в ЛОИА АН СССР и Архангельский областной музей [Никитин, 1976: 103].

Самолетом из Мурманска 18 июля 1969 года в село Варзуга прибыла Кольская археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР Н. Н. Гуриной, которая сразу переехала к месту основных работ в село Кузомень. Оставленные студенты ЛГУ В. Я. Шумкин и И. В. Верещагина в течение трех дней первыми из археологов обследовали берега реки около села. На левом берегу они зафиксировали три местонахождения каменного века. Два из них находились на перевеянных участках дюн, недалеко от домов с небольшой площадью распространения находок (150–500 м^2). Подъемный материал включал кварцевые и кремневые скребки и отщепы. Третья стоянка более значительных размеров (около 5000 м^2) была найдена на ручье Собачьем в 1 км ниже по течению реки. Также в 6 км вверх по течению, на правом берегу, около порогов, на каменистой террасе, на высоте 5 м над уровнем воды археологи обнаружили кварцевые скребок и отщепы. Сборы позднесредневековой керамики были сделаны в трех местах: на правом берегу реки — в осыпи края оврага в северной части села и в 1 км вверх по течению; на противоположном берегу — многочисленные фрагменты «поздней» кухонной керамики на северной окраине села [Гурина, 1969: 16–17].

Второй раз село обследовалось уже в 1983 году О. В. Овсянниковым, который дополнительно провел краткие рекогносцировочные работы: на бичевнике левого берега сделаны сборы обломков чернолощеных горшков и мисок XVII века [Овсянников, 1983: 3].

В 1969 году экспедиция Н. Н. Гуриной на левом берегу реки, напротив села Кузомень, в местах работ отряда А. В. Шмидта, зафиксировала 21 местонахождение каменного века и раннего металла, а также нашла остатки двух разрушенных средневековых погребений, датированных по вещам XI–XII веков (могильник Кузомень I) [Гурина, 1973: 80–88, рис. 2; Мартынов, 2007: 207]. С поверхности дюнных выдувов были собраны «некрупный листовидный наконечник стрелы, нож, кресало. Хорошо сохранилась железная округлая пряжка, литая поясная лировидная пряжка из бронзы, точило, кремень для высекания огня и не совсем ясного назначения свинцовые полушаровидные с грибовидной ножкой предметы» [Гурина, 1970] и западноевропейская монета — серебряный денарий Альберта II (1018–1064)[1].

[1] Часть находок Кольской экспедиции ЛОИА: круглая фибула, лировидная пряжка, подвеска «конь на змее» и четыре сильно корродированных фрагмента, возможно от меча (?), переданы в Музей-архив истории изучения и освоения Европейского Севера России Кольского научного центра РАН. В 1971 году в МОКМ поступила небольшая коллекция сборов керамики из сел Варзуга, Кузомень, Умба, Кузрека, проведенных Н. Н. Гуриной [Коткин, 2012: 233–239].

В 1979 году на перевеянных участках песчаных дюн кроме костных останков археологам попались новые бронзовые украшения: поясные пряжки лировидной формы, полая подвеска-«уточка» с загнутым в кольцо хвостом и двумя петлями для крепления дополнительных привесок, «шумящие» подвески, амулеты — «конь на змее», четвероногий прорезной конек, нанизанные на тонкий кожаный шнур мелкие проволочные пронизки, железные ручка и массивная цепь для подвешивания котла (четыре звена длиной 52 см). Рядом с погребениями найдены остатки очага и обломки толстостенного лепного сосуда с прикипевшими к его стенкам каплями бронзы. Недалеко от могильника, на реке Кица (приток Варзуги), обнаружено поселение более позднего времени — XV–XVII веков [Гурина, 1971: 11; Гурина, 1980; Гурина, 1984: 13–15]

Есть сообщение о случайной находке рабочими в кузоменьских дюнах в 1970-х годах «двух миниатюрных бронзовых фигурок лошадей», которые были переданы в Музей-архив истории изучения и освоения Европейского Севера России Кольского научного центра РАН.

В 1982 году Северодвинская экспедиция ЛОИА АН СССР под руководством О. В. Овсянникова провела дополнительные археологические изыскания в устье реки Варзуга. На участке предыдущих работ Н. Н. Гурина нашла еще несколько литых подвесок-амулетов из бронзы: ключик, двуглавый пластинчатый конек, умбоновидная бляшка со спиралевидным узором, поясные кольца, фрагменты цепочки. Все находки — это широко распространенные составные декоративные компоненты нагрудных или поясных украшений финно-угорского женского костюма XI–XII веков [Овсянников, Рябинин, 1989: 201–203].

К западу от песчаных дюн удалось найти участок с тремя неповрежденными погребениями — могильник Кузомень II [Овсянников, 1984: 25]. Частично засыпанные могильные ямы, удаленные друг от друга на 18–25 м, наблюдались на поверхности как неглубокие западания. Завернутые или накрытые лубом костяки лежали в деревянных гробовинах без крышек, на глубине 0,65–0,7 м от поверхности, в вытянутом положении на спине, руки вдоль туловища, головой к северо-востоку. По сопутствующему инвентарю (стеклянные бусы, металлические части ремней, подвески, застежки) и с помощью антропологов двое погребенных интерпретированы как женщины, а один — как мужчина 30–40 лет. В одном женском захоронении сохранились фрагменты пояса с ножом, мехового головного убора и тканой одежды, украшенные бронзовыми подвесками и нашивками. У второй женщины было ожерелье из стеклянных бус, круглых бронзовых подвесок, часть из которых имела орнамент в виде процветшего креста. У левого колена мужчины лежал рукоятью вверх железный рабочий топор (рис. 2, 3). Все три погребения рассматривались О. В. Овсянниковым как одновременные и датированы по вещам концом XII — началом XIII века. Этот вывод подтвердило радиоуглеродное датирование образцов органики, взятых из двух погребений — 740±10 и 750±10 л. н., то есть приблизительно 1200–1210 годы н. э. [Овсянников, 1982а: 7–8; Овсянников, Рябинин, 1989: 205–208; Ясински, Овсянников, 1998: 30–34].

Анализируя материалы из Кузомени, Н. Н. Гурина сделала предположение о наличии в раннем Средневековье на Терском берегу «финноязычного населения, близкого приладожскому» [Гурина, 1984: 14]. О. В. Овсянников и Е. А. Рябинин более осторожно высказывались о «финно-угорской, в широком понимании этого термина» принадлежности могильников Кузомень I и II и «направлении

культурного влияния, шедшего в область “Тре” преимущественно из Двинской земли» [Овсянников, Рябинин, 1989: 209–210; Гурина и др., 1990: 128]. Выразительные финно-угорские украшения, которые использовались для датирования памятника, уже в XI веке стали составной частью северорусского женского костюма, синтезировавшего восточнославянские и финно-угорские элементы, и поэтому не могут рассматриваться как точный культурный индикатор [Макаров, 1993: 71]. Антропологические наблюдения, проведенные научным сотрудником Отдела антропологии Ленинградской части ИЭ АН СССР А. В. Шевченко, не внесли ясности в эту проблему. Этническая принадлежность погребенных в могильниках Кузомень I и II остается не выясненной[1].

Рис. 2. Ременной разделитель. Бронза оловянистая. Могильник Кузомень II. АКМ 28443-14

Рис. 3. Топор. Железо. Могильник Кузомень II. АКМ 28443-16

[1] В хранилище Отдела антропологии МАЭ РАН черепа обнаружить не удалось.

Два могильника и клад в устье реки Варзуги, а также памятник Лива I в Ковдорском районе — пока единственные на сегодня достоверные находки XI–XII веков на территории Мурманской области. Дополнительно отметим, что в бухте Сидоровской на Мурманском берегу в 1991 году был найден фрагмент (язычок) большой бронзовой фибулы XII века [Овсянников, 1994: 121]. В историографии встречается упоминание о кургане (?) и каменных кладках в устье реки Дроздовой, предварительно датируемых Средневековьем [Державин, 2006: 26]. Из-за малой информативности эти сведения практически ничего не могут добавить к общей картине. Данная ситуация объясняется незначительностью проведенных исследований по изучению средневековых древностей Русской Лапландии.

Следует упомянуть, что из района устья реки Варзуга в Мурманский областной краеведческий музей поступили несколько позднесредневековых находок. В 1958 году найдены два небольших клада из 12 серебряных копеек конца XVII — начала XVIII веков в «маленьком сосуде, выдолбленном из камня (?)» [Мец, Мельникова, 1961] и 9 копеек XVI–XVIII веков. В 1970 году в дюнах подобраны 2 железных ножа, 18 фрагментов кухонной керамики XVI–XVII веков и неолитический сланцевый наконечник копья, которые также переданы в МОКМ [Коткин, 2012: 223–239].

Внимание археологов привлекал не только приустьевый участок реки Варзуга. В 1986 году экспедиция ЛОИА, спустившись по рекам Цага, Пана, Варзуга, по берегам верховых озер, в местах устьев притоков зафиксировала пять небольших стоянок и два местонахождения периода каменного века — раннего металла и более двадцати мест остатков промысловых становищ [Хлобыстин и др., 1988: 43].

Как объекты археологического изучения могут рассматриваться и «поздние» памятники хозяйственного или культового назначения, относящиеся к XVII–XIX векам. Например, в этнографической литературе упоминаются памятные поморские кресты, установленные в местах ловли жемчуга на реке Варзуге и тонях [Филин, Фризин, 2001: 170]. Только редкие деревянные кресты сохранились до нашего времени. Места их былого нахождения отмечают мощные (иногда высотой до 3 м) валунные кладки, служившие основанием креста, символичной Голгофой [Овсянников, 1990: 99]. Исторический ландшафт Терского берега поможет воссоздать выявление и реконструкция этих монументальных православных сооружений.

Подводя итог данному краткому историографическому обзору, отметим, что только материалы раскопок могильников Кузомень и клад с реки Индера введены в научный оборот. По остальным находкам имеются только упоминания общего характера.

Археологические работы в селе Варзуга 2009–2015 годов

В 2009 году Северокарельской археологической экспедицией Карельского государственного краеведческого музея под руководством М. М. Шахновича проведено обследование ближних окрестностей села Варзуга[1].

[1] Работы проводились по инициативе и на средства настоятеля прихода Успенской церкви села Варзуга игумена Митрофана (Баданина).

Предварительно были сделаны рекогносцировочные наблюдения. На левом берегу, в 0,5 км к северу от села, рядом с небольшим озером в дюнах, зафиксирована стоянка Варзуга VII. Ее топография идентична нахождению стоянок Варзуга I и II, зафиксированных в 1969 году. На поверхности песчаных выдувов собраны отщепы кварца, которые позволяют предварительно датировать памятник каменным веком.

На правом берегу реки, в 1 км к северу от села, в осыпи обрыва песчаного полуострова собран интересный материал XVII–XVIII веков. Это сорок фрагментов позднесредневековой гончарной неорнаментированной керамики от одного горшка, металлическая пуговица с двумя сквозными отверстиями, кусок железного прута и два кухонно-столовых черенковых ножа XVII–XIX веков. Сосуд изготовлен на быстром гончарном круге из красножгущейся глины с примесью средне- и мелкозернистого песка и малых фракций гидрослюды, неравномерного обжига. Его размеры: высота — около 16–17 см, диаметр венчика — 17–18 см, небольшое дно (диаметр 10 см). Черепки имеют неравномерный обжиг. Ближайшие аналогии ему можно встретить в коллекциях поздней гончарной керамики поселений Онежского залива Белого моря (низовья реки Выг, Сумский Посад).

Исследования последующих лет в этом старейшем поселении Кольского полуострова были направлены на изучение двух выразительных объектов — городища и сельского некрополя около Свято-Никольской церкви. Основные задачи работ заключались в выяснении особенностей формирования и характера культурных напластований, поиске материальных остатков, относящихся к начальному времени существования села. Подобного рода памятники на территории Мурманской области исследовались археологами впервые, поэтому остановимся на их описании подробнее.

Городище села Варзуга

В основных своих чертах рельеф в северной части окрестностей села Варзуга за последнюю тысячу лет не менялся. Его трансформация связана со строительством к северо-востоку от поселения военного аэродрома в 1942 году.

Первостепенным объектом исследования в 2009–2010 годах стала возвышенность на левом берегу реки, в 0,8 км к северу от села Варзуга, которая известна местному населению под характерным, но редким для Терского берега названием «Прямое Городище». Это место ранее не попадало в поле зрения археологов[1].

Данная возвышенность идеально подходит для создания укрепления. Западный фас городища ограничен высоким береговым обрывом, высотой над рекой около 30 м, восточная сторона — болотистой низиной, где протекает безымянный ручей. Южная часть холма имеет более пологий скат, по которому возможен сравнительно легкий подъем. С северной, напольной, стороны городище отделено от плато хорошо заметным валом и неглубоким сухим рвом. Боковые склоны имеют значительную крутизну, которая в некоторых местах достигает 60°. Активная ветровая эрозия, существующая на соседствующих дюнах, в данном месте отсутствует.

---

[1] Побудительным мотивом наших работ стало сообщение игумена Митрофана (Баданина).

Рельеф местности, очертания верхней площадки холма определяли конфигурацию укрепления: в плане оно подтреугольной формы, размерами 50×14 м. Верхняя площадка мыса относительно ровная, вытянута по длинной оси по линии северо-запад — юго-восток, с небольшим естественным уклоном в сторону реки. С напольной стороны ровная поверхность возвышенности продолжается на 0,2 км к северу до верхового болота. В настоящее время верхняя часть холма обезлесена, склоны поросли смешанным лесом. Удаленность от основного поселения позволила памятнику хорошо сохраниться до наших дней. Только одну отдельную впадину (3×2 м) на краю юго-восточного склона можно предварительно определить как остатки небольшой однокамерной срубной постройки, углубленной в землю на 0,4 м.

Вал имеет прямую форму протяженностью 12 м. Насыпь отсекает площадку городища, соединяя два склона мыса. С восточной стороны она не доходит до края обрыва, оставляя проход шириной в 1,5 м, вероятно, древний въезд.

Общая его сохранность хорошая: поверхность не имеет поздних повреждений. Состояние западной части вала значительно лучше восточной: сохранилась первоначальная высота насыпи. Перепад высот между двумя краями сооружения существенный — около 0,8 м. Современная высота насыпи в центральной части с внешней стороны составляет 1,1 м, с внутренней — 0,8 м, ширина в основании — 4,5 м. Приблизительные первоначальные размеры вала: высота по отношению к уровню внутренней части городища — 1,3 м, ширина в основании — 2,5–3 м. Ширина верха вала незначительна — около 1 м. В поперечном сечении он имеет округлый профиль. Сохранилась значимая крутизна внешнего склона, который имеет общий наклон не менее 35–45°, а лучше сохранившийся западный участок — до 50–55°. Тыльный откос более пологий — около 30°. «Тело» вала создано из грунта, взятого из рва.

С целью изучения истории строительства вала, выяснения времени его возведения, выявления возможных деталей внутривальной части дерево-земляной конструкции и воссоздания первоначального облика фортификации в 2009 году насыпь в центральной части была прорезана поперечной стратиграфической траншеей шириной 1 м и длиной 5,5 м (рис. 4).

Стратиграфические наблюдения показали, что вал сложен из однородного темно-желтого с коричневатым оттенком песка с незначительными цветовыми включениями. Ниже слоя наброса сохранилась стандартная стратиграфическая колонка для памятников на минеральных почвах (дерн, серый подзол, темно-желтый с красноватым оттенком и темно-желтый песок). Специальные, внутривальные конструкции из дерева отсутствовали. Не удалось зафиксировать следы кардинальных перестроек сооружения в период его существования, то есть можно говорить о его одноактном строительстве. Естественное оплывание грунта незначительно повлияло на первоначальную форму вала.

Древняя дневная поверхность в разрезе траншеи прослеживается на уровне 1 м от максимального, современного возвышения вала. На исследованном участке под насыпью вала удалось выявить остатки небольшого кострища, предшествующего возведению насыпи.

В южной части траншеи выявлены остатки непотревоженного слоя обугленных деревянных плах, скопление мелких кусков угля и прокаленного песка. Фрагменты обгорелой древесины дают представление о размере

и ориентировке бревен. Они располагались строго горизонтально, параллельно линии север-юг, перпендикулярно длинной оси вала. Куски угля сохранили присущую дереву слоистость. Первоначальный диаметр стволов деревьев в современном обожженном состоянии — 0,05–0,07 м, реконструируется как близкий 0,25 м. Другие остатки древесины, не имеющие следов горения, сохранились в виде древесного тлена. Другие находки в траншее отсутствовали.

Рис. 4. Село Варзуга. Городище. Прорезка вала. 2009 г. Фото М. Шахновича

В 2010 году на участке, примыкающем с внутренней стороны к восточной части вала, был заложен небольшой раскоп площадью 12 м^2, который позволил понять характер погибшей в огне деревянной стены, стоявшей на валу. Слой песка (0,15–0,25 м), стекший с вала на внутренний участок городища, перекрыл и «законсервировал» остатки интенсивного пожара и сожженной стены: прокаленный песок с характерной цветностью, расположенные параллельно длинной оси вала обугленные плахи шириной до 0,2 м и толщиной 0,02–0,04 м. Перпендикулярно им, через промежутки от 0,85 до 1,1 м, находились уходящие в насыпь обгоревшие бревна диаметром до 0,13 м. В конструкции стены использовались и жерди диаметром до 0,04 м (рис. 5).

Акт сильного горения, приводящий к обгоранию древесины со всех сторон, но не сопровождающийся спеканием песка, свидетельствует о его кратковременности. Нужно отметить, что небольшая насыщенность углем верхнего почвенного слоя наблюдается в предвальном пространстве и на удалении 5 м к северу от рва.

Рис. 5. Село Варзуга. Городище. Раскоп. 2010 г. Фото М. Шахновича

В центральной части околовального участка вскрыто скопление (1×1,5 м) мелких, растрескавшихся от огня камней, которое можно интерпретировать как развал печи-каменки на деревянном опечье. Вероятно, рядом с валом или до его возведения стояло небольшой жилое строение.

По крупным фрагментам угля сгоревшей постройки и куска истлевшей древесины из насыпи вала были получены почти совпадающие радиоуглеродные даты 530±30 л. н. (SPb-88), 537±35 (SPb-70), 550±30 (SPb-242) и 535±30 л. н. (SPb-243) [Шахнович, 2010: 165]. Их комбинированное калиброванное значение (период «уничтожения» органики) приходится в календарном выражении на 1395–1430 гг. н. э.[1]

Вдоль края западного склона площадки городища на протяжении 35 м удалось проследить след неглубокой канавки (шириной до 0,25 м, глубиной до 0,18 м). Небольшой шурф площадью (1×2 м) дал возможность реконструировать исследуемое сооружение как остатки траншеи для установки однорядового частокола — стены из вертикально установленных бревен. Крутой участок склона, примыкающий снаружи к стене, был выложен плоскими камнями, вероятно, чтобы избежать смыва песчаного грунта.

При раскопках грунт просеивался через мелкое сито с ячеей в 4 мм, но находки отсутствовали, что вполне предсказуемо, так как попадание в насыпь вещей возможно только, если она насыпалась из грунта культурных слоев. В нашем случае использовался песок, взятый при выкапывании рва.

[1] Определение М. А. Кульковой (Изотопная лаборатория РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург).

Но с площадки городища все же происходит несколько выразительных индивидуальных находок. «Под корнями» местные жители нашли хорошей сохранности железный топор и два железных клина для топорищ. Размеры топора: длина лезвия — 10 см, ширина лезвия — 8,5 см, диаметр обушного отверстия — 4,5 см. На обухе есть две пары щекавиц: верхние — короткие, нижние — длинные. Проушное отверстие подпрямоугольных очертаний. Секировидная, симметрично расходящаяся форма лезвия, средние размеры, но значительный вес (720 г) позволяют отнести находку к типу универсальных походных топоров, служивших оружием и орудием.

В 2010 году при обследовании территории городища металлодетектором под дерном найдены фрагментированный топор и черешок наконечника стрелы (3,2×0,8–1,3×0,5 см), сломанный в месте характерного расширения в верхней части (начало пера). От топора сохранился только окололезвийный кусок (13×10,7×0,4–1,2 см) весом 590 г. Толщина сохранившейся части обуха — 2,4 см. Боевые топоры подобных модификаций распространились на севере Европы с XI века. На территории России они в основном встречаются в северных районах, часто в крестьянских курганах [Бранденбург, 1895: табл. XIII–4; Кирпичников, 1966: 30; Кирпичников, Медведев, 1985: 311]. Варзужские находки не имеют строгой стратиграфической привязки, но по морфологическим признакам близки боевым топорам конца XIV — начала XV веков [Двуреченский, 2015: 129–134].

Реконструкция городища

Несмотря на небольшой объем работ, с помощью полученной информации и с привлечением данных по известным образцам позднесредневекового фортификационного строительства на Русском Севере можно предварительно воссоздать облик городища села Варзуга в начале XV века.

Выбор места для устройства городища-убежища определялся доминирующей над береговой поймой высотой площадки, естественной значительной крутизной берегового склона и хорошим обзором. Напольная сторона городища была укреплена земляным валом и рвом перед ним. Высокие крутые склоны с трех сторон служили естественным дополнением искусственным укреплениям. В плане «острожек» представлял площадку площадью 700 м^2, близкую к подтреугольной форме.

В «теле» вала не выявлены следы, которые можно рассматривать как остатки внешних обкладок, деревянных срубов, «стоячего тына» или частокола. Результаты раскопок 2010 года позволяют считать, что «стена дровяна» на насыпи была однорядной, состоящей из плах, горизонтально прикрепленных с двух сторон, через определенные промежутки, к коротким поперечным столбам-стоякам. Примеры подобных простейших типов оград («тын лежачей») хорошо известны в фортификационной строительной традиции Севера России [Овсянников, 1982б, 1991: 42–43; Секретарь, 1986; Мильчик, 2008: 44; Мартынов и др., 2016].

Ров и вал всегда создавались в комплексе, но при постройке укрепления главная задача заключалась в создании насыпи, которая становилась основой для фортификационных строений. Сравнительно небольшая высота вала (около 1,5 м) — это обычная практика при строительстве простых сельских укреплений. Многочисленные скальные городища-убежища корелы XIV века в Западном

Приладожье также имеют высоту валунно-земляных насыпей не более 1–2 м. Внешний ров (шириной 7 м) незначительной глубины — 0,5 м. В целом общая высота древо-земляного укрепления с наружной стороны составляла около 3 м.

Въезд на городище находился с напольной стороны. В простых русских острогах ворота сооружались по типу хозяйственных, но с приспособлением к обороне: они всегда «затворялись», а не перегораживались [Раппопорт, 1956: 133]. В варзужском городище они, скорее всего, висели на столбах — «в вереях».

Вряд ли деревянное укрепление было построено только с напольной стороны. Судя по тому, что присутствует проход через вал на городище, оборонительный рубеж, соответствуя фортификационной практике Средневековья, существовал по всему периметру площадки. Обычно стена возводилась по самому краю склона. Можно предположить одновременное существование на городище двух типов оград — «стоячий тын» и «тын лежачей», которые часто совмещались в русских укреплениях [Мильчик, 2008: 19].

Несложный для строительства «мысовой», слабоукрепленный тип городища, «построенный целиком на использовании естественных защитных свойств местности», в самом его простом варианте (ров и вал только с напольной стороны) бытовал продолжительный период (в X–XV веках) практически на всей территории Восточной Европы и в основном соотносится с небольшими сельскими общинами [Раппопорт, 1956: 23]. Открытие в Русской Лапландии городища-убежища конца XIV века представляет особый интерес, так как в Северной Финляндии, Лапландии и Северной Карелии в XIV–XV веках они пока не известны. Ближайшие аналоги городищу в селе Варзуга можно найти среди корельских линнавуори Западного Приладожья XI–XIV веков [Таавитсайнен, 1997: 208], «крестьянских» острогов XIV–XV веков в Двинской земле на реках Онеге, Вели, Ваге, Устье [Никитин, 1976; Овсянников, 1967: 65; Королев, 2008]. Среди них укрепление на реке Варзуга — самое северное[1].

Городище-убежище подразумевает нахождение рядом постоянного, открытого поселения и наличие внешней угрозы. По своему характеру городище в селе Варзуга не предназначалось для обеспечения безопасности определенной группы населения в среде враждебных аборигенов, то есть не было укрепленной факторией. Не рассчитано оно и на длительную оборону. Его задачей было временное укрытие жителей на короткий срок военной опасности, «приходящей по воде».

Отсутствие характерных находок в раскопе 2011 года, например, наконечников стрел косвенно свидетельствует о том, что боя за укрепление не было. Вероятно, село, как писали в летописях, захватили «изъездом», «изгоном», то есть внезапным нападением, а острожек неприятель сжег. Стратиграфические наблюдения показывают, что остатки стоявшей на валу стены во время пожара были повалены внутрь укрепления и засыпаны песком из тела насыпи. Западная часть вала сохранилась полностью, поэтому можно говорить о попытке сноса земляного укрепления: «грады их огневи предасть, и гребли их раскопа». Скорее всего, история варзужского Прямого Городища закончилась с пожаром начала XV века.

---

[1] Мы не привлекаем северонорвежские укрепления в Финмаркене и корельскую крепость в низовьях реки Оулуйоки [Андреассен, Братрейн, 2016].

На основании результатов радиоуглеродного датирования погибшей в огне постройки и полученных итогов раскопок вала есть большой соблазн соотнести следы разрушений на городище с летописным известием о рейде «мурман» в Беломорье 1419/1420 года[1]. Однако безусловные доказательства того, что подвергшийся нападению сельский фискальный и церковный округ — «в Арзуге погост Корельскый» — находился именно на месте современного села Варзуга, пока отсутствуют. Напомним, что в устье реки Кица Н. Н. Гуриной найден, но не исследовался, культурный слой поселения XV века, которое могло стать объектом нападения 1419 года. Кроме того, не исключено, что не все многочисленные военные столкновения и бедствия XIV–XV веков нашли отражение в письменных источниках и устных преданиях. Пожар на городище мог произойти в первой трети XV века, но не конкретно в 1419 году.

Некрополь Свято-Никольской церкви

Археологи, работавшие в селе Варзуга, не сомневались в том, что здесь должен существовать средневековый культурный слой. Одновременно звучали пессимистические прогнозы относительно его сохранности. Они основывались на ситуации многовековой и плотной усадебной застройки села, активном хозяйственном освоении небольших участков, удобных для поселения в этой части реки, а также на реалиях подмыва и осыпания кромки берегового обрыва. Поэтому было решено обследовать на левом, первоначально обжитом береге реки местный «археологический резерват» — территорию около старейшего храма Русской Лапландии, Свято-Никольской церкви села с прилегающим некрополем. По письменным источникам, церковь возводилась на средства Соловецкого монастыря и впервые освящалась в марте 1491 года. Последняя ее перестройка датируется 1705 годом. Во второй половине XIX века церковный комплекс Петропавловского прихода села Варзуга дополняли колокольня с семью колоколами (постройки 1882 года) и деревянная ограда (1845 года) [Кожевникова, 2010: 189].

Приходское кладбище на левом берегу занимало большую территорию в центре села между двумя церквями. Верхние надмогильные сооружения (кресты, плиты) были уничтожены в советское время [Шундалов, 2007: 29]. На снивелированной поверхности какие-либо отличительные признаки некрополя — холмики или провалы почвы — сейчас не просматриваются. Проследить его первоначальные размеры невозможно.

Поводом для археологических изысканий около церкви стала подготовка проекта ее реставрации. Ранее археологические работы здесь не проводились. Предстояло решить блок стандартных археологических задач: выяснение этапов строительной истории церкви, диагностика инженерного состояния фундамента, выявление и изучение культурных напластований на прицерковном пространстве, определение перспектив последующих спасательных раскопок. Раскопки церкви проходили в 2011–2013 годах. Раскопы прирезались друг к другу,

---

[1] Того же (6927) лета, пришед мурмане войною въ 500 человек, в бусах и въ шнеках, и повоеваша въ Арзуги погост Корельскый и в земли Заволочкои погосты: в Неноксе, в Корельскомъ манастырь святого Николы, Конечный погост, Яковлю курью, Ондреянов берег, Кигъ остров, Кяръ остров, Михайлов манастырь, Чиглонимъ, Хечинима; три церкви сожгли, христианъ черноризицъ посекли; и заволочане две шнеки мурманъ избиша, а инии избегоша на море» [ПСРЛ, 1925: 478].

но полученные материалы, в целом пополняя общий банк информации о памятнике, во многом разнились. Поэтому кратко опишем результаты исследований на каждом раскопанном участке.

Работы 2011 года. Первый раскоп площадью 9 м^2 примыкал извне к северной стене церкви 1705 года. Прослежен короткий участок канавки для частокола, ориентированной параллельно стене церкви. Тын был сделан из плотно прилегающих друг к другу бревен с подтесанными на конус концами. Из древесины основания вертикально установленного заостренного бревна (диаметр 0,16 м) получена радиоуглеродная дата 550±25 л. н. (SPb-489). Таким образом, калиброванный календарный возраст образца приходится на интервал XIV — начало XV веков [Археолого-антропологические…, 2012: 152].

В границы шурфа полностью вошли четыре погребения и два — частично. Они располагались плотно, расстояния между ними были небольшие — 0,2–0,4 м. Ямы ни в горизонтальном, ни в вертикальном плане не задевали «соседей». В их засыпке не встречены разрозненные кости из разрушенных могил, что постоянно отмечается на долго функционирующих участках могильников, когда поздние погребения нарушают более ранние. Другими словами, погребения были произведены с учетом хорошо заметных предыдущих захоронений. По длинной оси они ориентированы параллельно существующей стены церкви 1705 года (северо-восток — юго-запад), то есть они создавались уже в XVIII веке.

Могильные ямы на уровне материка имеют отвесные стенки, в плане — подпрямоугольную форму со скругленными углами и небольшое расширение в головной части. Дно — ровное и плоское, почти на одинаковом заглублении от древней дневной поверхности (д.д.п.) — 0,4–0,65 м. Незначительная глубина могильных ям (от 0,4 до 1 м) — обычный признак христианского обряда погребения на Севере в Средневековье и Новое время [Панова, 2004: 67; Буров, 2005: 82].

Гробовины традиционно изготавливались «тесными»: их длина варьирует от 1,6 до 2,3 м, а ширина — от 0,4 до 0,6 м. Конструкцию гробовищ из-за плохой сохранности дерева в песчаной почве установить не удалось. Четкие следы перекрытия и дна не прослеживались, но по периметру могильных ям, поверх и под костяками находились остатки древесного тлена от погребальных конструкций — тонкая полоска песка темно-коричневого цвета. Отметим отсутствие железных гвоздей в гробовинах. Возможно, что их использование было запрещено. Например, подобная традиция зафиксирована у северных карел, которые доски гробов скрепляли с помощью пазов или берестяными полосками через специальные отверстия [Хартанович, Шахнович, 2009: 105].

Тела клались на травяную подстилку и в трех случаях частично накрыты пластами бересты. Костяки располагались в анатомическом порядке, в вытянутом положении на спине, головой на западный сектор горизонта, согнутые в локте под прямым углом руки находились скрещенно в области пояса. Следов от насильственной смерти и нанесения ран не обнаружено[1]. По кости получена радиоуглеродная дата — 160±25 BP (SPb-652), то есть ее калиброванное значение приходится в календарном выражении на 1720–1780 годы н. э.

Отдельно нужно отметить погребение 4 — сверток бересты размерами 0,2×0,17×0,05–0,06 м, внутри которого лежали плохо определимые перемешанные детские кости (остатки черепа, фрагменты нижней челюсти и закладок зубов). Он

[1] Антропологические определения произведены научным сотрудником Отдела физической антропологии ИЭА РАН Р. М. Галеевым.

находился в могильной яме женского погребения 2, в ногах костяка. Скорее всего, останки ранее умершего новорожденного были положены при погребении в могилу матери. Подобные случаи неоднократно фиксировались при раскопках северокарельских могильников.

У трех погребенных женщин сохранились остатки заплетенных кос (рис. 6). В Карелии замужние женщины традиционно заплетали волосы в две косы, которые, перевив между собой, складывали в узел на макушке. Умершим косы укладывались концами вниз [Конкка, Логинов, 2008: 231]. Заплетение волос подобным образом у «русского» православного населения широко известно по материалам археологических раскопок от Карелии до Прибайкалья. Примеров тому много, в частности, из городских некрополей XVII–XVIII веков Иркутска и Среднего Прииртышья (Изюк-1) [Татаурова, 2005].

Рис. 6. Село Варзуга. Некрополь, погребение 2. Графическая реконструкция Р. Галеева

Немногочисленны индивидуальные находки: несохранившаяся медная заколка в волосах женщины (погребение 1), выявленная по следам медных окислов на органике, а также в двух случаях фрагменты кожаной обуви — специальные похоронные «тапочки» без подошвы [Курбатов, 2002].

Работы 2012 года. В границах раскопа (16,25 м^2), находящегося уже под зданием церкви, выявлено 19 погребений: целых — 13, частично нарушенных — 6, из них 9 — новорожденные и дети первого полугода жизни и 10 — останки «взрослых» и подростков. Фиксируются единообразные признаки христианских захоронений: погребения в ямах, тела лежат вытянуто на спине, головой на условный «запад», без сопровождающего инвентаря [Шахнович и др., 2012; Шахнович, Широбоков, 2013].

Детей хоронили или рядом со стеной церкви (на расстоянии 0,1–0,2 м), с ее внешней стороны, или подзахоранивали к могиле «взрослого» умершего. Из материалов раскопок следует, что традиция «закладных» младенческих погребений под полом или у стен храма существовала на Русском Севере уже в XIV веке. Четыре детских погребения находились практически на поверхности — на одном уровне с нижним венцом западной стены или на 5–7 см глубже, при этом традиционная ориентация головой на условный запад не выдерживалась: младенцы лежали параллельно стене в выдолбленных «микроколодах».

Существовала рядность захоронений с расстоянием между ними в 0,1–0,3 м. По исполнению могилы простые, без дополнительных элементов, таких как поверхностные круговые обкладки камнями. Они отрывались «экономно»: их размеры редко превышают длину гробовины более, чем на 0,15–0,2 м. Глубина ям значительно разнится: самые «поздние» захоронения и погребения младенцев находятся практически на поверхности, на уровне 0,4–0,55 м от с. д. п., а «нижние» и соответственно более «ранние» — располагаются на глубине до 1,2 м от с. д. п.

Прослежены остатки трех намогильных памятников — нижние части деревянных столбов, одновременные могилам и установленные в изножии. Диаметр столбов — 0,18–0,2 м, длина — 0,4–0,5 м. Скорее всего, это распространенные на Русском Севере «голубцы»: круглые, прямоугольные или восьмигранные столбики высотой 1,7–2 м, с одним или несколькими декоративными перехватами, перекрытые двускатной кровлей.

Сохранность погребальных сооружений из дерева, предназначенных для укладки тела умершего, как и в раскопе 2011 года, минимальная. Боковые стенки гробов вертикальные, углы прямые, форма в плане прямоугольная с небольшим расширением в головной части. Скрепление стенок гробов железными гвоздями зафиксировано в трех случаях. Пять гробовин полностью накрывались сверху большими пластами бересты шириной до 0,6 м и длиной до 0,7 м.

Погребенные стабильно ориентированы головой на южный и юго-западный секторы горизонта, что с определенными небольшими отклонениями в пределах 5–10° совпадает с линией длинной оси последнего здания церкви и направлением на реку. В ненарушенных захоронениях «взрослых» руки единообразно согнуты в локте под углом 90° и, не перекрещиваясь, лежат поперек туловища в области живота.

Вещевая коллекция небольшая — 166 экз. кованых четырехгранных гвоздей, имеющих более «древний» вид — 85 экз., из них 42 экз. — отдельные, сильно коррозированные фрагменты массивных размеров (шляпка диаметром до 2,6 см, стержень толщиной до 1,2 см и длиной до 14 см). Гвозди из стенок гробовин при большой шляпке (до 2,3 см) имеют меньшую длину — 5,7–6,7 см, но есть и длинные экземпляры — 8,5–11,5 см. Обнаружено 13 мелких фрагментов минимум от двух-трех небольших неорнаментированных сосудов: 3 венчика, 2 днища и 8 фрагментов стенок. Это обломки кухонной посуды — маленьких тонкостенных горшков (толщина 0,5–0,6 см), изготовленных на гончарном круге из хорошо промешанного теста без средних и крупных примесей песка и слюдянистых включений.

Индивидуальных находок немного: обломок стандартной деформированной обувной подковки (4,9×1,8×0,3 см), железная скоба, тончайшие и хрупкие

фрагменты латунной обкладки с тисненным орнаментом (2), моток тонкой берестяной ленточки (шириной 0,4 см, диаметром 1,7 см), левая створка крупной раковины пресноводного моллюска и часть оклада иконы — серебряная цата (рис. 7).

Рис. 7. Село Варзуга. Некрополь. Цата. Серебро. 2012 г. Фото М. Шахновича

В шести «взрослых» погребениях умершие обуты в хорошо сохранившиеся единообразные кожаные «тапки». Это «простые поршни» — однодетальная, цельнокроеная мягкая обувь «ладьевидной формы» с закрытым носком, изготавливающаяся из одного трапециевидного куска кожи, с сужением к пятке (рис. 8). Они сходны с образцами из позднесредневековых некрополей Москвы и имеют все признаки специальной обрядовой обуви [Курбатов, 2002: 168; Осипов, 2003]. У младенцев обувь не зафиксирована. Кроме обуви и редких гвоздей от гробов, других предметов в погребениях не выявлено.

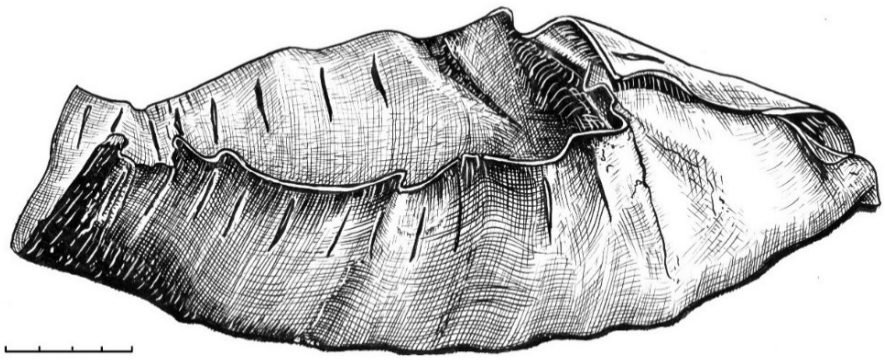


Рис. 8. Село Варзуга. Некрополь. Погребальная обувь. Рисунок М. Александровой

Впервые получена серия из 9 черепов (4 мужских и 5 женских), пригодных для краниометрических измерений. В целом краниологическая характеристика варзужан в наибольшей степени сближается с антропологическими типами карельских групп, а не с северными славянскими группами, что может быть объяснено значимой ролью карельского этноса в формировании антропологического состава местного населения [Шахнович, Широбоков, 2013: 109–112].

В восточной части раскопа, на уровне 0,2 м от с. д. п., раскрыты хорошо сохранившиеся остатки срубной постройки. Два венца стены прослеживались на протяжении 2,5 м. Толщина бревен — 14 см, ширина — 22 см. Они были уложены непосредственно на землю, без «точечных» каменных подкладок. Верхний венец полностью обуглен, а нижний — трухлявая древесина без следов воздействия огня. Это состояние можно объяснить тем, что нижнее бревно в момент пожара было «заглублено» в песок. Из обоих бревен взяты образцы для проведения радиоуглеродного анализа. Калиброванный календарный возраст древесного тлена средней части нижнего венца[1] приходится на два интервала: 1380–1440 гг. (55,2 %) — 1390–1425 гг. (43,9 %) и 1310–1360 гг. (40,2 %) — 1325–1345 гг. (24,3 %). Калиброванный календарный возраст угля верхнего венца[2] также охватывает два близких временных интервала: 1380–1430 гг. (50,9 %) — 1390–1415 гг. (39,6 %) и 1310–1360 гг. (44,5 %) — 1325–1345 гг. (28,6 %).

Целенаправленное подзахоронение младенцев и одинаковая ориентация с погребениями, а также данные радиоуглеродных датировок позволяют отождествить остатки стены со зданием церкви, погибшей во время набега «мурман» в 1419 году. Исследованные в раскопе в 2012 году могилы могут относиться как к началу XV века, так и к более раннему времени — началу XIV века.

Работы 2013 года. Новый участок (14,24 м^2) прирезан к раскопу 2012 года с восточной стороны (суммарно 2011–2013 — 39,5 м^2). В верхней части культурного слоя (0,04–0,09 м от с. д. п.) проступил нижний венец последнего здания церкви 1705 года. Он располагался по центру раскопа параллельно бровке: линия северо-запад — юго-восток. Его размеры: толщина — 0,25 м, ширина — 0,28–0,33 м, длина в границах раскопа — 4 м. Из древесины бревна получена радиоуглеродная дата — 237±25 BP (SPb-1247), калиброванный календарный возраст которой приходится на два основных интервала: 1636–1680 (56,4 %) — 1648–1666 годы (47,3 %) и 1764–1801 (32,4 %) — 1785–1794 годы (20,95 %), что соответствует периоду второй половины XVII века.

Отдельно лежащие фрагменты бревен в центре раскопа в верхней части обуглены. Скорее всего, это остатки церкви начала XV века, которые уже прослеживались в раскопе 2012 года. Их состояние значительно хуже, чем у вышеописанного бревна конца XVII века. Ширина сохранившегося участка бревна — 0,1 м, толщина — 0,13 м, длина — 1,6 м. Нижний уровень находится на глубине 0,31 м от с. д. п., верхний — 0,22 м от с. д. п. Они располагаются параллельно бревну 1705 года. Из древесины получена радиоуглеродная дата — 520±25 BP (SPb-1248), калиброванный календарный возраст которой приходится на интервал 1396–1441 годы, что соответствует периоду первой трети XV века.

---

[1] Радиоуглеродный возраст образца — 550±30 л. н.(SPb-779).

[2] Радиоуглеродный возраст образца — 557±25 л. н. (SPb-734).

Два погребения, датированные по С–14 первой третью XV века, прорезают эту древесину, подтверждая наше предположение о соотнесении ее с церковью, уничтоженной в 1419 году.

В границах раскопа 2013 года открыто 15 погребений с костными останками хорошей сохранности, из них три — новорожденные и младенцы до полугода, один — ребенок трех-четырех лет, десять — «взрослые» и подростки и одно — «спорное», без костных останков. Таким образом, общее количество исследованных за три года захоронений составило 40.

По исполнению могильные ямы простые: без дополнительных внешних и внутренних элементов, таких как, например, перекрытия и «заплечики», земляные уступы, боковые ниши, укрепление песчаных бортов деревянными плахами или берестой, поверхностные круговые валунные «оградки». Верхние контуры «читались» уже с уровня 0,4 м от с. д. п. Характерная засыпка (темно-коричневый песок с углистыми включениями) хорошо контрастирует с верхними слоями культурных отложений.

Форма ям стандартная, в плане подпрямоугольная, со скругленными углами, без сужений. За исключением поверхностных «младенческих» погребений, они всегда продолжаются глубже общего уровня материка. Максимальная глубина — 1,36 м от с. д. п. В засыпках могильных ям в раскопах 2012 и 2013 годов отсутствуют находки. Это косвенно свидетельствует о том, что могилы вырыты на месте, «не обремененном» культурными остатками.

По стратиграфическим и планиграфическим наблюдениям в ходе работ, в раскопе 2013 года предварительно можно выделить три разновременные группы захоронений, разделяющиеся по уровню залегания и планиграфии:

1. Самые ранние погребения XIV века — кладбище, существовавшее до постройки церкви, предположительно сгоревшей в 1419 году (1,05–1,2 м от с. д. п.).

2. Групповые, «семейные» в общих могильных ямах начала XV века, возможные жертвы 1419 года (0,5–0,8 м от с. д. п.).

3. Одиночные колоды с младенцами на поверхности, положенные под пол церкви в XVI–XVIII веках (0,23–0,4 м от с. д. п.). Такая же ситуация прослеживается и в примыкающем раскопе 2012 года. Радиоуглеродные датировки двух групп семейных могил близки и относятся к первой трети XV века (рис. 9).

Одна гробовина была накрыта большими пластами бересты, четыре «взрослых» погребения имели покрытие берестяными «циновками», в одном случае она лежала под телом.

Зафиксированы только две гробовины с останками младенцев. Одно захоронение относится к комплексу «семейного», другое — одиночное. В обоих случаях тела новорожденных лежали в одинаковых узких выдолбленных колодах в форме «лодочек» с острыми концами (имитация зыбки?). Как и в большинстве захоронений в раскопе 2012 года, локализующихся с внешней стороны здания церкви XV века, одиночный гробик находился практически на поверхности — 0,25 м от с. д. п. (уровень нижнего венца) и был ориентирован перпендикулярно «взрослым» могилам, но параллельно западной стене этой церкви. Костяки лежали вытянуто на спине, ручки канонически сложены в области живота.

Вещевая коллекция 2013 года насчитывает 187 экз. артефактов. В основном это массовый материал (гвозди, стекло и т. п.) — 145 шт. К индивидуальным находкам отнесено 42 предмета. Отметим полное отсутствие сопровождающего инвентаря в погребениях.

Рис. 9. Село Варзуга. Некрополь. Погребение 26. 2013 г. Фото М. Шахновича

Выводы

Накопление и систематизация новых материалов из района Варзуги во многом поменяли существовавшие представления о начальном этапе освоения лапландских районов Приполярья в Средневековье.

По итогам работ 2009–2013 годов на территории села Варзуга выявлены ненарушенные культурные отложения, которые можно связать с начальным периодом существования этого древнейшего поселения Русской Лапландии — XIV–XV веками. Также подтверждено летописное сообщение о нападении на погост в 1419 году. На некрополе села выявлены остатки здания конца XIV — начала XV века, предположительно церкви. Среди массива исследованных захоронений выделены погребения XIV века. Кроме прояснения ряда вопросов по малоизученному этногенезу терских поморов, впервые удалось получить ценные сведения о позднесредневековом погребальном обряде небольшой сельской общины Кольского Севера.

Впервые получены материалы по «средневековой» антропологии края. Показательно обнаружение среди погребенных в Варзуге женщины-саами. Ранее предполагалось, что в сложении этнической группы поморов участвовало только русское и карельское население. По-прежнему нет однозначного ответа на вопрос о времени основания села Варзуга, однако можно уверенно говорить, что это произошло не позже первой половины XIV века.

Изучение процесса освоения Кольского полуострова в Средневековье и обследование памятников «монастырской» истории на Русском Севере необходимо продолжать. И в этой работе село Варзуга остается одним из приоритетных мест для археологических изысканий в Мурманской области.

Благодарности

Искренняя признательность за помощь в работе археологу Алексею Едовину (АКМ), антропологам Ивану Широбокову (МАЭ РАН) и Равилю Галееву (ИЭА РАН), Марианне Кульковой (РГПУ).

Список сокращений

АКМ — Архангельский краеведческий музей

АО — Археологические открытия. Москва

ГИМ — Государственный исторический музей. Москва

ИИМК — Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург

ИЭА РАН — Институт этнологии и антропологии РАН. Москва

КСИА — Краткие сообщения Института археологии РАН. Москва

ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии

МАЭ АН СССР — Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва

МОКМ — Мурманский областной краеведческий музей

ПетрГУ — Петрозаводский государственный университет

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей, издаваемое государственной Археографической комиссией. Москва, Ленинград

РА — Российская археология. Москва

РГПУ — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. Санкт-Петербург

СА — Советская археология. Москва

с. д. п. — современная дневная поверхность

СЭ — Советская этнография. Москва

FA — Fennoscandia archaelogica. Helsinki.

Список литературы

Андреассен Л. Р., Братрейн Х. Д. Финнмарк между Востоком и Западом // Археология Арктики. Калининград: Заря Балтики, 2016. Вып. 3. С. 140–169.

Археолого-антропологические работы в 2011 году в с. Варзуга (Мурманская обл.) / М. М. Шахнович [и др.] // Новгород и Новгородская земля. История и археология. В. Новгород, 2012. Вып. 26. С. 149–166.

Бранденбург Н. Е. Курганы южного Приладожья // Материалы по археологии России. СПб.: Тип. Главное управление уделов, 1895. № 18. 188 с.

Буров В. А. Церковь преподобного Германа Соловецкого XIX в.: история и археология // Соловецкое море. Архангельск; М.: ТСМ, 2005. Вып. 4. С. 75–92.

Голубцов Н. А. Архангельский городской музей и его коллекции. Архангельск: Тип. В. Черепанова, 1913. 32 с.

Горюнова В. М., Овсянников О. В. Клад конца X — начала XIII вв. в устье р. Варзуги (Терский берег Кольского полуострова) // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 211–215.

Гурина Н. Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1997. 240 с.

Гурина Н. Н. Некоторые данные о заселении южного побережья Кольского полуострова // СА. 1950. XII. С. 105–127.

Гурина Н. Н. Некоторые данные о новых исследованиях в Европейском Заполярье // КСИА. 1973. Вып. 137. С. 80–88.

Гурина Н. Н. О работе Кольской археологической экспедиции // АО–1970. М., 1971. С. 10–11.

Гурина Н. Н., Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Средневековые древности Кольского полуострова // Финны в Европе VI–XV вв. М.: ИА АН СССР, 1990. Т. 1. С. 125–134.

Гурина Н. Н. Отчет о полевых работах Кольской археологической экспедиции // НА ИИМК РАН. 1969. Ф. 35. Оп. 1. Д. 24.

Гурина Н. Н. Памятники эпохи раннего металла и раннего средневековья на Кольском полуострове // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.: Наука, 1984. С. 7–16.

Гурина Н. Н. Работы Кольской археологической экспедиции // АО–1969. М., 1970. С. 6–7.

Гурина Н. Н. Работы Кольской экспедиции // АО–1979. М., 1980. С. 6–7.

Двуреченский О. В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. Тула: Куликово поле, 2015. 497 с.

Державин В. Л. Северный Мурман в XVI–XVII вв. (к истории русско-европейских связей на Кольском полуострове). М.: Науч. мир, 2006. 143 с.

Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие // Археология СССР. Свод археологических источников. Е1–36. М.; Л.: Наука, 1966. Вып. 2. 164 с.

Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф. Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село. Сер. Археология СССР. М.: Наука, 1985. С. 298–363.

Кожевникова Ю. Н. Второе Кольское благочиние Архангельской епархии в 1887 году: приходы, храмы, причт // Варзуга — первое русское поселение на Кольском Севере: Вторые Феодоритовские чтения. СПб.: Ладан, 2010. С. 181–194.

Конкка А. П., Логинов К. К. Материальная культура, семейная и календарная обрядность // Истории и культура Сямозерья. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008. С. 153–246.

Королёв К. С. Городище Новик XII–XIII вв. на Средней Вычегде (Республика Коми) // РА. 2008. № 3. С. 125–137.

Коткин К. Я. Археологические предметы Терского берега в коллекции Мурманского областного краеведческого музея // Север и история: Четвертые Феодоритовские чтения. СПб.: Ладан, 2012. С. 229–239.

Коткин К. Я. «Новые-старые вавилоны»: о памятниках, описанных этнографом В. В. Чарнолуским на р. Варзуге в 1929 г. // Беломорье и прилегающие территории: история и культура с древнейших времен до наших дней: сб. тез. докл. науч. конф. Архангельск: Лоция, 2020. С. 139–148.

Курбатов А. В. Погребальная обувь средневековой Руси // Археологические вести. 2002. № 9. С. 155–172.

Макаров Н. А. Русский Север и Лапландия: XI–XIII вв. // РА. 1993. № 3. С. 57–75.

Мартынов А. Я. Археологическая карта Беломорья: некоторые итоги и проблемы изучения // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки: Соломбальская тип., 2006. С. 187–212.

Мартынов А. Я., Беличенко А. Е., Потуткин Н. С. Средневековые городища Устьянского края. XI–XVII века. Архангельск: Северодвинская тип., 2016. 259 с.

Мец Н. Д., Мельникова А. С. Клады монет (зарегистрированные Государственным историческим музеем в 1959 году) // Ежегодник Государственного исторического музея — 1959 г. М.: ГИМ, 1961. С. 33–53.

Мильчик М. И. Каргополь. Деревянная крепость и остроги по реке Онеге. СПб.: Лики России, 2008. 178 с.

Никитин А. Л. Вологодская и Турчасовская экспедиции // АО–1971. М., 1972. С. 39.

Никитин А. Л. Население юго-востока Кольского полуострова в позднем неолите // СЭ. 1976. № 2. С. 103–111.

Обозрение раскопок, находок, приобретений древностей музеями и прочими в России и за границей // Археологические Известия и Заметки. СПб., 1893. № 1. С. 13–15.

Овсянников О. В. Арктическая зона Восточной Европы: новые открытия средневековых памятников // Древние культуры и археологические изыскания. СПб.: ИИМК РАН, 1991. С. 42–44.

Овсянников О. В. Из истории средневековых укреплений на Архангельском Севере // Культура и искусство Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. С. 195–202.

Овсянников О. В. Отчет о работе Северо-Двинского отряда в 1983 г. // НА ИИМК РАН. 1983. Ф. 35. Оп. 1. Д. 183.

Овсянников О. В. Отчет о разведочных работах Северо-Двинского археологического отряда ЛОИА АН в 1982 году // НА ИИМК РАН. 1982а. Ф. 35. Оп. 1. Д. 140.

Овсянников О. В. Разведки в Архангельской и Мурманской областях // АО–1982. М., 1984. С. 25–26.

Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Средневековые грунтовые могильники Терского берега // СА. 1989. № 2. С. 201–211.

Овсянников О. В. Средневековая Арктика: археологические открытия последних лет // Археологические вести. СПб.: ИИМК РАН, 1994. Вып. 3. С. 121–131.

Овсянников О. В. Старинные поморские кресты по исследованиям 1982–1984 гг. // КСИА. 1990. Вып. 200. С. 97–101.

Овсянников О. В. Укрепленные усадьбы XIV–XV вв. как памятники оборонного зодчества Русского Севера // КСИА. 1982б. Вып. 172. С. 97–104.

Осипов Д. О. Кожаная обувь: информационные возможности археологических коллекций (по материалам раскопок в Москве) // РА. 2003. № 2. С. 21–24.

Панова Т. Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси в XI–XVI вв. М.: Радуница, 2004. 195 с.

ПСРЛ. 1925. Т. IV, вып. 2. Л.: Тип. им. Алексеева. 215 с.

Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества X–XIII вв. // МИА. М., 1956. № 52. 184 с.

Рева К. П. Бронзовый идол Северного краевого музея. Архангельск: Изд-во Северного краевого музея, 1927. 12 с.

Риппас Б. П. Кольская экспедиция 1898 года: Предварительный отчет // Известия Императорского Русского географического общества. 1899. Т. 35, вып. 3. 32 с.

Секретарь Л. А. О типологии деревянных рубленных оград монастырей и погостов XVIII века // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Карелии и сопредельных областей. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1986. С. 63–67.

Спицын А. А. Археологический альбом // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического Общества. Пг.: Тип. Императорской Академии наук, 1915. Т. XI. С. 240–242.

Таавитсайнен Ю.-П. Городок — древняя крепостная гора в Заонежье // Археология Севера. Петрозаводск: Riso-Press, 1997. Вып. 1. С. 203–217.

Татаурова Л. В. Этнокультурные аспекты погребального обряда русских среднего Прииртышья в XVII–XVIII вв. по данным археологии // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 74–79.

Филин П. А., Фризин Н. Н. Крест в промысловой культуре поморов // Ставрографический сборник. М.: Древлехранилище, 2001. Кн. 1. С. 168–198.

Хартанович В. И., Шахнович М. М. Материалы к изучению погребального обряда и краниологии населения Северной Карелии (могильник Алозеро) // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 году. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 149–166.

Хлобыстин Л. П., Верещагина И. В., Шумкин В. Я. Исследования Заполярной экспедиции // АО–1986. М., 1988. С. 41–43.

Шахнович М. М. Археология реки Варзуги // Варзуга — первое русское поселение на Кольском Севере. СПб.: Ладан, 2010. С. 153–172.

Шахнович М. М., Широбоков И. Г. Позднесредневековый могильник с. Варзуга: итоги работ 2011–2012 гг. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. В. Новгород, 2013. Вып. 27. С. 97–114.

Шмидт А. В. Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сборник. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. С. 119–170.

Шумкин В. Я. Исследование Кольского полуострова // АО–1985. М., 1987. С. 44–45.

Шундалов И. Ю. Крестьянские некрополи Терского берега Белого моря // Живая старина. 2007. № 4. С. 27–30.

Ясински М. Э., Овсянников О. В. Взгляд на Европейскую Арктику. Архангельский Север: проблемы и источники. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. Т. 1. 464 с.

Nosov E. N., Ovsyannikov O. V., Potin V. M. The Arkhangelsk Hoard // FA. 1992. Vol. IX. P. 3–21.

Tallgren A. M. Biarmia. Eurasia Septentrionalis Antigua. Helsinki, 1931. Vol. 1. 256 s.

Сведения об авторе

Шахнович Марк Михайлович
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Центр гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Mark M. Shakhnovitch
PhD (History), Leading Research Fellow
Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre RAS

УДК 271.2
doi:10.37614/2307-5252.2021.1.20.005

«СКАЗКИ ОБ ИСПОВЕДИ»: К ВОПРОСУ О ПОКАЯННОЙ ПРАКТИКЕ МОНАШЕСТВУЮЩИХ ОЛОНЕЦКОГО УЕЗДА В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ[1]

Ю. Н. Кожевникова
Национальный парк «Водлозерский», Петрозаводск

Аннотация

В статье впервые рассматриваются «сказки» об исповеди монашествующих Олонецкого уезда — особые документы, составленные настоятелями мужских и женских монастырей края и содержащие сведения о том, как была организована процедура исповеди монашествующих в Петровскую эпоху. Исследование предваряет краткий обзор законодательства, регламентировавшего сроки исповедания грехов и выбор духовника в Русской Православной Церкви. Сделан вывод о важной информационной значимости представленных документов для изучения особенностей монастырской исповедной практики в Олонецком уезде в первой четверти XVIII века.

Ключевые слова:

монашеская исповедь, исповедная практика, православные монастыри, Олонецкий уезд, Петровская эпоха

“SKAZKI ABOUT CONFESSION”: ON THE QUESTION OF THE CONFESSIONAL PRACTICE OF THE MONKS OF THE OLONETS UYEZD IN THE PETER THE GREAT ERA

Yulia N. Kozhevnikova
National Park “Vodlozersky”, Petrozavodsk

Abstract

The article deals with the "*skazki*" (documents) about the confessions of the monks of Olonets *Uyezd* (County) for the first time. These are special documents compiled by the superiors of male and female monasteries of the region and contain information about how the procedure for confessing monks was organized in the Peter the Great era. The study is preceded by a brief overview of the legislation regulating the terms of confession of sins and choosing a confessor in the Russian Orthodox Church. The conclusion is made about the important informational significance of the presented documents for studying the features of monastic confessional practice in Olonets Uezd (County) in the first quarter of the XVIII century.

Keywords:

monastic confession, confessional practice, Orthodox monasteries, Olonets Uyezd (County), Peter the Great era

Введение

По каноническим правилам Православной Церкви регулярное участие в таинстве исповеди считается непременной важной обязанностью каждого христианина. Для монашествующих — тех, кто добровольно избрал себе трудную «жизнь покаяния», — искреннее исповедание греховных помыслов и деяний становилось неотъемлемой частью монашеской стези и всегда имело особое значение в ежедневной борьбе со страстями.

[1] Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Петр Великий и его эпоха в исторической памяти народов Карелии» по гранту РФФИ «Петровская эпоха» на 2020–2022 гг., проект № 20-09-42034.

Отечественные исследователи не раз обращались к вопросу о покаянной дисциплине в Русской Православной Церкви и определяли ее особенные черты. Авторитетные специалисты по церковной истории А. И. Алмазов и С. И. Смирнов подробно изучали письменные источники, в первую очередь постановления Вселенских и поместных соборов и законодательные акты российского правительства, регламентировавшие исполнение таинства исповеди, анализировали духовническую деятельность монашествующих среди мирян [Алмазов, 1894; Смирнов, 1913]. Современные историки уделяют особое внимание реформаторским нововведениям Петра I в исповедной практике и их последствиям, привлекая новые архивные документы по отдельным регионам Российского государства [Алексеева, 2015; Постников, 2016].

На материалах приходского делопроизводства Олонецкой епархии М. В. Пулькин исследовал вопросы, связанные с церковным покаянием в XVIII веке (организация исповедного учета в сельских и городских приходах, отношение мирян к исповеди, преследование уклонявшихся от регулярного исповедания грехов перед священником) [Пулькин, 2010, 2019]. Покаянная практика в мужских и женских обителях Олонецкого уезда, однако, ранее никем не рассматривалась. Данная статья продолжает цикл работ по изучению монастырей и монашества края в первой половине XVIII века [Кожевникова, 2019–2021].

Церковное и светское законодательство о покаянной практике

Каким образом законодательство регулировало общую покаянную практику? В Русской Православной Церкви до середины XVII века верующие были полностью свободны в выборе духовного отца (то есть действовал принцип «*покаяние вольно есть*»). Затем церковная власть запрещает монахам исповедовать мирских людей, особенно женщин. Об этом говорится в поучениях московского патриарха Иосифа (1642–1652 годы): «*Заповедаемъ же священноинокомъ не пріимати мірскихъ людей мужей и жонъ на исповедь, якоже священная правила повелевают, точію нужды ради да исповесть, сиречь смертнаго ради часа, аще несть мірскаго іерея, и кроме сего да не наречется къ таковымъ духовникъ, паче же къ женамъ, да не помышленіем на нихъ соблажняется, ибо діяволъ женами брань творитъ мнихомъ и святителемъ*» (цит. по: [Смирнов, 1913: 37]).

В первой четверти XVIII века, когда ужесточается политика российского правительства в отношении Русской Православной Церкви, появляется немало предписаний светского законодательства, касающихся покаянной дисциплины. В 1722 году совместным указом Правительствующего Сената и Святейшего синода вводилась обязательная исповедь у своего приходского священника [ПСЗ I. Т. 6, № 4052]. Покаяльная семья, ранее представлявшая исповедников, добровольно сплоченных вокруг одного духовного отца, отныне превращалась в «церковно-административную единицу» и по территориальному признаку объединяла приходских людей одной церкви.

Как пишет знаток канонического права А. И. Алмазов, строго установленные сроки для исповедания грехов долгое время отсутствовали [Алмазов, 1894: 366–367]. Предполагалось, что «духовные дети» находятся в постоянном общении со своими наставниками и регулярно «очищают совесть» перед ними. Во второй половине XVII века, после судьбоносных решений Московских поместных соборов 1654–1656 годов, направленных по воле

патриарха Никона (1652–1666 годы) на исправление богослужебных обрядов и книг, духовные власти стремятся законодательно упорядочить покаянную дисциплину и ввести для нее четкие нормы. Отказ от исполнения христианского долга исповеди отныне считался главным признаком принадлежности человека к числу «старолюбцев», поэтому посещаемость богослужений и регулярность «явки на исповедь» стали контролироваться епархиальным начальством [Алмазов, 1894: 370]. Согласно постановлениям Большого Московского собора 1666/67 года необходимым становится исповедание грехов мирянами перед духовником не менее четырех раз в год [Алмазов, 1894: 367]. Однако правило о четырехкратной за год исповеди, объявленное духовными властями, повсеместно не выполнялось верующими [Смирнов, 1913: 198].

Частью масштабной церковной реформы Петра I стало введение государственного контроля над частотой исполнения таинства исповеди. Именным указом от 8 февраля 1716 года требовалось «*всякаго чина мужеска и женска пола людямъ объявить, чтобъ они у отцевъ своихъ духовныхъ исповедывались повсягодно*» [ПСЗ I. Т. 5, № 2991]. Напоминание о необходимости ежегодного исповедания грехов повторялось в «Духовном Регламенте» [ПСЗ I. Т. 6, № 3718]. Другим именным Петровским указом, опубликованным 17 февраля 1718 года, приходские священники обязывались подавать начальству «ведомости о неисповедовавшихся» [ПСЗ I. Т. 5, № 3169]. Об этом же говорилось в синодском постановлении от 7 марта 1722 года [ПСЗ I. Т. 6, № 3914]. Позднее, 16 июля 1722 года, Сенат совместно с Синодом издают указ, по которому епархиальные архиереи должны были запрашивать у приходского духовенства специальные книги с записями обо всех исповедниках[1] и причастниках в местной общине [ПСЗ I. Т. 6, № 4052]. Такие документы стали называться духовными росписями, или исповедными книгами [ПСЗ I. Т. 10, № 7226]. Кроме того, за «небытие у исповеди» для мирян законодательно вводились денежные штрафы [ПСЗ I. Т. 5, № 3169; Т. 6, № 3732, № 3914].

Для монашествующих существовали отдельные правила, касавшиеся выбора духовника и сроков исповедания грехов. По студийскому уставу[2], принятому во второй половине XI века преподобным Феодосием Печерским в основанной им киновии (общежительном монастыре), исповедь чернецов происходила в храме на каждой утрене: ее принимал игумен, «*врачуя каждого подобающим образом*» [Смирнов, 1913: 22]. В последней четверти XIV века в Троицком монастыре преподобного Сергия Радонежского впервые появляется особая должность духовника. В больших многобратственных обителях могло быть несколько духовников, и каждый инок свободно выбирал из них духовного отца, как, например, в Соловецком и Тихвинском монастырях в первой половине XVII века [Смирнов, 1913: 26–28].

Со второй половины XVII века правила постепенно становятся более строгими из-за раскола в обществе на «новообрядцев» и «старолюбцев». Одно из постановлений Большого Московского собора 1666/67 года предписывало монашествующим «поновляться» (каяться) у своего настоятеля или общего монастырского духовника и не ездить в другие обители для «очищения совести»:

---

[1] Исповедник — тот, кто пришел на исповедь.

[2] Студийский устав был составлен в начале XI века преподобным Феодором Студитом, настоятелем Студийского монастыря в Константинополе.

«*Іеромонахомъ и монахомъ имети отца духовнаго своего монастыря архимандрита или игумена, исповедоватися у него, или кого искусна священника того монастыря архимандритъ или игуменъ соборне изберетъ и повелитъ быти духовникомъ, у того исповедатися. А во иномъ монастыри отца духовнаго не имети*» [цит. по: Смирнов, 1913: 28].

В первой четверти XVIII века в «Прибавлении к Духовному регламенту», с одной стороны, оговаривается добровольный характер монашеской исповеди: «*Да не понуждаетъ настоятель братію приходити къ себе на исповедь, понеже такое исповеданіе будет притворное»* [ПСЗ I. Т. 6, № 4022]. С другой стороны, монах отныне не имел права самостоятельно избирать себе духовного наставника и учителя, так как духовник был единым и общим для всех братьев: *«Быть в монастыре единому общему духовнику честному и предъ епископомъ свидетельствованному іеромонаху*» [ПСЗ I. Т. 6, № 4022]. При этом на общего духовника накладывалась дополнительная обязанность открывать тайну исповеди в особых случаях: *«и тотъ бы иногда сказывалъ Настоятелю, аще какое злое в братіи вкоренилося обыкновеніе*» [ПСЗ I. Т. 6, № 4022].

В середине 1722 года среди прочих петровских нововведений для монашествующих объявили строжайший запрет покидать свои обители без письменного разрешения от настоятеля и посещать другую епархию — без «подорожной» от правящего епископа. По особому указанию Петра I, всем монахиням, кроме игумений, нельзя было «*исходить из монастыря*» ни по какой причине. Монахи же могли по благословению настоятеля бывать «*в гостях*» не более четырех раз в год и ездить «*во грады и веси*» только ради «*общей потребы*». Таким образом, подвизавшиеся в разных монастырях священники-монахи и их чада, связанные узами духовничества, оказывались разлучены. «*Честные и трезвенные старцы*», о которых говорится в «Прибавлении к Духовному Регламенту», могли отсутствовать в небольших монашеских общинах, и тогда само исповедание грехов перед общим духовником становилось формальным.

Жесткие предписания по сроку исповедания деяний и помыслов монахом перед своим духовником в законодательных актах допетровского времени отсутствуют. Предполагалось, что при вступлении в братию новоначальный вверяет себя руководству духовного наставника и «открывает ему тайны своего сердца» не менее одного раза в неделю. По крайней мере, именно об этом говорится в приложении к первому печатному изданию Номоканона при Большом Требнике (Киев, 1620): «*иже* (монашествующий. — *А. И.*) *не извещает деянія и помыслы своя духовному отцу на всяку седмицу, да запретится дней пятьнадесять*» [цит. по: Алмазов, 1894: 398]. К концу XVII века встречаются отдельные указания духовенства о монашеской исповеди во все четыре поста, а также рекомендация для иеромонахов, чтобы «*безъ исповеди въ чреду входить не дерзали*» (то есть не приступали к богослужению). Об этом пишет архимандрит Гавриил (Домецкий) из Симонова монастыря в «Учении всегдашнем монастырском» в 1683 году [Алмазов, 1894: 399].

В Петровскую эпоху частота монашеского исповедания грехов четко определялась государством в «Прибавлении к Духовному Регламенту» (1722 год): «*четырежды въ годъ исповедатися и пріобщитися Святымъ Тайнамъ должны въ четыре посты святые: подобало бы и множае, понеже сими совершеннейшее житіе славится*» [ПСЗ I. Т. 6, № 4022]. Первичный контроль над монашеской «явкой на исповедь» возлагался на настоятелей монастырей. Как и приходские священники, они составляли специальные ведомости со списками исповедников

и представляли их начальству в начале каждого года. За «*небытие у исповеди*» и за «*сокрытие небытейщиков*» также полагались штрафы, однако их размеры в законах не оговаривались. Денежная сумма определялась по решению правящего епископа.

«Сказки об исповеди» из монастырей Олонецкого уезда

Итак, в конце 1721 года новгородский архиепископ Феодосий (Яновский) впервые затребовал от настоятелей епархиальных монастырей точные данные о том, кто из монашествующих у кого «очищал совесть» в прошедший год. Составленные тогда особые документы — так называемые сказки со сведениями об исповедниках и причастниках — сначала были отправлены заказчику[1] Олонецкого уезда, которым в те годы был настоятель Александро-Свирского монастыря архимандрит Кирилл, а оттуда в архиерейский разряд в Великий Новгород. В фонде Александро-Свирского монастыря Архива Санкт-Петербургского института истории РАН сохранились такие «сказки», поступившие в феврале 1722 года из семи обителей Олонецкого уезда: двух женских (Вознесенский и Брусненский монастыри) и пяти мужских (Муромский и Юрьегорский монастыри, Высокоезерская, Петропавловская Лобанова и Лужандозерская пустыни) [Арх. СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 11/12. Л. 191–202 об.].

К концу первой четверти XVIII века в Олонецком уезде существовали два женских монастыря — Вознесенский в устье реки Свирь и Никольский Брусненский на острове в юго-западной части Онежского озера. Общину Вознесенского монастыря в 1721 году возглавляла монахиня Агафия (Карсакова), постригавшаяся в Старо-Ладожском Успенском монастыре и три года назад назначенная строительницей. В монастырской церкви вместе с дьячком Прохором Ивановым служил белый священник Александр Яковлев, однако, как следует из поданной «сказки», он принимал исповедь только у одиннадцати монастырских работников (сам клирик и его жена Екатерина исповедовались у священника Тимофея Никифорова из Гежесельгской волости). Четыре монахини Екатерина, Антонида, Маремьяна и Марфа отсутствовали в обители: в то время они находились в Новгороде «*за нуждами для челобитья*» и «*во исповеди быть не сподобились*» [Арх. СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 11/12. Л. 191–193]. Все остальные одиннадцать монахинь, включая строительницу (келарь Василиса, казначея Феодора, Маремьяна, Улита, Анна, Фотиния, Пелагия, Ираида, Евдокия, Варвара), открывали свои деяния и помыслы перед одним духовником — 67-летним иеромонахом Мануилом из соседней Пятницкой Кедринской пустыни в Южном Прионежье.

Личность иеромонаха Мануила заслуживает отдельного внимания. Несомненно, он пользовался большим духовным авторитетом среди жителей селений Мегорского, Оштинского и Важенского погостов-округов в Южном Прионежье. Почтенный старец не боялся нарушать грозный петровский запрет на монашеские постриги, объявленный в 1723 году, и продолжал постригать в монашество мужчин и женщин в конце 1720-х — первой половине 1730-х годов [Кожевникова, 2021: 32]. Так, в том же Вознесенском монастыре при другой настоятельнице схимонахине Александре в 1728 и 1732 годах он «*против указу*» облачал в иноческие одежды монахинь Максимиллу и Надежду [Кожевникова,

[1] Заказчики осуществляли контроль над духовенством в своем округе (уезде).

2021: 32]. Об этом незаурядном человеке сохранились скудные сведения в документах Новгородской духовной консистории. В 1722 году при составлении ведомости о монашествующих Кедринской пустыни иеромонах Мануил сообщал о себе, что до принятия монашеских обетов его звали Михаилом, принадлежал «чину церковническому Олонецкого уезда» [ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 5. Д. 80. Л. 7]. Постригался в 1718 году в новгородском Юрьеве монастыре, которым в то время управлял архимандрит Аарон (Еропкин), будущий епископ Корельский. Строителем Кедринской пустыни Мануила назначили в 1720 году. Добавлю, что в 1736 году в наказание за незаконные монашеские постриги его отправили «под начал» к строителю иеромонаху Матфею Введенского Островского монастыря на реке Оять. Позднее он сумел бежать от приехавшего за ним архиерейского подьячего Ивана Хамантова, который должен был доставить провинившегося монаха в Великий Новгород [ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 29. Д. 358. Л. 25 об.].

Вернемся к «сказкам об исповеди». В небольшом Никольском Брусненском монастыре, как сообщает его строительница монахиня София, все шесть монахинь (их звали Матрона, Кирика, Мая, Варвара, Анна и Агафья) исповедовались в Великий пост перед общим духовным отцом — иеромонахом Лаврентием, совершавшем богослужения в единственной монастырской церкви во имя святителя Николая. Наемные работники с женами ходили на исповедь к своему приходскому священнику Иоакиму Иванову, служившему в Георгиевской церкви соседней Шелтозерской волости [Арх. СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 11/12. Л. 197–197 об.].

Строитель мужской Высокоезерской пустыни (в Южном Прионежье) монах Савватий писал архимандриту Кириллу о том, что он сам и остальные шестеро монахов (казначей Антоний, келарь Филарет, Илия, Лаврентий, Нифонт, Леванид) «*во исповеди были*» у своего духовника иеромонаха Феодосия, который подвизается вместе с ними в одной обители. Все исповедники накануне исповеди постились и после нее причащались Христовых Тайн [Арх. СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 11/12. Л. 199–199 об.].

Интересные подробности читаем в «сказке», посланной в Александро-Свирский монастырь строителем Муромского монастыря (на восточном побережье Онежского озера) иеромонахом Кириллом [Арх. СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 11/12. Л. 200–201]. Помимо него, в монашеской общине в тот год находился второй иеромонах по имени Исайя, семидесяти лет, который и принимал исповедь у строителя. Далее иеромонах Кирилл сообщает о том, что в Великий пост 1721 года он исповедовал и причащал всех муромских монахов, включая своего духовника отца Исайю (двенадцать человек), и троих работников. Также к нему в Муромский монастырь для «очищения совести» приезжали его духовные дети из Гакукской волости — служивший в Покровской церкви приходский священник Феодор Иванов с женой Пелагеей и его помощник дьячок Иван Аввакумов. К прибывшему в обитель в Великий пост гакукскому священнику для исповедания грехов подходили трое монастырских работников, бывших его прихожанами.

Любопытен факт принятия исповеди муромским строителем у троих трудившихся в монастыре крестьян вопреки запретам, действовавшим с середины XVII века. По-видимому, мужчины «мирского чина» Михий Мелентьев, Феофан

Тихонов и Денис Ульянов, которые «поновлялись» перед иеромонахом Кириллом, пришли издалека и не имели возможности в «четыредесятницу» навестить своих приходских священников.

В Петропавловской Лобановой пустыни, находившейся на юго-восточном побережье Онежского озера, «сказку» вместо строителя Аврамия (Свечина) составил иеромонах Сильвестр. По его сведениям, все четверо монахов — казначей Адриан, Сергий, Феодосий, Зосима — добросовестно постились, «*во исповеди были*» у него и «*по достоинству причащались*». Духовником же иеромонаха Сильвестра являлся иеромонах Гедеон из соседней Троицкой Лужандозерской пустыни, куда он и ездил на исповедь [Арх. СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 11/12. Л. 201–202].

В «сказке», подписанной лужандозерским строителем монахом Гавриилом, говорится о том, что упомянутый выше иеромонах Гедеон недавно пришел в их пустынь из Тихвинского монастыря. Можно предположить, что его духовный сын монах Сильвестр был постриженником той же мужской обители в Тихвине и перебрался в Лобанову пустынь во второй половине 1721 года. Духовником монашеской общины Лужандозерской пустыни был местный иеромонах Константин; он исповедал и причастил всех монахов во время Великого поста. «*Новоприбывший*» же иеромонах Гедеон побывал «*во исповеди*» у своего духовного отца, тихвинского иеромонаха Никодима [Арх. СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 11/12. Л. 202–202 об.].

К сожалению, «сказка» из Троицкого Юрьегорского монастыря, располагавшегося в Пречистенском Водлозерском погосте-округе «*подле каргопольского рубежа*», не отвечает на вопрос о том, кто же исповедовал и причащал местную братскую общину. Документ был послан к настоятелю Александро-Свирского монастыря от имени монаха Саввы. По всей видимости, это келарь Савватий, упоминаемый в списке монахов Юрьегорского монастыря за 1726 год [Кожевникова, 2017: 89]. Он пишет о том, что нужными для начальства сведениями не располагает («*кто исповедывался и кто не исповедывался, сказать ничего не ведаю*»), а строитель монах Матфей находится в Каргополе по неотложным монастырским делам [Арх. СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 11/12. Л. 198–198 об.].

Заключение

Как следует из рассмотренных «сказок», в мужских и женских монастырях Олонецкого уезда бытовал сложившийся до принятия петровских нововведений обычай обязательного ежегодного исповедания в течение Великого поста, который всегда считался самым подходящим временем для духовного очищения и приготовления к принятию особенных даров Божиих.

Благодаря сохранившимся «сказкам об исповеди» известно, что в монастырях Олонецкого уезда в первой четверти XVIII века четко придерживались древнерусского правила, по которому монашествующим не разрешалось исповедоваться и причащаться у приходских священников [Смирнов, 1913: 29].

Выяснилось, что в первой четверти XVIII века монашествующие Олонецкого уезда могли иметь духовников в других монастырях, «как в старину», что противоречило постановлениям Большого Московского собора 1666/67 года. При переходе монаха из одной обители в другую связи с духовным отцом

не обязательно прерывались. Таким образом, в монашеской среде отчасти сохранялось другое правило древнерусской церкви, которое допускало перемену духовника только в двух случаях: «*за его смертью»* или *«за его отбытиемъ*» [Алмазов, 1894: 453]. Пример духовничества старца Мануила из Кедринской пустыни свидетельствует о том, что покаяльная семья конкретного духовника могла состоять из его постриженников из разных монастырей, как мужских, так и женских.

«Сказки об исповеди» из фонда Александро-Свирского монастыря являются важным источником для изучения исповедной практики монашествующих Олонецкого уезда в первой четверти XVIII века. Эти редкие документы дают возможность: узнать местные традиции, сложившиеся к тому моменту; открыть имена монастырских духовников, принимавших исповедь; рассматривать духовные связи, существовавшие между разными монашескими обителями края в Петровскую эпоху[1].

Список сокращений

ГАНО — Государственный архив Новгородской области

ПСЗ I — Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое

СПбИИ РАН — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук

Список источников

Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 11/12.

ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 5. Д. 80.

ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 29. Д. 358.

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб., 1830. Т. 5, 6, 10.

Список литературы

Алексеева Н. В. Церковная реформа Петра I: новое в практике исповеди и покаяния // Ученые записки Череповецкого государственного университета. 2015. № 2. С. 35–39.

Алмазов А. И. Тайная исповедь в восточной православной церкви. Опыт внешней истории. Одесса: Типо-лит. Штаба Одесского военного округа, 1894. Т. 2. 463 с.

Кожевникова Ю. Н. «Монастырское» законодательство Петра I и монашество Олонецкого уезда в первой половине XVIII века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 2 (179). С. 81–84. DOI:10.15393/uchz.art.2019.294.

Кожевникова Ю. Н. Монашество Олонецкого и Каргопольского уездов в эпоху «запретительных» указов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 2. С. 28–35. DOI:10.15393/uchz.art.2021.581.

Кожевникова Ю. Н. Петропавловская Лобанова пустынь: предания о царских дарах // Словесность и история. 2020. № 2. С. 96–111.

[1] Вопрос о том, насколько добросовестно монашество Олонецкого уезда соблюдало правило о четырехкратной монашеской исповеди, введенное в 1722 году «Прибавлением к Духовному Регламенту», пока остается открытым. Для его изучения потребуются новые письменные источники.

Кожевникова Ю. Н. Троицкий Юрьегорский монастырь и Юрьегорский приход // Святой преподобный Диодор Юрьегорский и созданный им монастырь. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 20–149.

Постников А. Б. Исповедные росписи как источник по истории Псковской Церкви и духовенства в 1727–1762 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2016. Вып. 6 (73). С. 21–44. DOI:10.15382/sturII201673.21-44.

Пулькин М. В. Таинство покаяния в православных приходах севера Росии (XVIII — начало XX вв.) // Studia Humanitatis. 2019. № 3. DOI:10.24411/2308-8079-2019-00009.

Пулькин М. В. Таинство покаяния: проблемы осуществления в XVIII — начале XX века (по материалам Олонецкой епархии) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. Т. 4, № 2. С. 134–144.

Смирнов С. И. Древнерусский духовник. Исследование по истории церковного быта. М.: Синодальная тип., 1913. 872 с.

Сведения об авторе

Кожевникова Юлия Николаевна
кандидат исторических наук, ведущий специалист
Национальный парк «Водлозерский», Петрозаводск

Yulia N. Kozhevnikova
PhD (History), Leading specialist of the National Park “Vodlozersky”, Petrozavodsk

УДК 348(470)
doi:10.37614/2307-5252.2021.1.20.006

С. С. УВАРОВ И ЕГО НЕРЕАЛИЗОВАННЫЙ ПРОЕКТ УСТАВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 1819 ГОДА

И. С. Пустовойт, Т. Н. Жуковская
Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург

Аннотация

В статье рассматривается важный и, как представляется, выпавший из поля исследований сюжет, который связан с разработкой проекта особого устава для Санкт-Петербургского университета в 1819–1823 гг. Этот проект был разработан лично С. С. Уваровым, бывшим тогда попечителем столичного учебного округа. Цель работы — реконструировать содержание утраченного проекта, в основу которого были заложены традиции немецкой свободной науки, по материалам его обсуждения в Главном правлении училищ. В этом эпизоде наглядно отразилось торжество религиозно-консервативных установок в политике Министерства народного просвещения, которые помешали осуществлению планов С. С. Уварова по «устроению» в столице империи университета европейского уровня, соединяющего учебную организацию по образцу немецких университетов, особенную факультетскую структуру и управление, более централизованное, чем то, что предусматривалось университетскими уставами начала XIX века.

Ключевые слова:

С. С. Уваров, университетские уставы, контрреформы в просвещении при Александре I, Главное правление училищ, Санкт-Петербургский университет, управление университетами

S. S. UVAROV AND HIS UNREALIZED DRAFT OF THE CHARTER OF ST. PETERSBURG UNIVERSITY (1819)

Ivan S. Pustovoit, Tatyana N. Zhukovskaya
Institute of History, St. Petersburg State University, Saint Petersburg

Abstract

The article deals with an important subject, which seems to have fallen out of the field of research, which is connected with the development of a draft special charter for the St. Petersburg University in 1819–1823. This project was developed personally by S. S. Uvarov, who was then a trustee of the Saint-Petersburg educational district. The aim of the work is to reconstruct the content of this lost project, which was based on the traditions of German free science, based on the materials of its discussion in the Main Board of Schools. This episode clearly reflected the triumph of religious-conservative attitudes in the policy of the Ministry of Public Education, which prevented the implementation of S. S. Uvarov's plans to "arrange" a European-level university in the capital of the empire, combining an educational organization on the model of German universities, a special faculty structure and management, more centralized than what was provided for by the university charters of the early XIX century.

Keywords:

S. S. Uvarov, University charters, counter-reforms in the school policy under Alexander I, General Direcrorate of Schools, St. Petersburg University, University administration

Постановка проблемы и источники исследования

Когда заходит речь о Сергее Семеновиче Уварове (1786–1855), то в сознании возникает хрестоматийный образ творца известной идеологической доктрины «Православие, Самодержавие, Народность», направленной на защиту основ самодержавного строя. Стоит задуматься о том, что к моменту создания этой триады Уварову было уже почти пятьдесят лет. Собственный опыт, изменившаяся политическая конъюнктура и новые потребности государственного управления закономерно превратили энтузиаста-просветителя, ретранслятора александровского «правительственного либерализма» в главного идеолога российского консерватизма XIX века. Он проделал личную идейную эволюцию в том же направлении, что и Н. М. Карамзин двумя десятилетиями ранее, и это объяснимо в индивидуально-психологическом и политическом контексте. Более 15 лет управляя Министерством народного просвещения, С. С. Уваров оказывал колоссальное влияние не только на литературу и цензуру, но и на все сферы «воспитания юношества», школьную систему, пропаганду «русской идеи» и апологию имперской политики, в том числе за пределами России.

Дать современную историческую оценку заслугам Уварова перед российским просвещением невозможно, если не упомянуть о начале его карьеры «на ниве просвещения», о десятилетнем управлении столичным учебным округом (1810–1821), об усилиях по созданию Санкт-Петербургского университета. Иначе немалая часть трудов, идей и проектов этого выдающегося государственного деятеля исчезает из поля зрения. Историк николаевской эпохи и биограф С. С. Уварова М. М. Шевченко писал: «Историческая литература вплоть до новейшей эпохи не столько изучала его государственную деятельность, сколько боролась с его тенью, формировала и поддерживала его отрицательный образ» [Шевченко, 2017: 27].

Имя Уварова как выдающегося отечественного просветителя и администратора просвещения подвергалось очернению, а временами и тотальному изгнанию из истории российской науки, образования и общественной мысли.

История попечительства Уварова в Санкт-Петербургском учебном округе и хроника его противостояния усиливавшимся контрреформаторам в Министерстве народного просвещения (далее — МНП) все еще недостаточно изучены. Однако мы все же располагаем некоторыми ценными исследованиями, проливающими свет на рассматриваемые сюжеты. Так, работы Е. М. Косачевской, Ц. Х. Виттекер, Е. Н. Азизовой, Т. Н. Жуковской, посвященные раннему периоду истории Санкт-Петербургского университета и его администраторам, уже внесли вклад в понимание сути кризиса, который переживал в это время столичный университет, лишь 8 февраля 1819 года утвержденный в собственном статусе. Разработка и принятие особенного устава для него, с учетом опыта существования других университетов по уставам 1802–1804 годов, изменившихся обстоятельств, а также опыта европейских университетов, стали для Уварова главной задачей после формального преобразования Главного педагогического института в университет. В создании обширного проекта устава для Санкт-Петербургского университета Уваров играл решающую роль. Это не раз подчеркивали его критики, заявляя даже, что устав был написан им единолично. Идейные и текстуальные источники уваровского проекта и его особенности можно было бы проследить детально, если бы в архивах был найден его полный текст. В данной статье мы предлагаем реконструкцию этого важнейшего документа по косвенным источникам, сформировавшимся в процессе его критики и попыток исправления. В конечном счете известные из опубликованных и архивных источников элементы этого проекта, его структуры и содержания создают возможность оценить его в целом, а также представить наметившиеся направления корректировки национальной модели университета на исходе второго десятилетия реформ. Ее эталоном предстояло стать именно университету столичному.

Важнейшим источником для решения поставленной проблемы являются журналы заседаний Главного правления училищ (далее — ГПУ) за 1819–1823 годы, хранящие в фонде ГПУ (РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 18–22). На заседаниях этого экспертного органа МНП и проходили в течение многих месяцев бурные дебаты вокруг уваровского проекта. Частично материалы обсуждения проекта устава, которые обнаружили позиции разных лиц и сторон, опубликованы в томе документов, отражающих первые полтора десятилетия истории Санкт-Петербургского университета [Санкт-Петербургский…, 1919: 61–130].

Драма, разыгравшаяся во время обсуждения уваровского проекта устава, лучше всего проявляет облик С. С. Уварова — просветителя и администратора, его представления о российском университете и просвещении вообще. Одновременно эти события наглядно обнаруживают «партии» и лица, которые ему противостояли в министерстве и придворных кругах. Парадокс состоит в том, что Уваров на несколько лет опоздал со своими идеями, предложив их тому руководству МНП, которое в принципе не могло следовать по пути углубления реформ, начатых в 1800-х годах, и к тому же монополизировало сам процесс принятия решений. Со времен разработки первых университетских уставов процедура экспертизы и обсуждения мер в сфере управления просвещением деградировала, а в ГПУ и самом министерстве совершенно изменилась расстановка сил. В окружении нового министра А. Н. Голицына первенствовали адепты «христианского просвещения» М. Л. Магницкий и Д. П. Рунич,

демонстративно обличая все, что не соответствовало этому духу. Они сделали все, чтобы дискредитировать С. С. Уварова, разрушив его планы о создании в Петербурге европейски ориентированного центра образования и науки.

В то же время рассмотрение в ГПУ уваровского проекта устава является ключевым эпизодом ранней истории Санкт-Петербургского университета. Отклонение этого проекта, осуждение идей его автора и вынужденный уход Уварова с поста попечителя, последовавший летом 1821 года, послужили толчком к решительному торжеству реакции в стенах самого университета (известному как «дело профессоров»), а также во всей системе просвещения.

Политическая обстановка 1819 года и представление проекта особого устава для Санкт-Петербургского университета

В 1819 году Уваров оставался, по сути, последней влиятельной фигурой в высших эшелонах МНП, кто сохранял приверженность принципам университетских уставов 1802–1804 годов, которые декларировали широкую административную, научную и судебную автономию университета и его корпорации [Сборник постановлений…, 1864: 295–331]. Эти принципы развивал подготовленный Уваровым проект особого устава для Санкт-Петербургского университета, который в итоге был отвергнут за мысли и положения, «несогласные с духом правительства и Священного союза».

Через три с небольшим месяца, после высочайше утвержденного преобразования Главного педагогического института в Петербурге в университет, а именно 26 мая 1819 года, С. С. Уваров представил министру народного просвещения А. Н. Голицыну проект отдельного устава для Санкт-Петербургского университета. Этот обширный документ состоял из 345 параграфов, над ним попечитель усердно работал, по меньшей мере несколько месяцев [Виттекер, 1999: 90]. Проект устава содержал 11 глав с приложениями. По аналогии с процедурой обсуждения и утверждения первых университетских уставов в 1802–1804 годов, этот проект было решено обсуждать подробно и постатейно, поручив его анализ и возможные корректировки экспертам из ГПУ. В то же время новый устав Дерптского университета, разработанный параллельно в МНП под руководством попечителя К. А. Ливена, не проходил столь детального обсуждения в ГПУ, а после серии частных экспертиз был внесен А. Н. Голицыным в Комитет министров и принят 4 июня 1820 года. Это стало возможным, поскольку устав 1820 года предлагался лишь как новая редакция дерптского устава 1803 года [Петухов, 1902: 359–368; Жарова, 2012].

Уваров надеялся, что подготовленный им проект ждет тот же успех, что и проекты устава 1803–1804 годов, которые обсуждались оперативно при решающей роли попечителей учебных округов, с привлечением самих профессоров [Грачева, 2016], он рассчитывал, что ГПУ сможет быстро изучить и одобрить представленный им устав целиком. Поданный им документ представлял собой пространное детализированное учреждение, касавшееся всех частей управления и функционирования учебного заведения. Попечитель настаивал на скорейшем, еще до начала нового учебного года, введении устава в действие, что должно было упрочить положение столичного университета. Но, в отличие от ситуации 1803–1804 годов, персональный состав и настроения членов ГПУ, их отношение к Уварову не способствовали конструктивному обсуждению проекта такой

важности и масштаба. Главное, в это время обозначился резкий перелом в политике просвещения, который заключался в свертывании «чрезмерных» свобод университетов, усилении надзора за преподаванием и студентами.

После создания в 1817 году объединенного Министерства духовных дел и народного просвещения (во главе с А. Н. Голицыным) начинается наступление на университетскую автономию, борьба с распространением «вольнодумства», заимствованием западных идей и, в частности, «обычаев» немецких университетов, осужденных Священным союзом. Во главе министерства, в составе ГПУ и его Ученого комитета в это время оказались те, кто резко осуждал систему, построенную реформами 1802–1804 годов. ГПУ, оставаясь коллегиальным органом, обновило состав членов, включив в него идеологов и членов Библейского общества — противников реформ. К их числу принадлежали М. Л. Магницкий, Д. П. Рунич, архиепископ Тверской Филарет, обер-прокурор Св. Синода (с 1817-го) кн. П. С. Мещерский. При относительной малочисленности присутствовавших в заседаниях членов ГПУ решающее значение имел голос председательствующего в заседаниях А. Н. Голицына и его отношения с каждым в отдельности. Министр не только протежировал, например, Д. П. Руничу, но и выступал «духовным наставником» сочленов, предлагал решения, способные переориентировать идейные основы всей образовательной системы. Так, он вносил предложения о повсеместном введении лекций по богословию, об обязательном чтении Священного Писания в училищах, производил «разборы иностранцев», в умственном направлении которых не был уверен [Жуковская, Пустовойт, 2020]. Контрреформаторы желали установить главенство веры над знанием, демонстрировали показное благочестие, сами понятия «университетская автономия», «наука», «европейские идеи» они сравнивали с оружием, направленным на подрыв духовных и политических устоев государства.

Уваров все же решился выступить в «неудобное» время, поскольку, как подчеркивал Джеймс Флинн, «борьба за составление “полного” устава нового университета» была для него самым серьезным вопросом» [Flynn, 1972: 487].

На необходимость полноценного устава для университета в Петербурге позже не раз указывал один из противников Уварова и его преемник на должности попечителя — Д. П. Рунич. В 1822 году он обвинял Уварова в том, что тот организовал университет без устава и тем самым «ослабил» его. В своем донесении от марта 1822 года Рунич писал, что, когда в 1819 году на месте Главного педагогического института был образован университет, руководствуясь одним «Первоначальным образованием»[1], он «подвергся столь невыгодным для него собственно и самой цели его учреждения изменениям, что все расстройство нового университета, впоследствии обнаружившееся, произошло единственно от сего переименования». Рунич сетовал, что «университет был открыт прежде, нежели составлен для него устав. Первоначальное образование, заключая одни поверхностные распоряжения, не могло быть достаточным для сословия такого рода, каков университет» [РО ИРЛИ РАН. Ф. 263. Оп. 3. Д. 50. Л. 1].

[1] «Первоначальное образование Санкт-Петербургского университета» — учредительный документ, излагающий основы устройства университета, также составленный С. С. Уваровым и утвержденный 8 февраля 1819 года (см.: [Санкт-Петербургский…, 1919: 6–12]). Этот краткий учредительный документ, всего из 36 статей, рассматривался Уваровым как переходный, лишь временно выполняющий функцию недостающего устава университета.

Обширный проект особого устава для Петербургского университета, в котором воплощалась мысль Уварова о том, что новый университет должен базироваться на началах «основательного классического образования», не сохранился ни в подлиннике, ни в копиях [Рождественский, 1919: XXX]. Тем не менее о содержании и характере проекта можно составить объективное представление по той мелочной постатейной критике, которой он подвергся в ГПУ. Судя по тому, что критика часто направлялась лично против Уварова и что после разбора в ГПУ текст проекта был передан на рассмотрение университетских профессоров, можно предполагать, что устав был составлен попечителем без их участия и без участия кого-либо из состава ГПУ. Об этом говорит и отношение Уварова министру А. Н. Голицыну от 7 марта 1819 года, в котором он заявлял, что у него «ослабевает здоровье», так как он занимается написанием устава «день и ночь», а «начертание устава есть дело, сопряженное с большими трудностями и даже затруднениями» [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 80. Л. 18–19].

Хотя не исключено, что попечитель при написании проекта привлекал в качестве экспертов представителей академической корпорации, возможно, из числа немцев — сотрудников Академии наук. С. В. Рождественский обратил внимание на то, что обстановка обсуждения устава изменялась «от академически спокойного его рассмотрения вплоть до взрыва страстей, вышедших, по выражению С. С. Уварова, “из пределов вероподобия и благопристойности” и вылившихся в записке М. Л. Магницкого в злобное мракобесие, клеветничество и доносительство» [Санкт-Петербургский..., 1919: 61]. Критика проекта ужесточилась после неудачи выборов ректора в августе 1819 года, в которых первоначально победил профессор всеобщей истории немец Э.-Б. Раупах, протежируемый Уваровым. Под давлением министра А. Н. Голицына пришлось произвести перевыборы ректора, большинство голосов получил М. А. Балугьянский, более внушавший доверие министру и двору.

Критика проекта в Главном правлении училищ

Первой инстанцией, рассматривавшей представленный Уваровым проект, явился Ученый комитет при ГПУ, на заседаниях которого 14 июня и 31 июля 1819 года было решено представить проект «частному рассмотрению каждого из членов Правления». На основании замечаний, адресованных членами Ученого комитета к отдельным статьям устава, их отзывы можно разделить на три группы.

Наиболее благожелательными были замечания старейших министерских чиновников и «ветеранов» ГПУ Н. И. Фуса и И. И. Мартынова. Критически, но относительно спокойно отнеслись к проекту Уварова граф И. С. Лаваль и, как ни странно, его будущий открытый враг Д. П. Рунич. В отзыве Филарета «некоторые руководящие идеи, полагаемые в основание учебного и административного строя нового университета» брались под подозрение [Рождественский, 1919: XXXVII].

Первый этап обсуждения внушал надежду на положительный исход дела. Общий отзыв о новом уставе университета, данный в заседании 14 августа 1819 года, был благожелательным: «Оный составлен с примерною точностью, подробностью и рассудительностью. На некоторые, однако же, статьи предлагают замечания свои о том, чтобы по сделании в них нескольких легких перемен, получили они ту же ясность и верность, какие приметны во всех прочих частях проекта» [РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 18. Л. 331–332]. Однако далее по решению министра было организовано более детальное рассмотрение проекта с «отобранием» замечаний

от каждого члена ГПУ по отдельности (по той же процедуре рассматривались первые университетские уставы в 1802–1804 годах). При этом члены Ученого комитета читали проект устава друг за другом и «сообразовывали» свои замечания с уже высказанными замечаниями предшественников. Поэтому обсуждение устава затянулось и пошло в неблагоприятном для Уварова направлении. Пристрастное обсуждение и комментирование отдельных параграфов и общих положений устава показало, что уваровский проект не будет принят в ближайшем будущем без принципиальных переделок.

Хронологически первыми читавшие устав и представившие свои замечания члены Ученого комитета ГПУ Н. И. Фус и граф И. С. Лаваль одобрили проект в целом, находя нужным сделать только несколько «легких перемен» [Санкт-Петербургский..., 1919: 68]. Н. И. Фус, близкий Уварову по Академии наук, как правило, замещавший попечителя при его отъездах из Петербурга и, что немаловажно, участвовавший в разработке уставов начала XIX в., отнесся к проекту Уварова наиболее благожелательно, отметив, что читал его с «особенным удовольствием» [РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 18. Л. 331]. Он заметил, что преобразование Главного педагогического института в университет представляет немало сложностей, но составитель устава попытался их преодолеть и основать университет на «твердейших и точнейших правилах». При повторном чтении, как заметил Фус, у него возникло желание внести некоторые поправки и уточнения в различные параграфы устава. Так, Фус считал возможным учреждение медицинского факультета. Он писал: «На § 3 проекта: Санкт-Петербургский университет по сему параграфу будет не токмо между российскими, но и иностранными университетами первым и единственным, в коем не будет факультета медицинского. Хотя в Санкт-Петербурге и имеется академия медико-хирургическая, но несколько уже раз как Главным правлением, так и самим Господином министром примечено, что оба отделения медико-хирургической академии — санкт-петербургское и московское со всеми медицинскими факультетами наших университетов, недостаточны для образования великого числа врачей, нужных для всего государства» [РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 18. Л. 332; Санкт-Петербургский..., 1919: 63–64]. Более серьезную критику вызвала у Фуса процедура жеребьевки при избрании профессоров на должности университета (согласно которой как раз проходили первые выборы ректора). Он обнаружил несколько мелких формальностей и неудачных терминов. Например, Фусу не нравилось, что Уваров называл преподавателей «учителями»: «§§ 39 и 41 — употребление слова учитель неуместно, так как профессоры ординарные и экстраординарные, и адъюнкты у нас не называются учителями, а учитель не именуется профессором» [РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 18. Л. 334].

Другой член Ученого комитета ГПУ, граф Лаваль, также отозвался с похвалой о проекте. Соглашаясь с замечаниями Фуса, Лаваль со своей стороны прибавил несколько возражений о присвоении оканчивающим университет, наравне с воспитанниками привилегированных школ, чинов 10–12 классов, которые считал слишком высокими. Сомнения у Лаваля вызвало и предусмотренное в § 37 дополнительное вознаграждение профессоров. Он писал: «В сем параграфе сказано…, что оклады их могут быть увеличены. Но из каких сумм? Чрез кого? По каким условиям? Параграф сей, заключая в себе мысль весьма неопределенную, долженствует, кажется, открыть путь к беспрестанным требованиям со стороны профессоров» [Санкт-Петербургский..., 1919: 70].

Духом несогласия с проектом Уварова был проникнут отзыв включенного в состав ГПУ Филарета, архиепископа Тверского, впоследствии знаменитого митрополита Московского. Филарет представил ряд довольно резких замечаний относительно проекта и решительно «нападал» на устав [Flynn, 1972: 487]. Во-первых, он раскритиковал само разделение университета на факультеты. Это разделение, по мнению архиепископа, не отвечало определенной в первом параграфе проекта основной цели университета, которая состоит в «образовании человека, усовершенствовании науки и образования гражданина, достойного служить отечеству». Замечая, что «одно из важнейших в нынешние времена приложений математики есть приложение ее к наукам военным», Филарет выражал удивление, что военные науки не преподаются в университете. Он писал: «Какой класс общеполезных граждан образует факультет физико-математический? Физика, химия, технология, натуральная история, рассматриваемые в достоинстве наук, принадлежат к области философии, а в приложении к художествам составляют область заграничную для университета, который есть царство наук, а не художеств. Также: какой класс граждан образует факультет историко-филологический? Учителя географии? Учителя грамматики? Какая малость в сравнении с другими факультетами! Наконец, что такое факультет историко-филологический? Состав двух частей, между которыми нет единства: ибо филология не связана с историей, как, например, с философией и богословием, но целого ни с одной из них не составляет» [Санкт-Петербургский..., 1919: 74].

Довольно резко Филарет возражал и по другим частям проекта. В присвоении окончившим студентам 12-го, а кандидатам 10-го класса по Табели о рангах он усматривал оскорбление другим университетам, которые имели право присваивать чины, соответственно, 12–14-го класса. Филарет был принципиально против поощрения учащихся обещанием привилегий по службе. В статьях проекта, посвященных пределам власти попечителя, им усматривалась претензия поставить себя как «самодержца учебного округа», а в правилах о студенческих общежитиях — намерение устраивать «комнатные республики», в которых «17-ти или 20-ти летние студенты-республиканцы будут выбирать себе консула или трибуна» [Санкт-Петербургский..., 1919: 77].

Категорически не нравилось Филарету то, что Уваров, как ему казалось, пытался вмешиваться в дела духовные. Критик замечал, что в статьях проекта, вероятно имеющих в виду присылку юношей для обучения в университет из числа семинаристов, «делалось предписание семинариям и строжайшее запрещение их ректорам», подведомственным Св. Синоду. Филарет назвал это желанием писать законы «для областей заграничных». Порой Филарет допускал некорректные реплики. Комментируя фразу: «Университет требует для себя лучшей молодежи», — в связи с набором абитуриентов из духовных семинарий, он восклицал: «Значит ли это, что церковь должна иметь духовенство, избранное из худших?» [Санкт-Петербургский..., 1919: 76]. В целом отзыв Филарета был негативным, критик указывал не только на разные формальные недочеты, стилистические неточности и противоречия нового устава, но и брал под подозрение руководящие идеи проекта, положенные в основание учебного и административного устройства университета.

Замечания И. И. Мартынова, в прошлом директора Департамента народного просвещения, профессора и конференц-секретаря Педагогического института, участника разработки уставов 1804 года, посвящались отдельным

положениям проекта. Некоторые из них были вполне обоснованны с точки зрения сохранения университетских «свобод». Он возражал против предусмотренного проектом ежегодного избрания ректора и деканов, вместо уже утвердившихся выборов раз в три года [Санкт-Петербургский..., 1919: 78, 81]. Мартынов критиковал слишком обширную, по его мнению, власть попечителя, в частности, в отношении практики замещения кафедр. Он писал: «Ни в одном университете попечителю не предоставлено право предлагать совету университетскому кандидата к избранию на упразднившееся место или для новооткрытой кафедры, и, мне кажется, сделано это не без основания. Какую ученость ни предположить в попечителе, но он не есть ни член, ни президент совета» [Там же: 84].

В связи с этим стоит прокомментировать вопрос о том, был ли Уваров сторонником централизации управления университетами, расширения полномочий попечителя за счет «профессорского» самоуправления. За 15 лет обнаружилась некоторая избыточность декларированной первыми уставами автономии, которой ученое сословие не научилось пользоваться. Противоречия существования «автономных» университетов как государственных учреждений в централизованной системе министерства были ощутимы всем сторонам. Но усматривать в действиях Уварова попытку ограничить университетскую автономию [Окунь, 1969: 18–19; Марголис, Тишкин, 2000: 113] было бы несправедливо. Наоборот, до 1819 года и учреждения университета его распоряжения по округу и учебным заведениям не сдерживались позицией профессорской Конференции. По словам Ц. Х. Виттекер, проект Уварова «был настоящим вызовом» текущему положению в ведомстве народного просвещения, так как исходил из того, что все академические вопросы оставались в руках профессуры — тогда невозможно было бы увольнять преподавателей и изменять программы административным указом, как привыкли делать во времена «голицынского министерства» [Виттекер, 1999: 91]. Впрочем, поборники университетской самостоятельности также имели основания тревожиться, так как в проекте Уварова присутствовали известные ограничения власти профессорского Совета во главе с ректором — должностью директора университета, подчиненного попечителю. Это беспокоило и самого Уварова, и он повторял, что в отношении Петербургского университета его проект сокращает полномочия попечителя, так как его власть разделяется с коллегиальным Правлением университета [Сухомлинов, 1889: 239–247].

Д. И. Рунич, последователь Магницкого, лишь в 1819 году перешедший в МНП, присоединился к нападению. Он укорял Уварова тем, что тот посвятил лишь один короткий абзац «заботе» о нравственности студентов, не упомянул о студенческих «обязательствах» (обязанностях). Рунич поддержал возражения графа Лаваля и архиепископа Филарета по вопросам о разделении факультетов и о недопустимости присвоения студентам 12-го, а кандидатам 10-го класса по Табели о рангах. Аргументация по этому вопросу заняла большую часть его отзыва. Рунич также считал, что привязывать звания и должности к ученым степеням опасно, так как «часто слышал в Германии, что ученые степени продаются во многих университетах». «Если коррупция существует там, где степени не связаны с рангом..., то насколько больше опасность в России?» — восклицал он [Flynn, 1972: 487]. Он назвал проект Уварова «совершенно несвойственным русскому университету», слепком с тогдашних немецких либеральных университетов [Санкт-Петербургский..., 1919: 67–68]. С невероятным апломбом он обрушился на § 1 устава, где формулировалась цель университета.

В оригинале она звучала так: «Образование человека наукою, а в человеке гражданина и усовершенствование самой науки». Рунич возражал: «Цель университета яснее и правильнее определена в уставах прочих российских университетов. Что значит образование человека наукой? Человека ограниченных понятий университет образовать наукой не возьмется. А потому не образование наукой человека, а преподавание наук должно составлять главнейший предмет университетов, и если бы следовало удержать мысль, заключающуюся в словах: образование человека наукой, то правильнее будет сказать: обогащение ума человеческого не наукой, а науками!» [Санкт-Петербургский..., 1919: 88]. По сути, Рунич здесь объединился с Магницким, который еще более решительно переопределял цель университета.

Спустя шесть лет, уже попав в опалу после обнаружения растраты казенных средств, Рунич составил жалобно-оправдательную «Записку отставного действительного статского советника, ордена Св. Владимира 2-й ст. большого креста и Св. Анны кавалера, Рунича», где упомянул и об уваровском проекте устава. Он заметил, что поданное им мнение по проекту было коротким, а «если бы излагать полное, надобно было признать весь устав совершенно несвойственным русскому университету. Он был просто слепок с тогдашних немецких либеральных университетов». При этом Рунич попытался переложить вину за чрезмерную критику устава на других, сообщая, что при обсуждении он действовал «верноподданно и бескорыстно», тогда как Голицын и его приближенные воздействовали на него, заставляя очернять проект, и он «должен был, хотя против воли, но повиноваться!» [Записка отставного…, 1872: 62].

М. Л. Магницкий выступил самым непримиримым противником уваровского проекта с развернутой критикой. Он утверждал, что новый устав воспроизведет в России «анархию немецких университетов», и прямо объявил, что он «не согласуется с духом правительства и министерства» [Санкт-Петербургский..., 1919: 91, 107]. В его отзыве, поданном последним, 19 сентября 1819 года, сквозила неприкрытая личная неприязнь к Уварову — единственному из членов ГПУ, кто в свое время осмелился выступить против предложения Магницкого об «упразднении» Казанского университета как зараженного противогосударственными идеями и впавшего в хаос [Петров, 1998: 61]. Во время затянувшегося «обсуждения» проекта Уварова у Магницкого появилась возможность отомстить давнему «неприятелю». В этой связи историк Джеймс Флинн абсолютно точно писал, что спасение Казанского университета «можно было считать победой Уварова, но если это была победа, то она стоила дорого. С этого времени ему стало почти невозможно найти союзников в министерстве, как бы он ни старался быть тактичным. Притом Уваров оказался не в ладах не только с большинством членов министерства, но и с группой профессоров в Петербургском университете» [Flynn, 1972: 487].

Магницкий критиковал не только отдельные пункты уваровского проекта, как это делали другие члены Ученого комитета, но и отвергал его в целом. В частности, Магницкий обвинил Уварова в том, что вопреки одобренному царем поручению составить устав опытнейшим профессорам, он составил его единолично, в духе крайне опасном. По мнению Магницкого, все «несообразности» в тексте устава произошли именно оттого, что «одно лицо» (т. е. Уваров), посчитало себя способным написать всеобъемлющий документ, без должного совещания с опытнейшими профессорами, которые могли «обозреть весь прошедший ход

нашего народного просвещения, увидеть неудобства, кои вкрались в устав, по сей части изданный и, главное, отвратить от слепого подражания немецким университетам» [Санкт-Петербургский..., 1919: 91].

Разделив все свои возражения на общие — касающиеся основных начал устава и частные — по поводу отдельных частей, Магницкий стремился идейно опорочить труд Уварова, обвинив его в стремлении «отвергнуть всякое христианское и нравственное образование, приблизить новый университет к анархии немецких университетов, внести в него всю новомодную мудрость, через которую немецкие университеты подкрадываются ко всему государственному и придут, наконец, к революции государств» [Рождественский, 1919: XXXIII]. Магницкий отвергал проект Уварова, якобы шокировавший его даже своей стилистикой. Критику показалось опасным слишком часто мелькающее в тексте слово «вольные». Он заметил, что «по злоупотреблению сего слова желательно, чтобы оно не весьма расточалось» [Санкт-Петербургский..., 1919: 94].

Предложенное в проекте разделение кафедр и предметов, которое соответствовало растущей специализации наук, вызвало у критика бурю эмоций, особенно в отношении тех наук, которые он считал «порочными». «Вместо одной кафедры естественной истории назначены разные: для зоологии, ботаники и минералогии. Нет никакой нужды раздроблять естественную историю на столько кафедр, в университетах немецких делается сие в виде спекуляции», — писал он [Санкт-Петербургский..., 1919: 94]. Его не устраивало распределение полномочий органов университетского управления: «Нельзя допустить, чтобы одна половина дела была обсуждена советом, а другая комитетом. Сей порядок не слыхан» [Там же: 98]. Придирался Магницкий к языку проекта и отдельным выражениям, стараясь задеть Уварова: «Какой смысл иметь § 57, который говорит: все собственно ученые дела, принадлежащие к факультету, зависят от него? То есть принадлежащие дела принадлежат, или зависящие зависят» [Там же: 97]. Осуждал он и положение о необходимости обеспечить присылку в Петербург выпускников гимназий и духовных училищ из других округов для заполнения 100 вакансий казенных студентов (как это делалось в Педагогическом институте и Главном педагогическом институте). Магницкий в этом месте заметил язвительно: «Всякому, без сомнения, весьма приятно вместо того, чтобы смотреть за гимназиями и добрым воспитанием своего округа, получать … готовых студентов, да еще лучших» [Там же: 102]. В отношении определения прерогатив университетского суда, полномочий попечителя и их разграничения с полномочиями «ученого сословия» Магницкий подверг столь же яростной критике почти каждый пункт. «Непристойною и ложной аксиомою» заклеймил он фразу: «Российский университет в собственном значении не может иметь богословского факультета» [Там же: 88–89]. «Излишней роскошью» было названо преподавание в университете энциклопедии прав, науки о государственных учреждениях и государственном управлении, географии Средних веков и многого другого [Там же: 104].

По мнению Магницкого, следовало: 1) согласовать устав с духом Священного союза и манифестом об учреждении Министерства духовных дел и народного просвещения 24 октября 1817 года; 2) «сохранить, сколько возможно, единообразие с уставами прочих университетов»; 3) на совещании «опытнейших профессоров» Петербургского университета, «пользуясь опытами прошедшего, устранить от новоучреждаемого университета все неудобства старых» и составить

новый проект устава [Санкт-Петербургский..., 1919: 108]. Таким образом, Магницкий отвергал проект Уварова не в частностях, а целиком.

Составление нового проекта он предлагал поручить самому Ученому комитету ГПУ с тем, чтобы для редактирования этого проекта министром был назначен один из надежнейших и заслуженных профессоров университета. Из Ученого комитета новый проект надлежало передать на рассмотрение университетского Совета, разрешив всем его членам свободно подавать свои мнения. Требование коллегиальности при составлении нового устава, свободы мнений и апелляция к мнению самой профессорской корпорации было со стороны Магницкого лишь ловким маневром, имевшим целью скомпрометировать Уварова в глазах не только правительства, но и самой университетской среды.

Затягивание обсуждения и редактирование уваровского проекта

Назревающий конфликт вокруг обсуждения проекта в ГПУ усугублялся длительным отсутствием самого С. С. Уварова в Петербурге летом и осенью 1819 года. Дело в том, что еще 7 марта Уваров сообщал министру А. Н. Голицыну о том, что он намерен вскоре просить об исходатайствовании ему отпуска на несколько месяцев в течение лета, так как «домашние дела его и ослабевающее здоровье требуют временного его присутствия в Саратовской губернии». Однако Уваров замечал, что он «не помышляет об отъезде прежде окончания устава Санкт-Петербургского университета», которым он занимается, «так сказать, день и ночь». Ради ускорения работы попечитель просил министра дать «следующий ход для нас столь важному делу», делегируя Голицыну полномочия в руководстве процессом обсуждения устава в ГПУ. Раскрывая эту мысль, Уваров снова обращал внимание министра на необходимость скорейшего принятия устава Санкт-Петербургского университета. Он надеялся, что «по представлении Вашему сиятельству упомянутого устава и по утверждении онаго Государем Императором можно будет сделать формальное открытие университета с уведомлением, что публичные лекции начнутся после вакационного времени, т. е. в августе месяце, ибо до тех пор нет никакой возможности, даже пользы начать оные». Только «после торжественного открытия и устроения всех частей» Уваров собирался обратиться к министру с прошением об увольнении его в отпуск, и «тогда мое отсутствие, — писал Уваров, — будет, так сказать, не чувствительным для университета» [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 80. Л. 18–19].

Закончив составление устава и отправив его на рассмотрение в ГПУ, С. С. Уваров, видимо, уверенный в скором и положительном решении дела, 31 мая 1819 года испрашивает у Голицына отпуск на три месяца в Симбирскую и Саратовскую губернии, объясняя это «необходимой нуждой по собственным делам отлучиться». Прошение Уварова об отпуске было рассмотрено в ГПУ 4 июня, затем в Департаменте народного просвещения. Только 28 июня император Александр I удовлетворил прошение попечителя о трехмесячном отпуске, назначив исполняющим его обязанности Н. И. Фуса. Сам Уваров, согласно его донесениям, покинул Петербург не ранее 10 июля, а вернулся из отпуска и снова приступил к выполнению своих обязанностей только 25 октября 1819 года [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 80. Л. 20–32].

Таким образом, Уваров не был на заседаниях ГПУ, где зачитывались отзывы критиков, и не комментировал каждый из них по мере их представления. Лишь в начале декабря 1819 года он получил через министра все отзывы сразу с предложением дать на них свой ответ. В этом ответе, представленном министру

10 декабря, Уваров выражал готовность принять с признательностью всякое исправление, «клонящееся к усовершенствованию сего по истине важного дела», просил Ученый комитет свести имеющиеся замечания воедино и сделать все нужные перемены и дополнения в проекте; при этом он готов был продолжать участвовать в этом труде и представить свои объяснения [РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 18. Л. 505–506]. Однако он не удержался от возмущения отзывом М. Л. Магницкого, который счел неожиданным по озлобленности, обнаруживающим скрытые намерения критика. «Есть мера во всех вещах, даже в клевете», — так парировал Уваров выпады Магницкого.

Уваров просил министра освободить его от необходимости комментировать нелепые и вздорные обвинения, например, в том, «будто проект составлен, чтобы отвергнуть всякое нравственное и христианское образование», «чтобы профессорам присвоить доходы за продажу знаний», «что таблица учебных предметов не заключает никакого смысла», что он «хочет противопоставить книгам Бытия историю человеческого рода, написанную немецкими философами», или «ввести какой-то одинаковый образ мыслей между юношами, требующими особого внимания», «дозволяет какие-то ночные упражнения студентам» и т. д. «Все сии замечания и много подобных, о которых я умалчиваю, — писал Уваров, — не столько обидны для меня, сколько служат укоризною для лица Вашего Сиятельства и для Главного правления училищ, не усмотревших доселе коварных моих намерений, — и даже для Государя Императора, удостоившего меня в течение десяти лет неоднократных знаков Монаршей доверенности и благоволения» [Санкт-Петербургский..., 1919: 110].

Чтобы ускорить ход дела, Уваров предложил дать необходимые объяснения лично в Ученом комитете ГПУ, куда намерен был пригласить и ректора университета для окончания работы над уставом. Попечитель подчеркивал, что многие пункты проекта устава, подвернутые сомнению его оппонентами, заимствованы им из «Первоначального образования» университета, по которому он существовал первые месяцы, а также из устава Главного педагогического института, «одобренного прежде верховной властью» [Рождественский, 1919: XXXV]. Однако эти аргументы не были приняты. Непримиримость позиции противников Уварова не позволила достичь компромисса и утвердить устав с незначительными изменениями. Текст проекта было решено коренным образом переработать, Уваров не имел решающего влияния на ход этой работы.

Собрание ГПУ 11 декабря 1819 г. поручило Департаменту народного просвещения составить «извлечения» из всех уже поданных мнений для повторного рассмотрения проекта. А. Н. Голицын официально вручил Уварову изложение претензий к его уставу, что вызвало необходимость его долгого согласования во всевозможных комиссиях.

Следующее коллективное обсуждение проекта Уварова в ГПУ с представлением отдельных письменных отзывов его членов происходило на заседаниях 31 декабря 1819-го и 15 января 1820-го, на которых присутствовали Голицын, Филарет, Магницкий, Рунич, Фус, Мартынов, М. П. Штер, обер-прокурор Св. Синода князь П. С. Мещерский, сам Уваров, а также директор Департамента народного просвещения В. М. Попов. Нетрудно заметить, что Уваров оказался в этой компании практически без поддержки, при наличии четырех могущественных противников. В двух заседаниях коллегия успела

рассмотреть лишь незначительную часть проекта (24 параграфа), но уже из внесенных в текст изменений стало очевидно, что перевес получали оппоненты Уварова, а текст и смысл устава начал принципиально изменяться. Был совершенно переписан первый параграф, первоначально определявший цель университета как «образование наукой человека и в человеке гражданина и усовершенствование самой науки». Эта формулировка, по предложению М. Л. Магницкого, была заменена следующей «премудростью»: «Цель университета состоит в образовании верных сынов церкви, верных подданных государю и добрых граждан Отечеству…». Также было принято мнение Рунича о том, что управление университетом должно быть разделено на «учебную, хозяйственную и нравственную части» [Жуковская, 1998: 68]. Существенные изменения были внесены в состав факультетов: был добавлен медицинский факультет; из факультета философско-юридического исключены науки философские и ему придан более практический характер под наименованием «юридико-политического»; факультет историко-филологический переименован в философский. Вне факультетов была поставлена кафедра Богопознания и христианского учения. Какие-то параграфы было решено оставить без изменения — 5-й, 6-й, 21-й, а 13-й вовсе решили исключить [РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 18. Л. 523–525].

Структура университета в новой редакции устава выглядела следующим образом: помимо особой кафедры Богопознания и христианского учения учреждалось четыре факультета: 1) юридико-политический; 2) физико-математический; 3) философский; 4) медицинский [РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 19. Л. 16–17]. При этом предварительное распределение наук по факультетам назначалось еще до разделения факультетов на кафедры. Так, на юридико-политическом факультете должны были изучаться естественное, частное публичное и народное право, а также статистика, на физико-математическом — чистая математика, прикладная математика, астрономия, физика и т. д., на философском — философия, история общая, история российская, российская и славянская словесность и т. д. Для распределения наук на медицинском факультете было решено запросить мнение ученых по этой части. Заметим, что произвольное «учреждение» медицинского факультета в составе уже действующего университета, не располагавшего для этого ни штатом преподавателей, ни клинической базой, говорит о том, сколь далеки были редакторы уваровского проекта от понимания реального положения дел в Санкт-Петербургском университете.

Привлечение к работе профессоров университета и замена проекта Уварова альтернативным

Сделав еще несколько частных изменений в первой части устава, ГПУ решило передать дальнейшее его рассмотрение особому совещанию в составе ректора университета М. А. Балугьянского, директора Д. А. Кавелина, профессоров университета В. Г. Кукольника, Д. С. Чижова и А. П. Куницына [Рождественский, 1919: XXXVI]. Отдельно «скромные замечания» на проект, датированные 1 мая 1820 года представили Ф. Б. Грефе и Э.-Б. Раупах. Это объединенное совещание представило свой отзыв 16 февраля 1820 года. Отзыв состоял из двух частей: общее мнение и частные замечания. Общее заключение этого комитета было довольно расплывчатым, но содержало и критику. Так, под влиянием Кавелина, в отзыв была внесена мысль о недостаточной власти директора университета,

о слишком слабом надзоре за своекоштными студентами, об «излишней независимости», предоставляемой казеннокоштным. Профессора указали на неопределенность некоторых статей и «недостаток штатных сумм по разным предметам», уделили большое внимание «засилью латинского языка». Они отвергли требование к поступающим студентам «изъясняться письменно и словесно» по латыни как чрезмерное [РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 19. Л. 68]. Было заявлено, что «сие требование слишком строго и может отвратить самую большую часть студентов от университета» [Косачевская, 1971: 92]. Вдобавок обращалось внимание на «излишние определения» по судебной части на то, что «при экзаменах, производствах на ученые степени и других университетских актах определены слишком сложные и затруднительные обряды» [Санкт-Петербургский..., 1919: 114–115], подчеркивалась неточность и расплывчатость многих формулировок. Профессорское совещание не коснулось основ учебного строя университета, но подвергло критике вопросы администрирования, служебного и материального положения преподавателей, организации надзора за студентами, процедуру экзаменов и т. п. Профессора нашли новое организационное устройство университета «неясным», жалованье, им положенное, слишком низким, программу преподавания слишком жестко определенной, размеры содержания казенных студентов недостаточными [Санкт-Петербургский..., 1919: 114–115; Виттекер, 1999: 93].

Краткое заключение профессоров из 11 пунктов не завершалось конструктивными предложениями. Однако вслед за ним шли пространные «частные замечания» на проект, которые были призваны «объяснить общие недостатки», но превратились в обширный трактат, состоявший из 9 глав, каждая из которых имела несколько подпунктов: I. О цели и правилах университета, II. О лицах Санкт-Петербургского университета, III. Об ученых ведомствах университета, IV. О правлении университета, V. Об избраниях и производствах, VI. О студентах, VII. Об учебных курсах, VIII. О надзоре над казенными студентами, IX. Об испытаниях кандидатов [Санкт-Петербургский..., 1919: 115–130]. В порядке и названиях глав, как можно предположить, отражается структура самого проекта Уварова. Именно профессорские постатейные замечания дают наиболее полное представление о его содержании. Внутри каждой из глав в хронологической последовательности перечислены параграфы устава, которые, по мнению экспертов, требовали переделки. Профессорские замечания, высказанные в основном в конструктивном духе, коснулись едва ли не каждого третьего параграфа. Среди этих замечаний было немало важных и имеющих прямое отношение к существующим практикам обучения. Так, комментируя шестую главу устава «О студентах», профессора высказались против установления высокой платы за обучение (определенной в проекте Уварова в 500 руб. в год) ввиду того, что среди вольноприходящих студентов «большая часть людей недостаточных». Профессора опасались, что чрезмерные требования к поступающим в знании латинского языка и высокая плата за обучение могут «совершенно заградить вход в университет вольноприходящим студентам» [Там же: 123].

В целом можно заметить, что представленные профессорами замечания не смягчили отношение к проекту и не нейтрализовали вздорные реплики далеких от университета чиновников. Наоборот, они создали впечатление, что сама университетская корпорация обеспокоена осложнением своего положения

по новому уставу. Профессора утверждали, что административные механизмы Уварова, такие как должность директора, «непонятны». Они также считали, что многие вопросы, такие как учебная программа, должны решаться не «статутом», а политикой факультета. В противоположность суждениям Магницкого, профессора считали излишним внимание, уделяемое охранению «нравственности» студентов, критиковали, например, положение об инспекторе, уполномоченном посещать студентов в их комнатах: «Если кто-то желает посетить студентов в их комнатах, он может сделать это без особых правил в уставе». Наконец, профессора сочли не только жалование, но и вознаграждения за совмещение должностей и дополнительные обязанности слишком низкими. Так, было указано, что плата за работу в Комитете испытаний чиновников, требуемых законом 1809 года, стала «скорее унижением, чем вознаграждением» [Санкт-Петербургский..., 1919: 127, 130]. Многие параграфы, по мнению профессоров, нуждались в уточнении и более отчетливой формулировке, некоторые были сочтены избыточными. Заключение коллегии профессоров создает впечатление, что проект Уварова не только не удовлетворял их во многих деталях, но в целом воспринимался как неудачный для развития университета. «Ученое сословие» не поддержало проект Уварова по причинам совершенно иным, нежели его оппоненты в ГПУ, но это не меняло дела. В итоге «Уваров остался без союзников», — справедливо заключает Дж. Флинн [Flynn, 1972: 487].

После получения отзыва профессорского совещания ГПУ решением от 26 февраля 1820 года формально с целью «сократить потерю времени» [РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 19. Л. 69], но на деле склоняясь к тому, чтобы отвергнуть уваровский проект, переносит дальнейшее обсуждение устава в специально созданный «комитет». В его составе предполагалось лишь три участника: сам Уваров, его непримиримый оппонент М. Л. Магницкий и ректор университета М. А. Балугьянский, в качестве буфера представляющий «ученое сословие». Перед этим комитетом была поставлена задача «сообразить проект устава как с замечаниями гг. членов» ГПУ и профессоров, так и с уже существующими уставами российских университетов, действующими инструкциями и постановлениями, а переработав проект, представить его министру для внесения в ГПУ для нового обсуждения [Жуковская, 1998: 62, 72].

Естественно, что в таком составе комитет не мог нормально работать, через три недели его члены сообщили, что испытывают затруднения в выполнении поставленных задач. По итогам шести месяцев обсуждения было решено передать всю работу по изменению проекта Уварова М. А. Балугьянскому, который вместе с директором Петербургского университета Д. А. Кавелиным должен был фактически создать новый проект устава, сообразуясь «с уставами других российских университетов, уставом ГПУ, а также с ультраконсервативным документом, вышедшим из-под пера Магницкого, «Высочайше утвержденными дополнениями к уставу Казанского университета и инструкцией директору и ректору» [Петров, 1998: 65–67]. Самоустранение Уварова от дальнейшей работы над уставом и поручение ее зависимым от министра чиновникам, которые к тому же должны были сообразовать свою работу с клерикальными установками и реакционными инструкциями Магницкого, означало, что основные идеи реформы столичного университета 1819 года не будут восприняты. Более того, под угрозой оказались и сами принципы, на которых были организованы российские университеты с момента создания Министерства народного просвещения.

«Проект Балугъянского»

Можно заметить, что оппоненты Уварова с начала 1820 года стремились изолировать его от прямого влияния на процедуру обсуждения, он не вошел и в последний комитет. Было только предположение, что после завершения Балугъянским переделок проекта и после его представления университетской Конференции текст будет возвращен в ГПУ «чрез попечителя с мнением его» [Санкт-Петербургский..., 1919: 62–63]. Но с тех пор, как работа над проектом перенеслась «в недра университета», по замечанию С. В. Рождественского, «трудно судить о ее направленности» [Рождественский, 1919: XXXVI–XXXVII]. Работа, вероятно, продолжалась, пока Уваров оставался во главе учебного округа, однако с мая 1821 года и прихода на эту должность Д. П. Рунича обстановка в университете изменилась так, что стало не до усовершенствования его устава.

Сохранилась одна из редакций проекта устава, датированная июлем 1823 года, под названием «Устав С.-Петербургскому университету и учебному его Институту». Е. М. Косачевская, обнаружившая ее среди бумаг Комиссии составления законов, обоснованно связала ее с именем М. А. Балугьянского, который в это время уже не преподавал в университете, но оставался ведущим чиновником Комиссии, «правой рукой» М. М. Сперанского. Затронув вопрос о затянувшейся разработке устава, исследовательница склонна была изображать борьбу вокруг уваровского проекта как спор между «прогрессивной профессурой», с одной стороны, и «правительственным чиновником» Уваровым, с другой стороны, который «выходил за узкоакадемические рамки» [Косачевская, 1971: 93]. Содержание же самого уваровского проекта было оставлено ею без внимания. Наоборот, обнаружив внутри разрозненного архива М. А. Балугьянского редакцию устава для Санкт-Петербургского университета, датированную 1823 годом, исследовательница приписала этот документ единолично Балугъянскому. Между тем поданный Балугьянским проект, машинописная копия которого имеется в Научном архиве Музея истории СПбГУ[1], очевидно, был отражением мнений нескольких экспертов из числа профессоров, назначенных аккумулировать поправки к уваровскому проекту. Среди них уже не было оставившего университет В. Г. Кукольника и А. П. Куницына, уволенного за книгу «Право естественное» в начале 1821 года. В то же время бывшего ректора наверняка поддерживала «партия» из профессоров-иностранцев старшего поколения и его собственных учеников. Корректнее было бы назвать тот вариант устава, который дорабатывался Балугьянским и был подан от его имени, «профессорским». Балугъянский как глава экспертной группы лишь придал проекту законченный вид.

Проект был подан в ГПУ 23 июля 1823 года с сопроводительной запиской М. А. Балугьянского, однако этот вариант не годился в качестве альтернативы отвергнутому уваровскому проекту, поскольку денонсировал уже сложившуюся структуру университета. Так, в нем предлагалось учреждение четырех факультетов: «юридико-политического, медико-хирургического, физико-математического, философско-словесного». Медицинский факультет авторы проекта считали необходимым, как «во всех Европейских университетах». Он должен был иметь

[1] К сожалению, оригинал этого проекта в фонде Комиссии составления законов нами не обнаружен. Части разрозненного семейного архива М. А. Балугъянского, переданные полвека назад в Музей истории СПбГУ, включая этот документ, не введены в научный оборот.

широкий профиль для того, чтобы «образовать гражданских врачей». В нем было «предположено преподавать кроме наук для Медико-хирургов также науки для образования лекарей, операторов, акушерок, окулистов и аптекарей», учредить «школу для скотолечения, повивальных бабок и коновалов». Своеобразно представлена и структура «физико-математического факультета», разделяемого на три «класса» наук: «1. физико-математических наук, 2. техно-экономических, 3. военных» [Научный архив Музея истории СПбГУ. Ф. 39].

Автор данного проекта заверял, что «соображался с уставами всех почти университетов Европы, которые ему частью доставлены были Главным училищ правлением, частью почерпнуты из разных книг по истории университетов». По объему проект 1823 года значительно уступал проекту Уварова, не имел дробного деления на параграфы и предлагал, скорее, общие рамки административного и учебного устройства университета. Любопытно, что при университете был сохранен Учительский институт, открытый в 1820 году. Был рассчитан общий штат университета в размере 525 тыс. руб., жалование профессорам в столице увеличивалось до 4 тыс. руб., что объяснялось значительной инфляцией со времен принятия устава 1804 года.

Предлагался ли «проект Балугьянского» как альтернатива проекту Уварова? Е. М. Косачевская характеризует «проект Балугьянского» как более демократический. Действительно, в одной из его статей сказано о допущении в университет по примеру Медико-хирургической академии «людей всякого без изъятия состояния … с позволения тех лиц, от которых они зависят», то есть не исключая крепостных крестьян при наличии отпускной [Косачевская, 1971: 96–97]. М. Майофис, некритически воспроизводя оценки Косачевской, также пишет, что Балугьянский, будучи «если не креатурой, то, во всяком случае, близким единомышленником Уварова», на основе либерального устава ГПУ и идей Уварова разработал также «весьма либеральный устав Петербургского университета, предполагавший установление его неограниченной автономии, принципа всесословности образования и распространение его влияния на все учебные заведения страны» [Майофис, 2008: 283].

Относительно «либеральности», то есть пределов университетской автономии, определенных проектом Балугъянского, говорить довольно сложно. В нем не обсуждаются полномочия Совета профессоров и соотношение его власти с властью попечителя. В нем предусмотрено упразднение должности директора университета, расширение полномочий университетского суда (который назван «ректорской расправой»), способного выносить свое заключение даже по уголовным преступлениям.

В «проекте Балугьянского» мы находим конструктивные предложения, отражающие коллективные представления профессоров об идеальном университете: увеличение количества ординарных и экстраординарных профессоров до 10 на каждом факультете, возвращение естественного права в программу преподавания юридико-политического факультета. Проект предусматривает исключение кафедры богословия, создание анатомического театра, ветеринарной школы при медицинском факультете.

Ясно, что проект, поданный Балугьянским, содержательно не связан с уваровским, столь детально разобранным членами ГПУ, а совершенно самостоятелен. Представленный летом 1823 года, в университете он, вероятно, обсуждался гораздо раньше, в конце 1820 — первой половине 1821 года,

до назначения попечителем Рунича и начала «дела профессоров». В то же время можно заметить, что это явно не оконченный проект, открытый к дальнейшим дополнениям. «Проект Балугьянского» довольно плохо структурирован, многословен, написан несовершенным русским языком и в этом отношении слабее проекта Уварова. Есть в нем довольно странные предложения, например, о приеме абитуриентов с 15 лет, о предпочтении профессоров-россиян иностранцам и др. Идя навстречу клерикальным увлечениям руководства МНП, автор в первых строках проекта пишет о необходимости «преимущественно наполнить весь состав духом христианства, твердыми правилами гражданской подчиненности, соразмерно монархическому правлению, под защитою которого науки благоденствуют». Здесь обнаруживается непоследовательность, ибо богословский факультет исключен из проекта с твердой мотивацией: автор объясняет, что богословские науки «принадлежат более духовному званию, нежели светскому», и что для них учреждены Александро-Невская и другие духовные академии [Косачевская, 1971: 96–109].

Е. М. Косачевская как биограф Балугьянского, представленного ею в качестве одного из наиболее «прогрессивных» российских правоведов и университетских профессоров, очевидно, переоценила его самостоятельность в составлении проекта устава и, главное, конструктивность заключающихся в редакции 1823 года предложений. Между тем катастрофа, какой оказались для университета вначале уход от дел, а затем отставка С. С. Уварова весной-летом 1821 года [Жуковская, 2019], не благоприятствовала работе над проектом в прежнем духе. В ноябре 1821 года университет был потрясен «делом профессоров» — известными внесудебными разбирательствами на чрезвычайных заседаниях профессорской коллегии, которые коснулись не только первоначально заподозренных в крамоле Э. Раупаха, К. Ф. Германа, К. И. Арсеньева, А. И. Галича, но и ориенталистов Ф. Деманжа и Б. Шармуа, М. Г. Плисова, да и самого Балугьянского, встревоженного небывалым в университете «инквизиторским» процессом. Отказавшись в самом начале «дела профессоров» от должности ректора, Балугьянский все же, как видим, продолжал работу над уставом до лета 1823 года.

К основной части «профессорского» проекта прилагались «Наказ» о том, как согласовать предполагаемые новшества с уже существующим положением университета, и пояснительная записка, написанная Балугьянским от своего имени. Эти три документа были представлены министру А. Н. Голицыну для обсуждения в ГПУ в июле 1823 года. На этом работа над новым уставом для Петербургского университета вновь была остановлена. После летних вакаций Ученый комитет ГПУ к ней не возвращался, поскольку нет следов обсуждения проекта Балугьянского в журналах ГПУ за вторую половину 1823 года. Сам Балугьянский к тому времени покинул пост ректора, оставил преподавание, а с 1824 года перестал получать и жалование по университету, полностью сосредоточившись на работах по кодификации в Комиссии законов [Жуковская, 2020]. Вскоре последовала отставка самого А. Н. Голицына и назначение министром народного просвещения А. С. Шишкова, который по традиции подверг ревизии идейное и административное наследство своего предшественника. Последний раз М. А. Балугьянский возвращался к своему проекту устава в 1830 году, собрав черновые и беловые редакции и передав их Д. Н. Блудову. «Проект Балугьянского» остался без движения, о нем не вспомнили и при подготовке общеуниверситетского устава 1835 года, в которой Уваров принимал деятельное участие уже в статусе министра.

Таким образом, во второй половине 1823 года процесс работы над отдельным уставом для Санкт-Петербургского университета был свернут окончательно, что отразилось на развитии университета. В течение первых пяти лет его деятельности в собственном статусе свое действие сохранял Устав Главного педагогического института. Но при этом «в первом периоде своего существования» университет не мог опираться на уставы 1804 года, что отмечал первый университетский историограф ректор П. А. Плетнев [Плетнев, 1844: 15–16]. С 1821 года университету, в дополнение существовавших постановлений, предписывалось руководствоваться «Инструкцией, данною Директору и Ректору Казанского Университета», написанной Магницким. Только в январе 1824 года на Санкт-Петербургский университет был официально распространен Устав Московского университета 1804 года [Сборник постановлений…, 1864: 1577–1579], но во время управления Рунича его применение было избирательно.

Заключение

Что касается самого С. С. Уварова, то после обострения его отношений с «министерской партией», провалившей обсуждение устава в 1819–1820 годах, его служебное положение стало весьма шатким как во главе учебного округа, так и в составе ГПУ и Санкт-Петербургского Цензурного комитета. Самолюбивый и амбициозный человек, Уваров предпочел прекратить донкихотское противостояние «голицынской» партии, обреченное на неуспех и чреватое репутационными потерями. Он выходит из ГПУ, с весны 1821 года перестает заниматься делами учебного округа, а затем переходит на службу в Министерство финансов на должность начальника департамента мануфактур и внутренней торговли. На несколько лет Уваров устраняется от образовательных проектов, но активно занимается делами Академии наук по должности ее Президента. Европейская ориентация университетского законодательства на несколько лет уступила место централизации, усилению надзора за преподавателями и студентам, показной клерикализации. Поступательное развитие университетской организации и науки замедлилось в данном случае не только под влиянием политических осложнений, но и вследствие активности влиятельной группировки министерских бюрократов-контрреформаторов, далеких от интересов самой науки.

Подобные ситуации в истории высшей школы повторяются время от времени. Спустя почти сто лет после описанных событий С. Ю. Витте противопоставлял университетскую самоорганизацию бюрократической организации: «Правильно поставленный университет есть лучший механизм для научного развития. Вот с этой точки зрения многие говорят: важно, чтобы студент приобрел не научные знания, а научное развитие. Этого лица, чуждые университетской науке, никогда не понимали, не понимают и не поймут, и через это они приносят массу зла нашим университетам» [Витте, 1991: 52].

Справедливости ради заметим, что противники Уварова недолго смогли пользоваться успехом: А. Н. Голицын покинул пост министра уже в 1824 году в результате интриги, Д. П. Рунич, прибравший к своим рукам Санкт-Петербургский университет после отставки Уварова, вскоре, ввиду отсутствия очевидных достижений руководимого им университета и округа, будет требовать у министра «увольнения или ограждения ответственности» [Азизова, 2014: 69–86]. Магницкий, который после известных событий воспринимался современниками как ханжа и «мракобес», также в скором времени потеряет позиции идейного

консультанта министра и оракула. Его разоблачения «иллюминатства академического» и иных «заговоров против алтарей и тронов», развернутые в серии служебных записок и «мнений», уже не имели влияния на Николая I, в отличие от его предшественника. В самом начале нового царствования два попечителя учебных округов, Магницкий и Рунич, сами окажутся под следствием за злоупотребления в административно-хозяйственной части. В случае Рунича обнаружилась громадная растрата казенных денег вследствие неудачных строительных проектов и его некомпетентности. Таким образом, эти две фигуры сойдут со сцены российского просвещения бесславно и закончат свои дни вдали от петербургских кабинетов. В то же время С. С. Уваров останется во главе Академии наук, которая при нем переживет период расцвета, и в 1833 году на долгие 16 лет вернется к руководству российским просвещением.

Список сокращений

ГПУ — Главное правление училищ

МНП — Министерство народного просвещения

РГИА — Российский государственный исторический архив

РО ИРЛИ РАН — Рукописный отдел Института русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский дом)

СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет

Список источников

[Записка отставного действительного статского советника ордена Св. Владимира 2-й ст. большого креста и Св. Анны кавалера, Рунича] // Пекарский П. П. Исторические бумаги, собранные Константином Ивановичем Арсеньевым. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1872. С. 62–69.

Научный архив Музея истории СПбГУ. Ф. 39 (М. А. Балугьянского). Шифр: МУ КПо-432/10 Pers. 39/10: Без названия. Машиноп. копия. 29 л.

РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 18: Журналы по Главному правлению училищ за 1819 год. 537 л.

РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 19: Журналы по Главному правлению училищ за 1820 год. 462 л.

РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 80: Дела о службе попечителя Петербургского учебного округа С. С. Уварова. 31 декабря 1810 г. — 21 октября 1826 г. 49 л.

РО ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Ф. 263. Оп. 3. Д. 50: Д. П. Рунич. «Записка настоящем положении СПб университета и зависящих от него учебных заведений с присовокуплением мнения исправляющего должность попечителя о преобразовании оных». 18 марта 1822. 20 л.

Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919: материалы по истории Санкт-Петербургского университета. Т. 1: 1819–1835 / ред. С. В. Рождественского. Пг., 1919. 760 с.

Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1: 1802–1825 / Россия. М-во народ. просвещения. СПб., 1864. 1864 стлб.

Список литературы

Азизова Е. Н. Общественно-политическая деятельность Д. П. Рунича: монография. Воронеж, 2014. 163 с.

Витте С. Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. М.: Мысль, 1991. 718 с.

Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб.: Академический проспект, 1999. 350 с.

Грачева Ю. Е. Разработка образовательных реформ в Главном правлении училищ в 1803–1804 гг. // Вестник СПбГУ. 2016. Вып. 3. С. 17–30.

Жарова Е. Ю. Устав Дерптского университета 1820 года в контексте университетской политики Александра I // Alma mater (Вестник высшей школы). 2012. № 9. С. 95–99.

Жуковская Т. Н. «Дело профессоров» 1821 года в Петербургском университете: новые интерпретации // Ученые записки Казанского университета. Сер. гуманитарных наук. 2019. Т. 161, кн. 2–3. С. 96–112.

Жуковская Т. Н. М. А. Балугьянский — университетский профессор, ректор и государственный деятель // Петербургский исторический журнал. 2020. № 2. С. 250–270.

Жуковская Т. Н., Пустовойт И. С. Кризис «административного сен-симонизма» и отставка С. С. Уварова в 1821 г. // КЛИО: журн. для ученых. 2020. № 7 (163). С. 57–70.

Жуковская Т. Н. С. С. Уваров и воссоздание Санкт-Петербургского университета // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. Вып. VII. С. 56–74.

Косачевская Е. М. Михаил Андреевич Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. 272 с.

Майофис М. Л. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М.: Новое лит. обозрение, 2008. 800 с.

Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. «Единым вдохновением»: очерки по истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII — первой половине XIX в. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 227 с.

Окунь С. Б. Основание Санкт-Петербургского университета и начальный период его деятельности. 1819–1835 // История Ленинградского университета. Очерки. Л., 1969. С. 11–69.

Петров Ф. А. Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования: в 4 кн. Кн. 2, ч. 2: Становление системы университетского образования в России в первые десятилетия XIX века. М., 1998. 388 с.

Петухов Е. В. Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802–1902): ист. очерк. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1902. Т. 1: Первый и второй периоды (1802–1865). 624 с.

Плетнев П. А. Первое двадцатипятилетие Императорского университета. СПб., 1844. 128 с.

Рождественский С. В. Первоначальное образование Санкт-Петербургского университета 8 февраля 1819 года и его ближайшая судьба // Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919: материалы по истории Санкт-Петербургского университета. Т. 1: 1819–1835 / ред. С. В. Рождественского. Пг., 1919. С. III–CXLVII.

Сухомлинов, М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 1. СПб.: А. С. Суворин, 1889. 671 с.

Шевченко М. М. С. С. Уваров. Политический портрет // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 27–51.

Flynn J. T. S. S. Uvarov's "Liberal" Years // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge, 1972. Bd. 20, H. 4 (Dezember). P. 481–491.

Сведения об авторах

Пустовойт Иван Сергеевич
магистрант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета
Жуковская Татьяна Николаевна
кандидат исторических наук, доцент
Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета

Ivan S. Pustovoit
Master's degree student at the Institute of History, St. Petersburg State University
Tatyana N. Zhukovskaya
PhD (History), Associate Professor
Institute of History, St. Petersburg State University

УДК 378(470)
doi:10.37614/2307-5252.2021.1.20.007

ПЕРЕПИСКА П. А. ПЛЕТНЕВА И Я. К. ГРОТА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ УНИВЕРСИТЕТОВ И УНИВЕРСИТЕТСКИХ СВЯЗЕЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

А. П. Зиновьева, Т. Н. Жуковская
Институт истории СПбГУ, Санкт-Петербург

Аннотация

В статье рассматриваются различные формы и механизмы академического взаимодействия, которые складывались между университетами Российской империи, а именно между Санкт-Петербургским и Гельсингфорсским (Александровским) университетом. Это взаимодействие находит отражение в переписке двух профессоров-филологов: петербуржца П. А. Плетнева и Я. К. Грота, служившего в 1840–1853 годах в Гельсингфорсском университете. К результатам межуниверситетской коммуникации можно отнести организацию кафедры русского языка в Александровском университете при участии русских профессоров и преподавателей, организацию Славянской библиотеки, участие профессоров и студентов одного университета в коммеморативных практиках другого (юбилейных торжествах, торжественных актах), обмен научной и учебной литературой, организованную экспертную деятельность, академические миграции, хоть и сравнительно немногочисленные. Анализ форм сотрудничества, отраженных в доверительной личной переписке представителей двух университетов, выявляет сходства и различия двух моделей университета — имперского, столичного, и территориального, каким являлся Александровский университет в Великом княжестве Финляндском.

В основу наблюдений положены материалы переписки П. А. Плетнева с Я. К. Гротом, как опубликованные в XIX веке, так и архивные — из фонда Плетнева в Институте русской литературы РАН (Пушкинском доме). Помимо этого привлекались документы университетского и ведомственного делопроизводства. Основной исследуемый источник отражает не только детали биографий и характеры обоих корреспондентов, но и особенности учебной повседневности, администрирования университета, профессорского быта, настроений обоих корреспондентов, меняющихся в зависимости от академической и политической конъюнктуры. Переписка двух

профессоров дает представление об отношениях и конфликтах внутри академических корпораций в Санкт-Петербургском и в Гельсингфорсском университетах. Важно, что эти отношения и события отражались в источнике непосредственно и синхронно их течению.
Ключевые слова:
П. А. Плетнев, Я. К. Грот, Санкт-Петербургский университет, Гельсингфорсский университет, академические связи, эпистолярное наследие, архивы профессоров

CORRESPONDENCE P. A. PLETNEV AND J. K. GROT AS A SOURCE ON THE HISTORY OF UNIVERSITIES AND UNIVERSITY LINKS OF THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Anna P. Zinovieva, Tatyana N. Zhukovskaya
St. Petersburg State University, Saint Petersburg

Abstract

The article examines various forms and mechanisms of academic interaction that developed between the universities of the Russian Empire, namely between St. Petersburg and Helsingfors (Alexander) universities. This interaction is reflected in the correspondence of two professors-philologists: P. A. Pletnev and J. K. Grot, which served in 1840–1853 at the University of Helsingfors. The results of inter-university communication include the organization of the Russian language department at Alexander University with the participation of Russian professors and teachers, the participation of professors and students of one university in commemorative practices of another (anniversary celebrations, solemn acts), the exchange of scientific and educational literature, organized expert activities, academic migrations, although relatively few in number. An analysis of the forms of cooperation reflected in the confidential personal correspondence of representatives of the two universities reveals the similarities and differences between the two models of the university — the imperial, based the capital and the territorial university, which was the Alexander University in the Grand Duchy of Finland.

The observations are based on materials from the correspondence of P. A. Pletnev with J. K. Grot, both published in the 19th century, and archival ones — from the Pletnev fund at the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (Pushkin House). In addition, documents of university and departmental office work were also involved. The main source under study reflects not only the details of the biographies and characters of both correspondents, but also the peculiarities of everyday academic life, university administration, professorial life, the moods of both correspondents, which change depending on the academic and political situation. The correspondence between the two professors provides an insight into the relationships and conflicts within academic corporations at St. Petersburg and Helsingfors universities. It is important that these relations and events were reflected in the source directly and synchronously with their flow.
Keywords:
Peter A. Pletnev, Yakov K. Grot, St. Petersburg University, Helsingfors University, academic relations, epistolary heritage, archives of professors

Постановка проблемы

В новейших университетских исследованиях помимо публичных связей между университетами на институциональном уровне и социальных взаимодействий между академическими и городскими сообществами рассматриваются также локальные и приватные линии коммуникаций — между отдельными представителями университетских сообществ. В зависимости от плотности контактов, положения конкретного профессора внутри сообщества и сохранности эго-документов данный горизонт исследования может быть более или менее содержательным. В нашем случае в фокусе наблюдений оказываются

представители одной научной дисциплины, близкие по взглядам на роль университета в развитии общества, но различные по возрасту, статусу и жизненному опыту люди — Яков Карлович Грот (1812–1893) и Петр Александрович Плетнев (1792–1866). В течение 13 лет они вели между собой очень плотную переписку, одной из ведущих линий которой оставались университетские дела и отношения. Ее структурный и содержательный анализ позволяет взглянуть как бы изнутри на хронику жизни двух университетов, их научное взаимодействие в области преподавания и изучения русской филологии, административные и культурные связи. Одновременно мы получаем достоверную и детализированную картину академического быта, дел и забот университетского профессора и ректора, каким был П. А. Плетнев, восстанавливаем его роль в преподавании и администрировании, а также личное отношение адресатов к конкретным проблемам двух университетов и отдельным университетским «историям».

Рассматриваемый эпистолярный комплекс был опубликован еще в XIX веке, к нему не раз обращались историки русской литературы и литературных связей. На его основе написаны биографии Я. К. Грота, в том числе недавние работы о его пребывании в Гельсингфорсском университете, о становлении в нем русистики и ее пропаганде в Финляндии [Грот, 1912; Философский век, 2012; Эконен, 2012]. В то же время содержательный потенциал этого источника, на наш взгляд, далеко не исчерпан. При наличии многочисленных историко-литературных работ о Плетневе его административная деятельность в Петербургском университете пока освещена крайне скупо [Шубин, 1984; Тишкин, 1998; Марголис, Тишкин, 2000; Жуковская, Казакова, 2018а]. Создать представление о разнонаправленности, напряженности и эффективности этой деятельности как раз помогают репортажи «от первого лица», которыми наполнена его переписка с Гротом. Данный материал должен дополнить блок общих работ, затрагивающих проблемы межуниверситетских связей и формирования единого академического пространства Российской империи [Петров, 2003; Вишленкова, Галиуллина, 2012; Жуковская, Казакова, 2018б].

Характеристика и значение основного источника

Переписка двух профессоров-филологов охватывает сравнительно долгий промежуток времени, между 1840 и 1853 годами, что совпадает с годами службы Я. К. Грота в качестве профессора русского языка, литературы и истории в Гельсингфорсском (Александровском) университете в ВКФ. Плетнев же в это время занимал должность ректора Санкт-Петербургского университета, продолжая преподавать до 1849 года. Эти письма, в силу своего объема и сохранности, представляют собой ценнейший комплекс, отражающий неформальную историю двух университетов.

Данный эпистолярный комплекс хранится в РО ИРЛИ РАН в фонде 234 (личный фонд П. А. Плетнева). В его составе сохранилось 765 писем П. А. Плетнева — Гроту (соответственно ф. 234, оп. 1, ед. хр. 100–113, более 1700 листов) и 760 ответных писем Грота (там же, оп. 3, ед. хр. 191–204, 1708 листов). Таким образом, интенсивность и объем переписки двух корреспондентов почти симметричны.

Публикаторы многотомного издания «Сочинений и переписки Я. К. Грота» начали его с наиболее обширного историко-литературного отдела, в который и вошла корреспонденция Я. К. Грота, включая его ответные письма Плетневу,

еще при жизни переданные Петром Александровичем своему другу. Комплекс писем финляндского периода был сохранен в абсолютном порядке и полноте и был опубликован при содействии сына — К. Я. Грота в 1896 году в трех томах, с уточнением дат, пояснениями географических названий и приложениями [Переписка…, 1896].

С внешней точки зрения письма Грота более объемны, пространны и в то же время менее структурированы, часто включают философические отступления. По детализированности описаний некоторые письма напоминают дневниковые записи. Это объясняется тем, что во время довольно частых поездок Я. К. Грота по территории Финляндии, Швеции и при посещении Петербурга он вел путевые заметки, которыми делился с Плетневым. В сравнении с Гротом письма Плетнева отличаются более формальным тоном и более лаконичны, что можно связать с обилием канцелярской работы, которую приходилось выполнять Плетневу как редактору журнала «Современник» и ректору. Различается стилистика и манера письма корреспондентов, которые выступают друг в отношении друга как старший и младший коллеги, наставник (до определенной степени) и ученик. Большая часть рассматриваемого эпистолярного блока представлена беловиками, однако имеется и небольшое количество черновиков с незначительными помарками или копий собственных писем, которые хранил П. А. Плетнев.

Переписка велась регулярно, без перерывов, за исключением времени неотложных командировок или болезней корреспондентов. Письма доходили до адресатов, как правило, через 1–2 дня после отправления, лишь изредка ввиду погодных условий (подъем уровня Невы, ледоход, ледостав) задерживались до 5 дней. «Нева продолжает подшучивать над корреспонденцией нашей», — пишет Плетнев 13 декабря 1847 года, имея в виду поздний ледостав, затруднивший сообщение с Васильевским островом [Переписка…, 1896: Т. 3: 182].

Корреспонденты тщательно сортировали письма, поэтому в начале многих из них можно найти приписки: «Отвечаю тебе на письмо от...». По мере необходимости они могли отправлять друг другу от 1 до 3 писем в один день. Такая плотность коммуникации отражает динамику событий как в Санкт-Петербургском, так и в Гельсингфорсском университетах.

Рассматриваемый эпистолярный комплекс ценен как источник по истории университетских связей в нескольких отношениях. Во-первых, этот источник является максимально полным, без купюр и лакун, что позволяет получить хроникально точную картину внутренней истории двух университетов, академических и административных конфликтов, настроений профессоров, представленную непосредственными участниками событий. Во-вторых, хотя корреспонденты принадлежат к разным университетским корпорациям, они находятся в единой системе университетов Российской империи, связанных нитями академических миграций, научных обменов, административных контактов, личных отношений. Оставаясь вне системы учебных округов, университет в ВКФ был связан с российскими университетами горизонтально, а также находился в сфере влияния коронной администрации. Канцлерами университета в разное время были М. М. Сперанский и Великий князь Александр Николаевич, будущий Александр II. Переписка Плетнева и Грота становится своеобразным индикатором развития науки и корпоративной солидарности в Петербургском и Гельсингфорсском университетских сообществах, разных по национальному составу, научному

профилю, по степени вовлеченности в европейские академические сети. Филологи-слависты, как и филологи-классики, не были замкнуты в своих университетах, они образовывали собственные интеллектуальные сети, помогающие выстраивать академические карьеры [Ильина, 2020]. В-третьих, поскольку оба корреспондента были профессорами-русистами, сквозь их переписку просматриваются основные проблемы развития русской литературы середины XIX века. Особую роль в поддержании этих коммуникаций играла личность Плетнева, который был редактором журнала «Современник» и воспринимался как патриарх литературной критики. Его журнал оставался полем, где происходило обсуждение литературных новинок, научных достижений, историко-литературных исследований. В-четвертых, переписка двух профессоров, представляя собой нарративный источник, позволяет отойти от официальной картины университетских событий 1840–1850-х годов, сформированной на основании формализованных документов: «отчетности», университетского делопроизводства, законодательства. Опираясь на данный источник, уникальный по объему и аутентичный в отношении личности своих создателей, мы можем с хроникальной точностью представить внутреннее течение университетской жизни, ее бытовую и эмоциональную стороны.

Прежде чем обратиться к содержанию переписки двух профессоров, необходимо остановиться на некоторых особенностях их биографий, понять, что их сближало и сделало переписку по ученым и университетским делам столь свободной, многопредметной, а значит, информативной.

Петр Александрович Плетнев, выходец из духовного сословия, был сыном сельского священнослужителя Тверской губернии. По окончании Тверской духовной семинарии он был отправлен в Педагогический институт в Петербург, где учился в составе студентов «третьего» набора [ЦГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 688. Л. 4]. После окончания института в 1814 году Плетнев начал преподавание сразу в нескольких учебных заведениях столицы: поступил учителем истории и математики в Екатерининский институт, вел занятия в Патриотическом институте. Также он преподавал и в военно-учебных заведениях: Павловском Кадетском корпусе (до 1828-го), Пажеском корпусе (1825–1832) и в Школе гвардейских подпрапорщиков и юнкеров (1830–1832). В 1832 году Плетнев вступает на университетское поприще, будучи уже известен в литературных кругах и при дворе. По приглашению товарища министра народного просвещения С. С. Уварова, хорошо знавшего его со студенческих лет, Плетнев был принят сразу на должность ординарного профессора кафедры русской словесности Петербургского университета и, одновременно, в Главный педагогический институт, где преподавал шесть лет. В университете его служба продолжалась до 1849 года, когда было издано постановление, освобождающее ректоров университетов от обязанности читать лекции [ЦГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1964. Л. 2].

В январе-феврале 1840 года происходит избрание П. А. Плетнева ректором Санкт-Петербургского университета большинством голосов Совета и утверждение его в этой должности. В связи с обретением нового статуса и круга обязанностей изменяется положение Плетнева в университетской среде, однако он продолжает сосредоточивать вокруг себя интеллектуалов столицы: журналистов, филологов, университетских профессоров, литераторов молодого и старшего поколений. Благодаря кругу влиятельных лиц, посещавших вечера в квартире Плетнева

в ректорском флигеле университета, студенты-филологи, также бывавшие там, обретали полезные связи и покровительство, получали опыт общения. В один из таких вечеров и произошло знакомство П. А. Плетнева и Я. К. Грота.

Яков Карлович Грот, получив хорошее домашнее образование, в 1823 году поступил в Благородный пансион при Царскосельском лицее, а через три года в числе 25 лучших воспитанников Пансиона был переведен в сам Лицей. Уже в юности он проявил исключительный интерес к языкам: самостоятельно выучил итальянский язык, в совершенстве владел французским и немецким. В 1832 году по окончании Лицея он поступил на службу в канцелярию Комитета министров под начало барона М. А. Корфа. Канцелярская работа не удовлетворяла Грота, он продолжал заниматься историей, языками (особенно английским) и переводами. В 1838 году он публикует в «Современнике» перевод поэмы Байрона «Мазепа», получивший высокую оценку историка М. П. Погодина и самого Плетнева. Этот момент стал началом сближения Грота с Плетневым, несмотря на 20-летнюю разницу в возрасте. В свободное от канцелярской службы время Грот стал частым гостем на уже упомянутых литературных вечерах Плетнева в ректорском флигеле. В декабре 1839 года на одном из вечеров он познакомился с гельсингфорсским профессором русской словесности С. В. Соловьевым, который собирался оставить Финляндию и предложил занять его место. Грот принимает решение перейти на «ученое поприще», несмотря на уговоры Корфа.

Далее мы рассмотрим важнейшие проблемы университетской повседневности и академических связей, вокруг которых строится диалог в письмах Плетнева и Грота и которые могут быть по-новому представлены на основании данного источника.

Научно-литературное сотрудничество
интеллектуальных элит России и ВКФ и научное посредничество

Спустя восемь лет службы в Финляндии Грот так изложил Плетневу мотивы своего перехода на службу в Александровский университет: «Канцелярская служба, наконец, довела меня почти до отчаяния. Нужна была особенная борьба, чтобы совершенно замкнуть себя в определенном круге, с убеждением, что чем я более в нем усовершенствуюсь, тем после буду свободнее в области общечеловеческих высших знаний» (письмо от 2 мая 1847 года) [Переписка…, 1896: Т. 3: 63]. Кроме внутренней мотивации имело значение и развитие национального движения в Великом княжестве Финляндском, поставившее задачу «усиления» позиций русского языка.

В конце 1830-х годов возникла необходимость улучшить преподавание русского языка в Финляндии. К данному мнению склонялись высшие администраторы и представители ВКФ в Петербурге — министр-статс-секретарь Р. И. Ребиндер и его преемник А. Г. Армфельт. Они принадлежали к «руссофилам» и склонялись к идее упрочения связей с Россией. В тот момент высшие сановники Великого княжества Финляндского были даже готовы принять русский язык вместо шведского в качестве официального. В возможности финского языка как государственного и литературного в 1840-х годов еще не верили [Каллейнен, 2007: 33]. Залог успешного осуществления политики русификации и сближения как в официальном Петербурге, так и в статс-секретариате ВКФ видели в расширении преподавания русского языка в университете и гимназиях.

Улучшение качества университетского преподавания русского языка, привлечение молодых преподавателей-словесников нового «уваровского» призыва стали магистральными направлениями новой политики в крае.

Кандидатура Карла Грота представлялась идеальной для русско-финляндского посредничества. Во-первых, он был знатоком шведской литературы и эпоса, выучил в совершенстве шведский язык, во-вторых, являлся переводчиком «Саги о Фритиофе» шведского поэта Э. Тегнера, в-третьих, уже был знаком с поэтом Й. Л. Рунебергом, имел добросердечные отношения с Ф. Сигнеусом, профессором истории Александровского университета [Бюклинг, 2012: 24].

Вероятно, именно при содействии Плетнева министр-статс-секретарь ВКФ Р. И. Ребиндер заметил и приблизил Грота. Вскоре было «решено определение в статс-секретариат и переселение в Финляндию» [Переписка…, 1896: Т. 1: 304]. 18 июня 1840 года Грот в статусе чиновника по особым поручениям статс-секретаря ВКФ графа Р. И. Ребиндера прибыл в Гельсингфорс. Он приехал не один, а вместе с матерью Каролиной. Временами в Гельсингфорсе жила сестра Якова Карловича Лиза; его брат Константин Карлович оставался в Петербурге и продолжал бывать на вечерах у Плетнева. В апреле 1841 года Я. К. Грота утверждают в должности инспектора финляндских школ по преподаванию русского языка. Тогда же он был назначен профессором учрежденной при Гельсингфорсском университете кафедры русского языка и словесности, причем лекции он должен был читать на шведском языке.

Назначение Грота не всеми его новыми коллегами было воспринято одобрительно. Это объясняется, с одной стороны тем, что университет являлся резервуаром для пополнения шведскоязычной элиты ВКФ, которая с тревогой смотрела на усиление российского присутствия. Часть профессорской корпорации Александровского университета выражала недовольство и способом передачи кафедры совершенно постороннему для университета лицу. Грот пишет: «Моим назначением нарушены отчасти древние учреждения его (университета. — *А. З., Т. Ж.*); сколько я замечаю, старики были чрезвычайно изумлены этой новостью; их возмущает не только совершенное в этом случае отстранение того тяжкого пути, каким они все достигли той же степени, но и то, что для одного, и еще не очень милого предмета, учреждены две кафедры и 3 преподавателя» (письмо 12 апреля 1841 года) [Переписка…, 1896: Т. 1: 314]. Грот называет в письмах свое вступление на кафедру «вторжением», имея в виду эти корпоративные предубеждения.

И все же большая часть профессоров воспринимала Грота как талантливого преподавателя, хорошего приятеля и добропорядочного человека. В финляндских домах его принимали с радушием, особенно старые знакомые: профессор философии Й. Тенгстрем, Густав Армфельт — сын министра Александра Армфельта [Переписка…, 1896: Т. 1: 316]. Грот являлся в дом к вице-канцлеру на званые обеды, где рассказывал о делах, происходивших в университете. В письмах к Плетневу он упоминает, что завел полезные знакомства с финляндскими учеными деятелями Элиасом Лённротом и Матиасом Кастреном, первым профессором финского языка на кафедре, открытой в 1850 году. Грот помог Кастрену получить финансирование для поездки по России с целью изучения финно-угорских языков. С Лённротом, составителем словаря финского языка, собирателем финского фольклора, открывшим «Калевалу», Грот совершал поездки по Финляндии, изучая финский язык. Грот также сообщал Плетневу

о знакомстве с вице-канцлером университета А. Теслевым, который, как он писал, «предлагает изменить языковые требования к чиновникам в пользу русского и финского языка… Ко мне он был особенно дружески расположен и часто изъявлял желание, чтоб я в его доме был, как родной» (письмо 29 ноября 1847 года) [Переписка…, 1896: Т. 3: 157].

Результатом сближения с финляндской академической и литературной элитой стало решение издать «Альманах», в котором бы печатались тексты русских и финляндских литераторов и ученых. Такой альманах был выпущен в 1842 году и посвящен новому канцлеру Гельсингфорсского университета цесаревичу Александру Николаевичу, получившему этот статус в 1841 году. В альманах вошли сочинения Я. К. Грота, П. А. Плетнева, М. А. Кастрена, князя В. Ф. Одоевского и др. Это был образец научно-литературного сотрудничества русских и финляндских интеллектуалов, возникший под покровительством цесаревича. Сам Александр Николаевич принимал живое участие в обсуждении важных университетских вопросов, в частности, о мерах распространения русского языка среди университетской молодежи. Наследник лично председательствовал в заседании университетской Консистории и объявил об учреждении особой стипендии своего имени для молодых людей, желающих посвятить себя основательному изучению русского языка в течение 2 лет, обучаясь в российских университетах, в том числе Петербургском [Берендтс, 1902: 81]. Несколько «финляндских уроженцев» поступили в столичный университет на казенное содержание.

Грот свидетельствует о том, что «в университетских кругах к изучению русского языка, его излишнему акцентированию, относились отрицательно» [Кетола, 2007: 55], хотя в университете были ученые, которые уже сотрудничали с российскими учебными заведениями и Академией наук в Петербурге. Грот стал своеобразным посредником между ними и академическим Петербургом.

Постановка преподавания русистики в Гельсингфорсском университете и организация Славянской библиотеки

Ко времени приезда Грота преподавание русского языка в учебных заведениях ВКФ уже имело свою историю, он преподавался в школах, для чего на вакантные учительские места приглашались выпускники Педагогического института и Петербургского университета. Но результаты преподавания не были удовлетворительными, поскольку знающих преподавателей не хватало. Наставником Грота в преподавании русского языка в Александровском университете стал Матиас Акиандер, который также читал лекции по русской словесности.

В соответствии с желанием Ребиндера цель Грота должна была состоять в том, чтобы «навязать финнам русский язык»; Грот, как он сам выразился, взял на себя миссию быть «апостолом русского языка на чухонской земле» [Переписка…, 1896: Т. 1: 327]. Весной 1841 года по просьбе Ребиндера Плетнев составил программу реформы преподавания русского языка и подготовки школьных преподавателей в университете, определив состав и задачи новой кафедры, точнее, русистики как целого направления [Там же: 661–662]. Предложенные новшества, однако, противоречили уставу Александровского университета. Обращаясь к переписке, можем установить, что весной 1841 года

проект Плетнева получил «высочайшее одобрение» при посредничестве генерал-губернатора ВКФ князя А. С. Меншикова. В проекте «сказано было, что сверх экстраординарного профессора и лектора нужно иметь старшего профессора для надзора, руководства обоих прежних, для преподавания литературы и истории России». «А цель моя была, — продолжает Плетнев, — доставить возможность русскому профессору заседать в консистории и сравнять его в жаловании со всеми ординарными профессорами кои, кажется, более получают, нежели 1000 р. сер.» (письмо 21 марта 1841 года) [Переписка…, 1896: Т. 1: 284].

Много места в наставлениях Плетнева уделялось постановке преподавания и организации кафедры русского языка, которая тесным образом связывалась с родственной кафедрой в столичном университете. В августе 1841 года Грот начал готовить лекции согласно инструкции, составленной для профессора русской истории и литературы. Однако надежды новоиспеченного профессора омрачились слабыми познаниями гельсингфорсских студентов в русском языке. Плетнев предложил преподавать на двух языках и подготовить практические пособия по русскому языку. Грот отвечал, что первое предложение неисполнимо, так как «студенты не понимают по-русски». Он решает сосредоточиться на составлении лексикона — шведско-русского словаря, на что получает «сумму от Государя» [Переписка…, 1896: Т. 1: 377.].

Грот также занимался подготовкой нового лекционного курса. Плетнев советовал ему совмещать преподавание современной русской литературы и истории, указывая на «Историю» Карамзина как на «готовый материал для всего». При этом он полагал, что новая история и литература важнее древней: «О древней нашей истории и литературе говори быстрее и спеши к цветущим временам нашей прозы, поэзии и дипломатики» [Переписка…, 1896: Т. 1: 285]. Плетнев щедро делился с начинающим профессором опытом преподавания. Пользуясь собственными наработками и опытом других профессоров-русистов, он составил для Грота план преподавания на основе большого блока современной литературы. Данный план, в обработке Грота, и был положен в основу преподавания русской филологии в Александровском университете.

Особенно важными Плетнев считал лекции, которые отражали бы политическую историю Северо-Запада, они должны были пригодиться тем финляндским студентам, которые готовились к преподаванию в школе и к гражданской службе: «По моему плану история русской литературы должна входить в виде пополнения в каждый период политической нашей истории. Можно славно сжать и то, и другое. Развернуться на сношениях наших только с северо-западом» (письмо 13 апреля 1841 года) [Переписка…, 1896: Т. 1: 317].

Важной формой взаимодействия двух университетов стала организация Славянской библиотеки в Александровском университете. Официальным началом ее считают 1828 год, когда было издано распоряжение о том, что университетские библиотеки получают один бесплатный экземпляр всех изданий, выходивших в империи. За первые десятилетия XIX века количество русскоязычной литературы в фондах Александровского университета увеличилось в несколько раз. Необходима была унификация книжного материала, иначе читатели не имели доступа ко многим книгам, которые были исправно получаемы. Я. К. Грот организовал систематизацию литературы на основании языка изданий. При этом он рассматривал русские издания как самостоятельный комплекс, а не часть

библиотечных ресурсов Александровского университета. Плетнев поддержал этот подход: «Надеюсь, что, сделавшись ординарным профессором университета, вы отделите русскую библиотеку от шведской и приведете ее в такое состояние, что она послужит образцом для всех в мире университетских библиотек» [Переписка…, 1896: Т. 1: 81].

Грот прислушивался к советам Плетнева о создании отдельного помещения для русской библиотеки. С 1843 года библиотека находилась в новом здании возле Сенатской площади, где и в настоящее время находится Славянская библиотека и Национальная библиотека Финляндии. Ответственность за русскую библиотеку официально была возложена на профессора русского языка и литературы; после Грота его работу продолжил прибывший из Петербурга С. И. Барановский, выпускник историко-филологического отделения столичного университета. В 1833–1836 годах он учился по разряду восточных языков, затем как казенный студент был распределен учителем истории и статистики в Псковскую гимназию. В 1843 году, благодаря протекции Грота, Барановского назначили на вакантное место профессора русского языка и литературы в Гельсингфорский университет [РГИА. Ф. 733. Оп. 24. Д. 67. Л. 1]. Барановский продолжил традиции преподавания русского языка в университете, заложенные Гротом, подготовил учебные пособия, по которым студенты могли практиковаться в русском языке.

Грот, как видно из писем, погрузился в дело систематизации библиотеки, для чего ректор Александровского университета выделил специальные средства. Письмом от 22 апреля 1844 года Грот сообщает, что книги уже расставлены так, что «для каждой науки особый шкап или шкапы» [Переписка…, 1896: Т. 2: 237]. Помимо разбора книг, который требовал обширных познаний, Грот занимается и проблемами их хранения, переплетным делом, заказом особых коробок для брошюр. После принятия решения о расстановке книг в систематическом порядке возник вопрос о каталогизации, принцип которой предложил С. И. Барановский. Пользование этой библиотекой вскоре стало массовым. По статистике 1850-х годов, читателям было выдано примерно 1 000 книг [Эконен, 2012: 17]. Славянская библиотека заняла свое место в академической и интеллектуальной жизни Гельсингфорса, но существовала как отдельное учреждение. Состав ее пополнялся за счет поступлений из Петербурга. Так, из столичного университета были посланы необходимые в изучении русского языка пособия, учебники по истории, географии, минералогии. Была широко представлена художественная литература. В состав библиотеки были включены и посылаемые при посредничестве П. А. Плетнева номера журнала «Современник».

Университетские коммеморации и формы публичности

С назначением Грота на профессорскую кафедру контакты университетов становятся постоянными. Прологом этого сближения было празднование в июле 1840 года 200-летнего юбилея Гельсингфорсского университета, основанного в 1640 году при королеве Христине как Академия в Або. Гельсингфорсский университет заблаговременно разослал в российские университеты приглашения, предоставляя им право выбора депутаций на торжественное юбилейное мероприятие. Депутацию от Санкт-Петербургского императорского университета возглавил действующий ректор П. А. Плетнев. Как официальный представитель и глава университета, он отправился в Финляндию с небольшой группой из шести

студентов, избранных по два от каждого факультета: один от юридического, по два от первого, физико-математического, и второго, историко-филологического, отделений философского факультета [РГИА. Ф. 733. Оп. 23. Д. 145].

Пребывание Плетнева в Гельсингфорсе в дни памятного юбилея окончательно скрепило дружбу Грота и Плетнева и в то же время дало последнему огромный материал для наблюдений о постановке преподавания, о корпоративной и административной организации университета, более старого и европейски ориентированного, чем Санкт-Петербургский. Вернувшись, ректор хотел донести до коллег свои наблюдения. Грот поддержал его в этой мысли и писал о важности представления отчета о поездке в Гельсингфорс: «Это, безусловно, долг Ваш, нежели долг кого-либо из других бывших в Гельсингфорсе депутатов от русских ученых обществ, потому что Вы не только депутат, но и ректор университета — представитель заведения, однородного с тем, у которого Вы были в гостях. Ваш университет вправе требовать от Вас такого отчета, а с университетом и наша литература, разочарованная на счет Финляндии… Более же всего требует от Вас здешний университет» (письмо от 7 августа 1840 года) [Переписка…, 1896: Т. 1: 38]. Таким образом появился очерк Плетнева о поездке в Финляндию под названием «Двухсотлетний юбилей Александровского университета» [Плетнев, 1885: 433–445].

В этом очерке Плетнев представляет исчерпывающее описание юбилейных торжеств в финляндской столице. Как университетский администратор он, прежде всего, обращает внимание на «этикетные» стандарты торжества, примечает особенности «промоций» (особенных академических аттестаций) в окраинном университете. Несомненно, коммеморативные формы празднества в Гельсингфорсе повлияли на новоиспеченного ректора и были взяты за некий эталон при организации аналогичных торжеств в столичном университете в 1844 году по случаю 25-летия его «основания».

Плетнев так описывает детали юбилея в Гельсингфорсе: «3/15 июля 1840 года происходило общее университетское торжество. На эстраде были поставлены бюсты трех благотворителей университета: императоров Николая I и Александра I и королевы Христины. Торжественные речи ректора и профессоров университета читались на шведском и латинском, однако постепенно в употребление входил русский язык. В молодом поколении многие понимают и говорят по-русски» [Плетнев, 1885: 436]. В первый день праздника был дан торжественный обед, на котором присутствовала многочисленная публика светского и духовного звания. Со второго дня торжества начинались «промоции», то есть особый ритуал возведения в ученые степени, которые «в нынешнее время сохраняются едва ли не в одной Финляндии». Для совершения промоций «каждый факультет заранее избирает профессора, из числа состоящих ныне при университете, или находившегося при нем прежде. За его несомненные заслуги в ученом свете и другие моральные достоинства он возводится в ученую степень…, промоции в Александровском университете происходят обыкновенно один раз в четыре года» [Плетнев, 1885: 437].

Термин «промоции» был распространен Плетневым и на академические процедуры в Петербургском университете. 26 октября 1840 года он пишет: «В первом часу поехал в университет на промоцию в магистры. Их диссертации послал я в библиотеку вашего университета. Один предлагает основать классификацию животных на различии ног, другой открывает тайны развития цветка» [Переписка…, 1896: Т. 1: 150–151].

Как представитель молодого университета, не обремененного собственными академическими ритуалами, Плетнев фиксирует свои впечатления, постоянно сравнивает, а также оценивает успехи Гельсингфорсского университета. Он пишет: «Щедротами благополучно царствующего ныне императора Николая Павловича Александровский университет возведен на высшую степень цветущего состояния. Здание его, бесспорно, есть лучшее в городе. Все принадлежности и пособия вполне соответствуют важности заведения. Улица, на которую обращен университет, от одного конца до другого представляет в роскошнейшем виде все, что необходимо для разных отраслей учености. На южном окончании этой улицы возвышается гранитная скала, которая служит основанием великолепному зданию: здесь устроена обсерватория для профессора астрономии. Кабинеты натуральной истории, нумизматики, археологии приведены в отлично-хорошее состояние и размещены в самом университете» [Плетнев, 1885: 444].

Обретение новых знакомств, общение с профессорской корпорацией, усвоившей европейские стандарты образования, и в целом посещение Гельсингфорса оставили неизгладимые впечатления у П. А. Плетнева. Свои размышления о значении университета для Финляндии и его традициях Плетнев включил и в ректорский отчет за 1840 года: «Александровский университет вполне сохраняет весь величественный характер своей древности. Его внутренняя жизнь, развившаяся и упроченная опытами, приводит в изумление равновесием сил, сосредоточенностью мнений, ровностью в движении частей, точностью порядка, достойным уважением долга и необыкновенной торжественностью форм в ученых промоциях. В отношении к целому краю Александровский университет остается в том патриархальном значении, по которому все сословия и все чины гражданства ему одному считают себя обязанными духовной и светской мудростью. Таковы плоды долголетней его истории» [Чтения…, 1841: 58–59].

Для П. А. Плетнева личное участие в юбилейных коммеморациях финляндского университета в статусе ректора собственного — Петербургского стало важным опытом. Знакомство с академической средой более «старого» европейского университета, богатого традициями, стало ориентиром выстраивания отношений внутри корпорации, которую он сам возглавлял. Практика ежегодных публичных отчетов о деятельности Санкт-Петербургского университета, которые составлялись ректором и презентировались им на торжественных актах начиная с 1844 года, приближала университет к европейским нормам публичности и укрепляла его репутацию в глазах власти и общества. В долгое, более чем 20-летнее, ректорство Плетнева молодому Петербургскому университету последовательно прививались нормы научных и социальных отношений, выработанные столетиями внутри европейской университетской среды.

Пределы компетенции ректора предполагали многочисленные функции: руководство Советом профессоров, присутствие в университетском Правлении, рассматривавшем хозяйственные и финансовые вопросы, переписку и встречи с попечителем и министерскими инстанциями, общение с инспекцией по делам студентов, утверждение инспекторских решений, контроль за исполнением профессорами своих обязанностей и, наконец, подготовку и представление ежегодных университетских отчетов. Плетнев трудился по всем направлениям университетского администрирования параллельно руководству «Современником» и цензорской работе. Кроме того, он был членом Второго отделения Академии

наук (Отделения русского языка) и работал по академическим проектам. Никто не освобождал его до 1849 года и от преподавания учебных курсов по истории русской словесности.

В марте 1844-го он признается: «Множество у меня работы, особенно корректур. Вообрази, что на мне лежит печатание: 1) “Современника” 2) истории университета 3) отчета о годичных актах 4) отчетов за два года по 2 отделению Академии наук и 5) академического словаря. Вечером был совет» (письмо 6 июня 1844 года) [Переписка…, 1896: Т. 2: 206]. В это время, судя по этому описанию, Плетнев более всего занимался итоговым отчетом и написанием истории университета, отодвигая другие дела, отказывая себе в отдыхе. Разумеется, успеть во всех направлениях было трудно, о своей непосильной нагрузке Плетнев постоянно писал Я. Гроту: «Продолжая вставать рано, я успеваю до лекций не только писать к тебе письма, но и работать над отчетом и корректурой. Я не выходил до часу, занимаясь отчетом. Впрочем, ничего не написано. У меня начало, т. е. первая страница, берет столько же времени, сколько остальные шестнадцать» [Там же: 38].

Тексты опубликованных отчетов Плетнев отправлял в Гельсингфорс в нескольких экземплярах, тем самым связывая деятельность двух университетов и ожидая комментариев. В феврале 1846 года он пишет: «Готовил для отсылки к тебе все отчеты мои по университету и по академии. Первые вырезаны мной — у меня особых оттисков никогда не бывает, из полных актов. Я приложил к ним печатный экземпляр заглавия и оглавления. Растолкуй переплетчику, чтобы он не перебил листов. Тут же ты найдешь пять экземпляров» (письмо 22 февраля 1846 года) [Переписка…, 1896: Т. 2: 684].

Сами отчеты в ректорство Плетнева преодолевают рамки малоинформативного канцелярского текста. Их содержание отражает всесторонние изменения в университете за истекший год. Форма представления отчетов на торжественных актах придает деятельности университета публичный характер, привлекает к нему внимание общества. В то же время отчеты с перечислением ученых трудов, наград, имен вновь принятых, заслуженных и умерших профессоров, количества студентов воздействуют и на само университетское сообщество. Плетнев пишет: «Опять отчет. Главное, что мне хочется развить, как необходимо профессорам сосредоточить свою деятельность в университете, ни о чем другом не думать и никак не пренебрегать собраниями совета и факультетов» (письмо 22 марта 1843 года) [РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 7].

В 1844 году Петербургский университет готовится к 25-летнему юбилею. За два года до этого Плетнев начинает сбор материалов для составления истории университета. Предполагалось, что ректор примет на себя обязанность привести собранные материалы в форму связного исторического очерка и издать его от имени университетского Совета под заглавием «История первого 25-летия Императорского Санкт-Петербургского университета» [РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 2]. Ректору пришлось пройти через многие трудности, связанные с поиском, систематизацией и обработкой университетских архивов, по сути став первым университетским историографом. Плетнев обсуждает в переписке с Гротом план содержания «Истории университета» (письмо от 27 ноября 1843 года)

[Переписка…, 1896: Т. 2: 159]. Некоторые из его идей, впервые изложенные в неформальной переписке с Гротом, впоследствии приобретают оформленный характер и реализуются в юбилейном очерке.

Университетский торжественный акт по случаю 25-летия университета состоялся 8 февраля 1844 года и подробно описан Плетневым. Хроника торжества выглядела следующим образом: «В 10 часов утра приехал митрополит и служил в нашей церкви обедню и молебен. Уваров был болен. За обедней был Шихматов, Волконский (попечитель Санкт-Петербургского учебного округа в 1842–1845 годы Г. П. Волконский. — *А. З., Т. Ж.*), профессоры, много студентов и посторонних. Митрополит всем студентам давал целовать крест. До начала акта мы напоили его чаем. Акт начался чтением Указа Высочайших наград по случаю юбилея: мне — благоволение, Ф. Б. Грефе — перстень с вензелем, М. Ф. Соловьеву — чин генерала, Ивановскому, Калмыкову — подарки: так заблагорассудил Волконский. Я читал свою историю ровно три часа. Ужасно длинна. Но нельзя было ничего выкинуть, ибо все касается до лиц и их служения. После были вызваны студенты для получения медалей, кои митрополит сам им роздал. На акте было не так много знати по причине страшного мороза и заседания министров в их комитете. Зябловский выбран для юбилея в почетные члены, как старший из нашего ученого сословия. Историю мою я уже отдал в печать» (письмо 8 февраля 1844 года) [Переписка…, 1896: Т. 2: 182].

Действительно, труд Плетнева, который читался на Акте в течение трех часов, стал первым историческим обзором нелинейного развития Санкт-Петербургского университета. Плетнев, предваряя позднейшие споры о его генеалогии, связал историю Санкт-Петербургского университета одновременно с университетом XVIII века при Академии наук и с Педагогическим институтом, открытым как «отделение университета» в 1804 году, питомцем которого был он сам [Марголис, Тишкин, 2000: 195–202].

Университетская повседневность и быт профессоров.
Университетские конфликты

Исследуемый эпистолярный комплекс отражает особенности повседневной ректорской и профессорской деятельности Плетнева в Петербургском университете, с одной стороны, и особенности академических обязанностей и отношений Грота в Гельсингфорсском университете, с другой. Сами корреспонденты постоянно проводят сравнения университетских порядков и нравов, уровня преподавания, дают характеристики коллегам и академическому начальству. «И у нас в Совете то же бывает, что у вас в консистории, — шутит Плетнев, — это оттого, что редкие из профессоров принадлежат к хорошему обществу и пользуются независимым состоянием. А без этих условий надобно быть истинным философом, чтобы не впасть в мелочи зависти и интриг» (письмо 15 октября 1840 года) [Переписка…, 1896: Т. 1: 98]. Ему вторит Грот, иронизируя над амбициозностью коллег: «Рейн и Нервандер — настоящие профессоры. У них тот и велик, кто много пишет» (письмо от 8 октября 1840 года) [Переписка…, 1896: Т. 1: 114]. Гроту становится неловко, когда его коллеги с напускной важностью называют себя patres — «патриархи» [Там же: 167].

Не раз Плетнев сообщает, что обедал вместе с кем-либо из коллег. Совместные обеды и взаимные посещения чаще происходили между ним и профессорами-ровесниками, такими как историки Н. Г. Устрялов и филолог

А. В. Никитенко (письмо от 15 октября 1840 года) [Переписка…, 1896: Т. 1: 109]. Однако званый обед у университетского законоучителя А. И. Райковского среди «монахов, попов, дам, чиновников» вызвал чувство неловкости, поскольку профессоров окружала чуждая среда (письмо от 4 октября 1840 года) [Там же: 81].

Ректорские обязанности были нелегкими и часто утомительными. 31 октября 1840 года Плетнев сообщает: «Другой день идет мокрый грязный снег. Я, однако ж, пешком потащился в правление, оттуда оным же методом домой» [Переписка…, 1896: 120]. «Ложиться спать вовремя я только тогда буду, когда перестану издавать “Современник” или выйду в отставку из университета», — жалуется он [Там же: 175]. «Проклятое ректорство» особенно в первые годы отнимало у Плетнева так много сил и времени, что, как он пишет, «спать я ложусь не раньше 3 часов, а встаю в 9 часов» [Там же: 122].

Отражение событийности университетской жизни в письмах Плетнева и Грота включает сюжеты, связанные с ротациями внутри профессорской корпорации (назначения, смещения, переводы), организацией учебной и ученой деятельности, внутриуниверситетскими конфликтами, в которых Плетнев всегда стремился к примирению сторон и, главное, к тому, чтобы не уронить репутацию университета в глазах общества и Двора. Так, он сообщает Гроту об успешно разрешенном конфликте на заседании Совета 20 апреля 1843 года: «Собрался Совет. У нас там возникли раздоры между деканом юридического факультета Ивановским и братьями Куторгами — за диссертацию на магистерство некоего Соколовского. Куторги подозревают, что Ивановский протежирует Соколовского по непотизму — оба поляки. Ивановский подал прошение, чтобы его уволили от деканства. Я стараюсь примирить вражду их. Не знаю, успею ли» (письмо 21 апреля 1843 года) [Переписка…, 1896: Т. 2: 59].

В первый год ректорства Плетнев старался повысить академическую дисциплину среди коллег, манкирующих занятиями, конфликтующих со студентами и друг с другом. Он пишет 28 ноября 1841 года: «В четверг побрел я в университет… Вообразите, каков историк К[уторга]: он еще не был ни разу в том курсе, где случилась с ним история. Разве можно отлынивать» (речь о студенческой группе, которая была оскорблена профессором и устроила ему обструкцию. — *А. З., Т. Ж.)* [Переписка…, 1896: Т. 1: 155]. Через день Плетнев сообщает: «Начиная с этого дня, ежедневно бываю в университете и по очереди захожу слушать лекции всех профессоров. Это, я вижу, необходимо. По уставу ректор обязан наблюдать за духом преподавания. При мне и студенты чиннее, да и профессоры осмотрительнее. В случае же дурных толков про университет я, не краснея, могу защищать его, сказав, что сам слушаю, что с кафедры говорится» (письмо 30 ноября 1840 года) [Там же: 157].

Плетневу как ректору по долгу службы приходилось контактировать с большим количеством людей и институций: попечителем учебного округа (у которого он бывал с докладом еженедельно), министром просвещения, инспекторами университета, деканами факультетов, профессорами, студентами. Во время ректорства он продолжал заниматься журналом «Современник», работал с его авторами, цензорами, общался с литературными критиками. Он продолжал находиться в орбите придворных отношений, будучи преподавателем великой княжны Ольги Николаевны. Плетнев, благодаря службе в женских благотворительных учебных заведениях, приобрел расположение трех русских императриц: Елизаветы Алексеевны, Марии Федоровны, а впоследствии

и Александры Федоровны. Характер и воззрения Плетнева снискали ему искреннее расположение всего царского семейства, он мог «запросто» расцеловаться в дальних комнатах Зимнего дворца с наследником или его сестрами, своими ученицами.

По должности ректора он обязан был присутствовать на придворных церемониях, по сути представляя университет в своем лице. Торжества по случаю совершеннолетия великого князя Константина Николаевича он описывает так: «Еду в Зимний дворец на большой выход. Там будет происходить присяга в. к. Константина Николаевича по случаю совершеннолетия (оно, впрочем, исполнится только 9 сентября 1848 г., да видно этот обряд необходим перед вступлением в брак). Сегодня надеюсь видеться с вашим канцлером (Норденстам). Когда воротился наследник, он из залы увидел меня и позвал одного к себе. Мы поцеловались и пошли в Его почивальню (холостую). … Через несколько минут после разговора о Строганове и нашем университете, цесаревич очень милостиво расстался со мной». Это свидетельство говорит о доверительных отношениях Плетнева с будущим Александром II и о внимании последнего к университетским делам, которое редко проявлял Николай I (письмо от 26 ноября 1847 года) [Переписка…, 1896: Т. 3: 171–172].

Если Николай I не жаловал университет своими посещениями, то время от времени туда наведывались другие представители царствующего дома, что, разумеется, упрочивало его положение. Так, в мае 1842 года Плетнев пишет о визите в университет великой княгини Елены Павловны, которая считалась «прогрессисткой»: «Приезжала осматривать университет наш. Министр и попечитель присутствовали при этом. Я пригласил к месту служения каждого из профессоров, имеющего на руках какой-нибудь кабинет. Сперва она пошла в церковь, в большой зал, затем в ботанический и зоологический кабинеты» (письмо от 12 мая 1842 года) [Переписка…, 1896: Т. 1: 561]. Плетнев нередко посещал дом министра С. С. Уварова, пользуясь его давним расположением. Он пишет: «Приглашен первый раз в Царское село, куда переехал уже Двор. Мне объявили, что наш министр Уваров уже три раза присылал звать меня на обед к нему. Там был и попечитель Волконский. После обеда долго разговаривали об университетских делах. Сам министр попросил нас курить сигары, как дома. Я не церемонился, вынул сигарочник и закурил с Волконским» (письмо от 20 мая 1842 года) [Там же: 571].

Отношения Плетнева с Уваровым отличались доверительностью, хотя часто осложнялись университетскими «казусами» и цензурными конфликтами. Оба они стремились оградить университет во время «политических бурь», сохранить высокий уровень преподавания наук. Но влияние Уварова постепенно слабело, а политические страсти заставляли волноваться. За год до европейских революций, ставших началом конца уваровской системы, Плетнев пишет: «Граф Уваров пригласил меня к себе обедать. Он не мог скрыть, что учреждение особого комитета для исследования действий цензуры колет его самолюбие и даже наводит на него некоторые опасения. Он мне показался жалким человеком. Прежде не обращал он ни малейшего внимания на действия в своем министерстве; а теперь трусит, как мелкий чиновник. Боится, что университет будет греметь» (письмо от 17 марта 1847) [Переписка…, 1896: Т. 3: 219].

Плетнев немало рассказывает в письмах о своем распорядке, быте, встречах, успехах университета. Он пишет: «Третьего дня, наконец, совершился наш акт. У меня гора с плеч свалилась. Мы получили дозволение провозгласить

почетным членом нашего университета в[еликого] к[нязя] Константина Николаевича и выбрали в это же звание его наставника Ф. П. Литке. В числе дам, посетивших акт, была Леонтьева, начальница Смольного монастыря» (письмо от 11 февраля 1848 года) [Переписка…, 1896: Т. 3: 189].

Об отдыхе и домашних делах Плетнев сообщает Гроту крайне редко, в основном их переписка сосредоточена на обсуждении университетских и научно-литературных дел. Тем не менее она дает возможность восстановить распорядок дня Плетнева-ректора, его перемещения в городском пространстве, структуру рабочего времени. В учебное время, с сентября по апрель, Плетнев жил с дочерью Ольгой в ректорском флигеле, продолжал в нем жить и после второй женитьбы на княжне А. В. Щетининой. Остальные месяцы проводил на даче. В конце сентября 1848 года он пишет: «В прошлое воскресенье, во 2-м часу, Оля со мной прибыла с дачи под мой кров. Я пригласил университетского священника отслужить с водосвятием молебен в ее комнатках, заново переделанных. Она всем была очень довольна» (письмо от 29 сентября 1848 года) [Переписка…, 1896: Т. 3: 331]. В летнее время ректор приезжал в город только по делам, требующим безотлагательного решения, в сентябре и мае, когда шли занятия в университете, проводил в городе три дня в неделю. Он пишет: «По субботам, средам и четвергам я в университете, а в прочие дни на даче. Вероятно, это последнее письмо с дачи. Завтра располагаюсь переехать в городу» (письмо от 25 сентября 1848 года) [Там же: 329].

В свою очередь, письма Я. К. Грота отражают блок вопросов, связанных как с общими проблемами развития Гельсингфорсского университета в середине XIX века, так и с организацией собственной профессорской деятельности. Гроту, как организатору кафедры русской словесности и истории, пришлось много работать над курсами лекций, советуясь с Плетневым. Именно по идее Плетнева, Грот должен был совмещать преподавание истории и современной или «высокой» русской литературы. Грот готовил лекционный курс, учебные пособия, выбирал формат лекций, стремясь преподавать более свободно. Он пишет: «На лекции выкинул я сегодня оригинальную по здешним нравам штуку. У нас на публичных лекциях принято неизменным правилом, что профессор преподает с кафедры, а студенты только слушают. Сегодня, не заходя на кафедру, я спросил, не намерены ли студенты вместе со мной читать Пушкина? Лекция будет в виде разговора. Вы будете по очереди читать и переводить, а я объяснять вам при поправках. Один из студентов ответил, что при множестве других предметов, нет времени готовиться особо к моим лекциям. Никакого приготовления не нужно, это будут не экзамены, а просто беседы. Здесь нужен живой язык. Все изъявили согласие, и час прошел незаметно. Если все и дальше согласятся, то сделаю очень важный шаг для преподавания русского языка» (письмо от 28 октября 1845 года) [Переписка…, 1896: Т. 2: 600]. Свободная форма проведения занятий по современной литературе, бывшая «изюминкой» самого Плетнева и им подсказанная, стала впоследствии основой преподавания русского языка и литературы в Гельсингфорсском университете.

По стилю переписки двух профессоров можно заметить, что их отношения — это все-таки отношения старшего и младшего. Как правило, Плетнев выступает в роли советчика и консультанта, он как опытный преподаватель и администратор дает советы Гроту в выборе методов преподавания, комментирует его успехи, рекомендует держаться той или иной

линии в отношениях с пестрой, многонациональной гельсингфорсской профессурой. При этом Плетнев явно исходит из норм отношений в сообществе столичных профессоров.

Сложным моментом в университетской службе Плетнева были 1848–1849 годы, когда после цикла европейских революций ужесточается режим преподавания и сокращается прием студентов. Многие преподаватели общественных наук снова оказались под подозрением, не исключая благомыслящего Плетнева. Кроме того, в 1849 году кончался срок его ректорских полномочий, предстояли выборы. Он уже явно тяготился ректорскими обязанностями и готов был их передать новому кандидату. Внутри университета царила мрачная атмосфера, усугубляемая действиями попечителя, М. Н. Мусина-Пушкина, который стремился командными методами воздействовать на профессорскую корпорацию и студентов. Его грубость вызывала внутренний протест у Плетнева, в письмах он не раз дает начальнику резкие характеристики.

Не всегда в академических конфликтах профессора были солидарны со своим ректором, не гнушались интриг и оговоров. В 1847 году произошел конфликт между профессором политической экономии В. С. Порошиным и попечителем, который уязвил Порошина прямо на докторском диспуте. Вскоре Порошин подал в отставку. Плетнев сообщает: «Порошин вышел в отставку — неизвестно, по какой причине. Он выслужил казенные годы за казенные воспитание. Но это, кажется, не беда остаться долее профессором: ведь не учителем. Попечитель (Мусин-Пушкин) с Порошиным, как и со мною, не был деликатен». Далее следует признание наличия в университете профессорских «партий», подыгрывающих самодуру-попечителю против своих коллег. Попечитель «у всех профессоров, по секрету, выпытывал, отчего Порошин вышел. Разумеется, никто не мог сказать причины. Один только нашелся… Михайло Куторга, который, зная, чего хочется попечителю, не обинуясь, сказал, что Порошин вышел по неприятности с ректором. “Так не я же причиной этого”, подхватил попечитель и тотчас отрапортовал так министру. А я только смеюсь над этими глупостями. Теперь и сам попечитель и по его поручению М. Куторга подбирают партии между профессорами, чтобы при предстоящем на днях новом выборе ректора передать от меня эту должность Устрялову. … Никто из них и подумать не умеет, как все проделки их для меня ничтожны» (письмо от 22 ноября 1847 года) [Переписка…, 1896: Т. 3: 169].

Выводы

Анализ форм сотрудничества, отраженных в личной переписке Я. К. Грота и П. А. Плетнева как представителей двух университетов, выявляет сходства и различия двух университетских моделей: университета столичного и территориального, каким являлся Александровский университет в Великом княжестве Финляндском. Другим примером территориального (национального) университета в основных чертах мог служить первый Варшавский (1816–1831). Он, как и университет в Гельсингфорсе, существовал достаточно обособленно в административном отношении от всех других университетов Российской империи. Обособленность эта выражалась в языке преподавания, наличии особенных уставов, существенно отличающихся от уставов 1804 года

и общеуниверситетского устава 1835 года. Эти отличия, естественно, проявлялись в структуре факультетов и кафедр, в особых источниках финансирования, этноконфессиональном составе профессоров и студентов, языке преподавания. Политическая составляющая этого своеобразия проявилась, например, в том, что во время европейских революционных событий 1848 года и последовавшего за ними «мрачного семилетия» Гельсингфорсский университет, в отличие от Петербургского, не подвергался санкциям и ограничениям по приему студентов.

Горизонтальные связи университетов Российской империи со временем укреплялись и усложнялись благодаря научному обмену и академическим миграциям. Окраинный, Гельсингфорсский университет не был выключен из этой сети. Для своего «младшего» партнера — Санкт-Петербургского университета он уже в 1840-х годах становится объектом распространения опыта преподавания русской истории, языка и литературы при научном посредничестве П. А. Плетнева. В то же время обаяние старинных университетских традиций и ритуалов, а также атмосфера свободы преподавания, царящая в старом шведском университете, вызывают стремление к заимствованию этих форм. Научное взаимодействие двух университетов в это время выстраивается как двустороннее, но ограниченное сферами русистики и финно-угроведения.

Список сокращений

ВКФ — Великое княжество Финляндское

МНП — Министерство народного просвещения

РГИА — Российский государственный исторический архив

РО ИРЛИ РАН — Рукописный отдел Института русский литературы Российской академии наук

ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

Список источников

Грот К. Я. Материалы для жизнеописания академика Якова Карловича Грота (1812–1893) хронологический обзор его жизни и деятельности. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1912. 54 с.

ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 1. Ед. хр. 17: Предложение, внесенное в апреле 1842 г. в Совет Императорского Санкт-Петербургского университета [о составлении истории университета]. Писарская копия.

ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 1. Ед. хр. 105: Письмо П. А. Плетнева к Я. К. Гроту 22 марта 1843 г.

Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым: Т. 1–3 / изд. под ред. [с предисл.] К. Я. Грота, орд. проф. Варшавского ун-та. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1896.

Плетнев П. А. Двухсотлетний юбилей Александровского университета // Переписка и сочинения: в 3 т. Т. 1. СПб.: Тип. Императорской АН, 1885. С. 433–445.

РГИА. Ф. 733. Оп. 23. Д. 145: О командировании в Гельсингфорсский университет ректора Плетнева и студентов университета. 1840.

РГИА. Ф. 733. Оп. 24. Д. 67: Дело о переводе учителя русского языка и литературы 2-й Петербургской гимназии С. И. Барановского и экстраординарного профессора Гельсингфорсского университета. 15–17 февраля 1843 г.

ЦГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 688: Об определении 50 учащихся духовных академий и семинарий. 1811.

ЦГИА Ф. 13. Оп. 1. Д. 1964: Об увольнении профессора Матвея Талызина по болезни и определении на его место П. А. Плетнева. 1832.

Чтения на торжественном акте императорского Санкт-Петербургского университета. 3 апреля 1841. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1841. 83 с.

Список литературы

Берендтс Э. Н. Императорский Александровский университет в Финляндии: Очерк его организации и значения в общественной жизни Финляндии. СПб., 1902. 270 с.

Бюклинг Л. Яков Грот в Финляндии, 1840–1853: профессор Александровского университета, посредник в литературных связях // Философский век: альманах. Вып. 38: Соединяя времена и народы. Яков Грот: к двухсотлетию со дня рождения. 2012. С. 22–53.

Вишленкова Е. А., Галиуллина Р. Х., Ильина К. А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: НЛО, 2012. 656 с.

Жуковская Т. Н. Казакова К. С. Anima universitatis: студенчество Петербургского университета в первой половине XIX века. М.: Новый хронограф, 2018а. 576 с.

Жуковская Т. Н., Казакова К. С. Университетские связи Петербурга и Дерпта в первой половине XIX в. и проблема единства академического пространства Российской империи // Восток — Запад: ежегодн. 2018б. Вып. 11. С. 83–99.

Ильина К. А. За фасадом уваровского классицизма: карьерные стратегии филологов-классиков в университетах Российской империи // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 2. С. 80–92.

Каллейнен К. Священные узы бюрократии — высшее чиновничество Финляндии и России, 1809–1898 гг. / пер. Б. И. Сергеева // Два лика России: сб. ст.: пер. с фин. / под ред. Тимо Вихавайнена. СПб.: Европейский Дом, 2007. С. 27–45.

Кетола К. Финны — московские стипендиаты. 1812–1917 гг.: сб. ст.: пер. с фин. / ред. Тимо Вихавайнен. СПб.: Европейский Дом, 2007. С. 46–66.

Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. «Единым вдохновением...». Очерки истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII — первой половине XIX в. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 228 с.

Петров Ф. А. Российские университеты в первой половине XIX в.: формирование системы университетского образования. Кн. 1–4. М., 2003.

Тишкин Г. А. И. П. Шульгин и П. А. Плетнев (История Санкт-Петербургского университета в освещении его ректоров) // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. Т. VII. С.75–99.

Философский век: альманах. Вып. 38: Соединяя времена и народы. Яков Грот: к двухсотлетию со дня рождения / отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб.; Хельсинки: С.-Петерб. центр истории идей, 2012. 355 с.

Шубин В. Ф. Вечера в ректорском флигеле // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. Л., 1984. Вып. V. С. 86–91.

Эконен К. Славянская библиотека Хельсинки в 1809–1924 гг. История организации // Гельсингфорс — Санкт-Петербург. Страницы истории (вторая половина XIX — начало XX в.): сб. ст. / под ред. Т. Вихавайнена, С. Г. Кащенко. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 8–23.

Сведения об авторах

Жуковская Татьяна Николаевна
кандидат исторических наук, доцент
Институт истории СПбГУ
Зиновьева Анна Павловна
студентка Института истории СПбГУ

Tatyana N. Zhukovskaya
PhD (History), Associate Professor
Institute of History, St. Petersburg State University
Anna P. Zinovieva
student, Institute of History, St. Petersburg State University

УДК 947.07 (093)
doi:10.37614/2307-5252.2021.1.20.008

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ РОСИЙСКОГО ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В 1839–1866 ГОДАХ

Е. А. Калинина
Петрозаводский государственный университет

Аннотация

Анализируется система духовного образования в российских духовных учебных заведениях. Показано, что созданное во время правления Николая I Духовно-учебное управление произвело значительные изменения в учебных курсах духовных школ. Автором выявлены противоречивые результаты в области духовного образования по итогам этих преобразований. В работе использованы законодательные акты, архивные и документальные материалы.

Ключевые слова:

духовное образование, Духовно-учебное управление, система духовно-учебных заведений

PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN SPIRITUAL EDUCATION SYSTEM IN 1839–1866

Elena A. Kalinina
Petrozavodsk State University

Abstract

The article analyzes the system of spiritual education in Russian theological educational institutions. It is shown that the Spiritual and Educational Directorate, created during the reign of Nicholas I, made significant changes in the curricula of theological schools. The author revealed contradictory results in the field of spiritual education following the results of these transformations. The work used legislative acts, archival and documentary materials.

Keywords:

spiritual education, Spiritual and educational administration, the system of spiritual educational institutions

Во второй четверти XIX века, с приходом к власти нового императора Николая I, Комиссией духовных училищ из отчетов о ревизиях духовно-учебных заведений было выявлено несовершенство реформы духовного образования (1808–1814) и преподавания учебных предметов в семинариях. Отмечался «недостаток общего единства и точного направления к главной цели духовного учения» [РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 10645. Л. 1]. Стремление же Николая I создать упорядоченную четкую систему не только светского, но и духовного образования, поставить его «на твердых и однообразных правилах», упорядочить ее внутреннее устройство, привело к созданию в июне 1838 года Комиссией духовных училищ особых «Правил насчет усовершенствования учебного устройства по усовершенствованию учебной работы духовных семинарий».

Введение в жизнь новых программ преподавания учебных предметов в духовных школах осуществляло Духовно-учебное управление при Святейшем Синоде, созданное 1 марта 1839 года. В Положении, регламентирующем его функции по управлению школами, говорилось: «Вникая в необходимость тесной связи между управлением православной церкви и воспитанием юношества, приготовляемого на священное служение оной, признали за благо сосредоточить в Святейшем Синоде, как в едином главном духовном правительстве империи нашей, высшее заведование духовно-учебною частью…, надзор за повсеместным исполнением существующих по сей части законов вверить обер-прокурору Святейшего Синода» [Положение…, 1840: 179]. Так «высшее попечение учебной и хозяйственной части учебных заведений» было передано Духовно-учебному управлению, а Комиссия духовных училищ, независимая от Святейшего синода, упразднялась.

Большие полномочия передавались обер-прокурору Святейшего синода, которому поручалось общее руководство и надзор за исполнением постановлений и указаний по духовно-учебному ведомству. Он получил полную власть над Духовно-учебным управлением, которое беспрекословно исполняло все его проекты. Это свидетельствовало о дальнейшей централизации и бюрократизации органов управления духовным образованием. Контроль за финансированием учебных духовных заведений находился в ведении Хозяйственного управления. Как заметил П. В. Знаменский, Духовно-учебное управление в это время «имело чисто канцелярский характер, вносивший в учебную администрацию совершенно чуждый для нее чиновничий элемент» [Знаменский, 1878: 18].

Характерным явлением деятельности Духовно-учебного управления при Святейшем синоде (1839–1855) стало постоянное изменение учебных курсов духовных учебных заведений. Инициатором нововведений в конце 1830-х годов в области духовного образования выступил обер-прокурор Святейшего синода граф Н. А. Протасов. Он считал, что достигнутый ранее высокий образовательный уровень духовных школ являлся нецелесообразным, так как не соответствовал «нуждам сельских прихожан».

В 1839 году были созданы «Правила по усовершенствованию учебной работы духовных семинарий». Они утверждали новые направления в преподавании учебных предметов. «Первейшими предметами» в семинариях назначались словесность и красноречие, цель которых «образовать человека, который бы мог правильно, свободно, вразумительно и убедительно беседовать с народом об истинах веры и нравственности». В структуре учебного курса больше времени

отдавалось на изучение богословских предметов, произведений церковных и духовных писателей. Образцы светского красноречия преподавались кратко, «мимоходом». Ученикам заниматься составлением поэтических сочинений считалось вредно, а достаточно было научиться называть правила стихотворства светской поэзии. Учителям требовалось «всемерно остерегать юные умы от незаконных порождений поэзии, в которых преобладает страсть и чувственность» [РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 10645. Л. 3]. Основным образцом для изучения являлось Священное Писание.

Богословские науки по реформе Н. А. Протасова основывались на консервативных началах. Учебный предмет церковной истории разделялся на два направления: общая церковная история и история российской церкви. Значительному изменению подвергся курс философии, в котором сохранили только преподавание логики и психологии. «Философия есть наука, которая нередко прекословит себе и другим, — указывалось в Правилах, — и сама виновна в восстающем нередко против нее прекословиях…» [РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 10645. Л. 6об]. Так, в среднем отделении вместо философии ввели преподавание церковной библейской истории, присовокупив богословско-историческое учение о святых отцах. Утверждалось, что логика должна научить учащихся последовательно и правильно мыслить, а «не отуманивать отвлечениями критицизма», метафизика — раскрыть главные понятия о Боге, его провидении и мироправлении, о духовности и бессмертии человеческой души.

В преподавании новых языков предлагалось «удерживаться» от чтения светских и иноверческих, сектантских сочинений. Обучение истории в семинариях необходимо было охранить от «усиленного критицизма, который окружен односторонней логикой и покушается разрушить исторические понятия достовернейшей о начале истории рода человеческого и древних народов», а также оградить воспитанников от «неосмотрительного политического направления, порождающего в незрелых умах наклонность судить о том, что не должно подчиняться их суждению» [РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 10645. Л. 4–4об].

В духовно-учебных заведениях запрещались «состязания и словопрения». Вместо диспутов, с успехом проводившихся в семинариях до этого времени, вводились простые катехизические беседы (чтение книг Ветхого Завета, Священного Писания, четырех Евангелий, Апостольских посланий. «Главной целью богослужебных наук, — говорилось в Правилах, — приготовление будущих сельских священников, которые могли бы приспособиться и применять свои познания в беседах с простолюдином, рожденным в магометанстве или язычестве или совращенной от христианства церкви». В конечном счете преподавателям необходимо было стремиться «к блестящей, но холодной учености» [РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 10645. Л. 5].

В математическом курсе было усилено практическое направление. Программа по алгебре осталась без изменений, а геометрия была усилена занятиями по измерению земли, составлению картографических схем, планов местности. Учитель был обязан обучать учеников практическому измерению земельных участков на местности. Для практических занятий предлагалось снабдить семинарии необходимыми инструментами: транспортирами, астролябиями, мерными цепями, геометрическими столиками и другими.

Правила 1840 года регламентировали условия составления и написания сочинений, которые по-прежнему составлялись на русском и латинском языках: четыре сочинения в месяц на каждого ученика — в низшем отделении, три

сочинения в месяц — в среднем отделении, в высшем отделении — два сочинения в месяц и одна проповедь в каждой трети года. Письменные работы должны быть написаны языком, «вразумительным и ближе к понятиям прихожан простолюдинов».

По мнению Н. А. Протасова, программы учебных курсов духовных учебных заведений должны были ориентировать учащихся на нужды сельского быта. Так, в число новых предметов вошло преподавание медицины. Входя в дом поселянина для духовного врачевания, священник мог дать полезные советы по поводу лечения больных: «принести к одру болящего и врачевание телесное». При этом от него требовались не глубокие медицинские знания, а только общие начальные сведения этой науки.

Здесь следует обратить внимание, что вопрос о преподавании медицины в духовных учебных заведениях в Святейшем синоде рассматривался еще в октябре 1798 года. Синод рекомендовал семинаристам «посещать семинарских лекарей», чтобы «иметь понятия о врачевании болезней». В июне 1802 года в некоторых российских семинариях был введен курс обучения «понятий о врачебной науке», чтобы духовенство могло оказывать «простую и близкую» помощь сельским жителям в случаях болезни. Однако из-за отсутствия «способных медицинских чиновников» во многих семинариях медицинские науки не преподавались [О преподавании…, 1896].

В июле 1811 года Святейшим синодом рассматривался вопрос о содействии духовенства и обучении в духовных училищах оспопрививанию. В начале XIX века Вологодским епископом Евгением (Болховитовым) было составлено «Пастырское увещание о привитии оспы» [РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 512. Л. 2]. Например, в Минской духовной семинарии с 1811 года учили прививать оспы, а священники читали не менее трех раз в год «увещания» о необходимости этого мероприятия. По распоряжению Минской консистории благочинные доставляли в оспенный комитет сведения о привитых детях [Шевкун, 2016: 144]. Но это продолжалось недолго. До 1836 года в российских духовных семинариях не происходило обучения способам прививания. Только в 1836 году в виде опыта обучение оспопрививанию началось в Харьковском коллегиуме и подведомых ему духовных училищах, а также в Кишиневской духовной семинарии [РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 9396, 9472].

Введение преподавания основ медицины в 1840-е годы предназначалось для сельских священников, которые, в отсутствие медицинских работников в селах и деревнях, могли бы способствовать внедрению основ профилактики этих заболеваний среди паствы, борьбе со знахарством. Нередко, кроме священника, в приходе не было никого, кто мог бы помочь сельскому жителю.

Программу по преподаванию медицины в марте 1839 года рассматривал Медицинский совет при Министерстве внутренних дел. Он, в частности, отметил что «основательного врачебного образования в семинариях духовному юношеству дать невозможно», а в состав руководства по преподаванию медицины должно войти: «распознавание внутренней и наружной болезни» при помощи домашних средств, оказание первой медицинской помощи «мнимо умершим, угоревшим, отравленным, утопшим, замершим, задохнувшимся и прочим».

В качестве учебного руководства предлагался «Сельский лечебник» лейб-медика М. А. Маркуса, изданный в 1833 году, в котором давались понятия об употреблении, приготовлении и действии домашних лекарств [Маркус, 1833]. Впоследствии основным учебным пособием по преподаванию медицины являлось

«Врачебно-народное наставление для духовных училищ» С. Ф. Хотовицкого [Хотовицкий, 1844]. В нем излагались общие сведения об анатомии, патологии и терапии, учащиеся знакомились с имеющимися у народа суевериями и предрассудками, с правилами по сохранению здоровья и с предосторожностями при появлении болезней и их лечении.

Практические занятия по медицине проводились в семинарской больнице, где «многие из болезней объяснялись при постелях больных» [РГИА. Ф. 802. Оп. 8. Д. 22844, Л. 169об; Д. 24058, Лл. 115–116]. Должности преподавателей медицины отводились лекарю семинарии или опытным медицинским чиновникам.

Кроме медицинских знаний, в учебную программу семинарий вводился курс основ земледелия: для распространения между поселянами сельскохозяйственных познаний и с целью «открыть обильные средства к безбедному содержанию (священников. — *Е. К.*) посредством улучшений в обрабатывании отведенной к церкви земельных участков» [РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 11039. Л. 3]. Мероприятия по приобщению крестьян к новым способам ведения сельского хозяйства проводились при участии Министерства государственных имуществ. В своей записке на имя императора Николая I министр П. Д. Киселев писал о необходимости «приспособить воспитание сельского духовенства к потребностям нравственного состояния и сельского быта прихожан простолюдинов» [РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 11039. Л. 6].

Митрополит Филарет (Дроздов) отметил: «Не только Синод, но, думаю, что и граф Протасов, не имели в виду вводить эти предметы. А введены они по особому случаю... Граф Киселев предложил, чтобы для образования священников по его ведомству была бы особая семинария под его начальством. Эта мысль полюбилась государю. Что было делать Синоду? Зная, что государь, приняв благосклонно мысль, старался непременно привести ее в исполнение, и, опасаясь неблагоприятных последствий от этой семинарии, из которой стали бы выходить «кисельные попы», Синод решился ввести преподавание медицины и сельского хозяйства в семинарии и таким образом предотвратить появление семинарии киселевской» [Архиепископ…, 1907: 145–146].

В январе 1839 года в Ученом комитете Министерства государственных имуществ В. Ф. Одоевским была составлена «Программа для обучения духовного юношества сельскому хозяйству». В ней указывалось, что цель обучения этому предмету в том, чтобы образовать в лице сельского священника не ученых-профессоров, а людей, знающих только общие начала сельского хозяйства: «если не выше, то, по крайней мере, не ниже крестьян и в сем предмете». Программа обучения сельскому хозяйству включала в себя разделы: 1) землепашество, 2) луговодство, 3) садоводство и огородничество, 4) лесоводство, 5) скотоводство, 6) домоуправление (уход за домашними животными, сохранение урожая, употребление меда, муки, пива, уксуса, вина, свекловичного сахара, сельские ремесла) [РГИА. Ф. 802. Оп. 1 Д. 11039. Л. 49–54]. Интересно, что в 1850 году при некоторых семинариях были обустроены учебные фермы для ознакомления воспитанников на практике с улучшенной методой сельского хозяйства [РГИА. Ф. 802. Оп. 2. Д. 11439].

Программы по медицине и сельскому хозяйству официально были приняты на заседании Святейшего синода 10 мая 1839 года.

В семинариях для учащихся высшего отделения вводились уроки иконописания. Ученики изучали технику живописи, занимались составлением изображений Святых отцов, мучеников Русской Православной Церкви, преподобных по древним подлинникам и рисункам. На уроках применялись масляные, акварельные и яичные краски, а также пастельные карандаши. Чаще всего иконы копировали с оригиналов. Изделия воспитанников использовали в качестве оформления храмов и классных помещений учебных заведений.

Кроме того, в курс духовных семинарий вводились целые отделения миссионерского направления, причем как «восточных» — противомусульманских, так и исконно русских — против раскола.

Вследствие новых преобразований требовался пересмотр всех руководств по преподаванию учебных предметов. К их составлению были привлечены преподаватели Духовных академий и представители епархиальной службы. Однако в короткий срок этого сделать не удалось, поэтому обучение новым предметам происходило по старым конспектам с присоединением имеющихся в семинарских библиотеках книг. Многие семинарии не имели программ, учебников и инструментов для проведения практических занятий.

До 1830-х годов преподавание большинства учебных предметов в духовных школах велось на латинском языке. Сами семинаристы говорили, что «от беспрерывного употребления писали мы на латинском языке изящнее, нежели на русском. Ибо древний язык был у нас перед глазами в книгах, в его праздничном или парадном облачении, тогда как русский мы знали более в деревенском его непривлекательном костюме» [Хергозерский, 1902: 70]. Впрочем, как показало время, такое учение приносило незначительную пользу для будущих церковнослужителей сельских приходов. В провинциальных селах и деревнях необходимо было разговаривать с прихожанами на русском языке, а не на языке Горация. Это не соответствовало задачам нововведений: «умению нисходить к понятиям простого народа и беседовать с ними о спасительных истинах веры и христианских обязанностях языком простым и вразумительным» [Островский, 1902: 160]. В связи с этим в 1840 году все учебные предметы в семинарии преподавались на русском языке.

Как отметила петрозаводская исследовательница И. Н. Ружинская, необходимость преподавания на русском языке поддерживалась тогда преподавателями Санкт-Петербургской, Московской, Киевской духовных академий. Одним из первых на русском языке стало преподаваться нравственное богословие. Однако были и противники данного направления. Против перехода на русский язык в духовных школах выступил, например, известнейший церковный деятель того времени архиепископ Рязанский Филарет (Амфитеатров), опасавшийся снижения уровня «учености» обучавшихся, проникновения в духовную среду светскости, «вольнодумства» и всякого рода «еретических заблуждений» [Ружинская, 2009: 35].

По решению Святейшего Синода новые Правила в семинариях были введены в Московском и Казанском учебных округах с 1840 года, в Санкт-Петербургском и Киевском учебных округах — с 1841 года.

«Протасовская» реформа духовного образования коснулась уездных и приходских училищ. В сентябре 1845 года вышло в свет «Положение об устройстве учебной части в духовных училищах», в соответствии с которым значительно усиливалось религиозное направление. Так, в уездных училищах

при обучении чтению необходимо было использовать книги преимущественно церковной печати. Воспитанники должны были знать и уметь пересказать содержание Священного Писания, воскресных и праздничных чтений из Евангелия и Апостольских посланий, церковный устав. Из церковной и русской истории выбирались примеры благочестия и христианских добродетелей, чтобы на уроках отечественной истории научить учащихся «любви к Отечеству и благовейному почтению памяти предков». На уроках географии показывать разделение России на епархии, а также знать, сколько церквей, монастырей, духовенства, духовных учебных заведений находится на их территориях. Знание математики ограничивалось изучением способов счисления и применения их на практике. Учащиеся должны были уметь петь по нотам и знать церковные напевы и обязательно совершать практические упражнения богослужений в храме [РГИА. Ф. 802. Оп. 5. Д. 1843. Лл. 8–12].

Целью духовных приходских училищ являлось приготовление более способных детей духовного звания к семинарскому образованию, а менее способных — к церковно-служительским должностям при православных храмах, преимущественно сельских. В учебный курс общеобразовательных предметов приходского училища вводились богословские дисциплины: церковное пение по нотам, церковный устав, познание церковных обрядов и священнодействий, церковной статистики, Священного Писания. Начальное духовное обучение становилось образованием законченным: выпускники низших училищ могли стать причетниками в сельских приходах [РГИА. Ф. 802. Оп. 5. Д. 1843. Л. 1].

Новые правила в низших духовных учебных заведениях были введены в Санкт-Петербургском и Киевском учебных округах в 1845/46 учебном году, а в Московском и Казанском — в 1846/47 учебном году.

Следует отметить, что «протасовская» реформа российского духовного образования сохранила духовно-учебные округа и систему управления духовно-учебными заведениями. Духовные академии продолжили руководство и проведение ревизий подведомственных им духовных школ [Жуковская и др., 2019: 81–85]. Сохранившиеся в архиве «Журналы внешнего правления» Санкт-Петербургской духовной академии иллюстрируют ее деятельность по управлению подведомственными духовными семинариями (в том числе и Олонецкой семинарии, открытой в 1829 году). В Журналах находятся протоколы еженедельных заседаний правлений.

Рассмотрим «Журнал внешнего правления за июнь-октябрь 1839 года». Относительно Олонецкой семинарии на заседаниях академического правления в июне 1839 года рассматривались вопросы: отчет по экономическим суммам за 1838/39 учебный год, ходатайство на присвоение чина коллежского секретаря учителю Петрозаводского уездного духовного училища М. И. Остроумову, предписание Святейшего синода о назначении дочерям умершего учителя того же училища А. И. Громова Александре единовременного пособия 50 руб. и несовершеннолетней Екатерине — пенсии 50 руб. до ее замужества, а также результаты судебного расследования по итогам ревизии Олонецкой духовной семинарии Платона (Городецкого) в 1833 году [ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 1953. Л. 26об.–40].

В августе этого же года на заседаниях были заслушаны рапорты семинарских правлений о наличии свободных учительских вакансий в духовно-учебных заведениях Петербургского духовно-учебного округа. Судя

по представлению Олонецкой духовной семинарии, таковых вакансий на 1839/40 учебный год не оказалось. Правление академии приняло решение о назначении на должности учителей в Новгородскую и Тверскую семинарии. В сентябре правление произвело назначение врачей при семинарских больницах. Врачом Олонецкой духовной семинарии был утвержден А. П. Голиков. Далее в октябре в академическом правлении рассматривались вопросы о приобретении материала для шитья одежды учеников духовных школ, о реестрах книг для раздачи бедным учащимся, а также итоги ревизии Олонецкой семинарии в июне 1839 года, назначение пенсии ректору Каргопольского духовного уездного училища И. С. Нечаеву, помощь семинарской библиотеке после пожара в здании Олонецкой семинарии и в связи с этим событием — утверждение списка утраченных книг [ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 1953. Л. 117–211].

Таким образом, созданное во время правления Николая I Духовно-учебное управление (1839–1855) произвело значительные изменения в учебных курсах духовных школ. Однако преобразования духовной школы привели к противоречивым результатам в области духовного образования. В результате проведения реформы Н. А. Протасова в семинарии преподавалось 26 учебных предметов (до 1840 года — 17), а штатное расписание учителей не изменилось. Многие преподаватели вели по 4–8 предметов одновременно. Например, в 1826 году учитель Петрозаводского уездного училища М. А. Остроумов преподавал латинский, греческий языки, Священную историю и географию. В 1842 году профессор Олонецкой семинарии С. Е. Леонтьев — катехизическое учение, учение о богословских книгах, всеобщую, российскую гражданскую историю, греческий язык. В 1862 году Н. А. Одинцов в семинарии обучал математике, еврейскому языку, каноническому праву, церковной и библейской истории. Е. И. Чернявский, Е. И. Дмитриев неоднократно при отсутствии учителей одновременно являлись учителями уездного и приходского училищ. Превзошел всех М. Ф. Спиридов, который в конце 1850-х годов в Олонецкой семинарии и Петрозаводском уездном училище одновременно преподавал 12 учебных курсов. Такое положение дел являлось характерной чертой всех российских духовно-учебных заведений в 1840–1860-е годы. Изменения в сторону увеличения численности учебных часов в программах духовно-учебных заведений, а также кадровая проблема вынуждала учителей брать на себя дополнительные уроки.

Такая многопредметность нарушала созданную Уставом 1814 года целостную и стройную программу обучения в духовных учебных заведениях. За счет введения новых предметов сокращались важные для подготовки пастырей предметы богословского направления. «Из ученика семинарии хотят сделать немножко богослова, немножко философа, немножко ритора, агронома, медика», что привело к бессмысленности семинарского образования, — писал историк церкви И. С. Беллюстин [Беллюстин, 1958: 28]. Поверхностное и краткое изучение новых дисциплин (медицины, сельского хозяйства и др.) не превращало семинариста в квалифицированного специалиста — медика, агронома, однако значительно ограничивало его возможности в достаточной мере овладеть специальностью. Нередко окончившие полный курс семинарии не знали элементарных вещей, необходимых для священнослужительской деятельности, и в связи с этим постигали навыки служения уже в процессе непосредственной работы в церковном приходе.

С приходом на престол Александра II в стране стали происходить изменения в культурной, социальной и экономической сферах жизни, что было своего рода вызовом для новой реформы духовных школ.

Список сокращений

РГИА — Российский государственный исторический архив

ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

Список источников

Положение о Духовно-учебном управлении при Святейшем Синоде // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 14, ч. 1. № 12070. СПб., 1840. С. 179–183.

РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 512.

РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 9396, 9472.

РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 10645.

РГИА. Ф. 802. Оп. 1 Д. 11039.

РГИА. Ф. 802. Оп. 2. Д. 11439.

РГИА. Ф. 802. Оп. 5. Д. 1843.

РГИА. Ф. 802. Оп. 8. Д. 22844.

РГИА. Ф. 802. Оп. 8. Д. 24058.

ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 1953.

Список литературы

Архиепископ Леонид (Краснопевков). Из записок высокопреосвященного Леонида, архиепископа Рязанского. М.: Университетская тип., 1907. 413 с.

Беллюстин И. С. Описание сельского духовенства. Берлин; Париж; Лондон, 1858. 168 с.

Жуковская Т. Н., Калинина Е. А., Казакова К. С. Система инспектирования и контроля деятельности училищ светского и духовного ведомств в XIX веке: цели, формы, эффективность // Труды Кольского научного центра РАН. 2019. Т. 10, № 2, вып. 16. С. 77–92.

Знаменский П. В. Основные начала духовно-училищной реформы в царствование императора Александра I. Казань: Тип. университета, 1878. 42 с.

Маркус М. А. Сельский лечебник. Краткое наставление о первых пособиях во внезапных и опасных случаях до прибытия врача. М.: Тип. Авг. Семена при Императорской Медико-хирургической академии, 1833. 134 с.

О преподавании медицины // Олонецкие губернские ведомости. 1896. № 25.

Островский Д. В. Олонецкая духовная семинария // Олонецкие епархиальные ведомости. 1902. № 4. С. 158–170.

Ружинская И. Н. Реформирование духовных семинарий в императорской России // Олонецкая духовная семинария и православная духовность в Олонецком крае: материалы регион. конф., посв. 180-летию Олонецкой духовной семинарии (17–18 ноября 2009 г., Петрозаводск). Петрозаводск, 2012. С. 31–37.

Хергозерский А. Н. Из прошлого Олонецкой духовной семинарии // Олонецкие епархиальные ведомости. 1902. № 2. С. 66–72.

Хотовицкий С. Ф. Врачебно-народное наставление для духовных училищ. СПб.: Синодальная типография, 1844. 77 с.

Шевкун П. В. Православная церковь в коммуникативных процессах конца XVIII — первой половины XIX в. // Вопросы истории. 2016. № 6. С. 141–150.

Сведения об авторе

Калинина Елена Александровна
доктор исторических наук, профессор кафедры теории и методики физического воспитания Институт физической культуры, спорта и туризма Петрозаводского государственного университета

Elena A. Kalinina
Doctor of Sciences (History), Professor of the Institute of Physical Culture, Sports and Tourism, Petrozavodsk State University

УДК 903.27
doi:10.37614/2307-5252.2021.1.20.009

НОВЫЕ НАХОДКИ ПЕТРОГЛИФОВ НА КАНОЗЕРЕ В СКОПЛЕНИИ ЕЛОВЫЙ 3

В. А. Лихачев
Университет Лапландии, Рованиеми, Финляндия

Аннотация

За период 2016–2019 годов в группе Еловый 3 (остров Еловый, Канозеро) было выявлено значительное количество неизвестных ранее петроглифов рядом с ранее задокументированными. Их обнаружению способствовало применение фотограмметрии и тщательная ночная фотосъемка скал с петроглифами. Количество новых выявленных выбивок в данной группе более 150. Около ста фигур распознаваемы и попадают в одну из принятых в изучение наскального искусства категорий: антропоморфы, зооморфы и др. Данные находки расширяют наши представления о стилистическом разнообразии петроглифов Канозера. В этой работе вводятся в научный оборот новые мотивы и композиции наскальных изображений, как имеющие аналоги, так и ранее не характерные для Канозера.

Ключевые слова:

Канозеро, петроглифы, наскальные рисунки, Фенноскандия, новые находки, наскальное искусство, фотограмметрия, объект культурного наследия

NEW FINDINGS OF PETROGLYPHES AT KANOZERO IN ELOVIY 3 PANEL

Vadim A. Likhachev
University of Lapland, Rovaniemi, Finland

Abstract

For the period 2016–2019 a significant number of previously unknown petroglyphs were revealed in the Elovy 3 panel (the Elovy Island, Kanozero Lake). Detection of petroglyphs was facilitated by the use of photogrammetry techniques, careful night photographing of the panel with petroglyphs. The total number of new revealed rock carvings is is over 150, among them about hundred figures are recognizable and fall into one of the categories accepted in the study of rock art (anthropomorphs, zoomorphs, etc.).These findings expand our ideas about the stylistic diversity of the Kanozero petroglyphs. In this work, new motifs and compositions of rock carvings are introduced, both having analogues and previously not typical for the Kanozero rock art complex.

Keywords:
Kanozero, rock carvings, documentation of petroglyphs, new finds, rock art, photogrammetry, objects of cultural heritage

Введение

Наскальные рисунки Канозера расположены на островах Канозера (озерное расширение реки Умба) в южной части Кольского полуострова (Мурманская область, Россия). Наряду с такими скоплениями северной Фенноскандии, как Альта, Немфорсен, Винген, устье реки Выг (возле г. Беломорск) и Онежское озеро, они относятся к крупнейшим скоплениям петроглифов «охотничьей традиции» Фенноскандии [Shumkin, 2000; Poikalainen 2004; Gjerde, 2010; Колпаков, Шумкин, 2012; Лобанова, 2015; Janik, 2017 и др.].

Поиск и документирование петроглифов на Канозере ведется с момента их открытия в 1997 году [Иванов, 2001; Лихачев, 2007; Likhachev, 2018]. Некоторые результаты исследований публиковались в ряде статей и книг [Kolpakov et al., 2008; Gjerde, 2010; Лихачев, 2011]. По состоянию на 2011 год выявлено более 1200 выбивок в 18 группах на трех островах и одном «материковом» скальном выходе [Колпаков, Шумкин, 2012: 16].

В период с 2016 по 2019 годы сотрудниками музея-заповедника «Петроглифы Канозера» в результате мониторинга обнаружено пять новых скоплений петроглифов [Лихачев, 2020]. Число новых изображений, выявленное в уже известных скоплениях, также значительно возросло.

Группа Еловый 3. Краткое описание

Группа *Еловый 3* расположена на втором по величине острове Канозера — *Малый Подмунский*, который в археологической литературе получил название *Еловый* (рис. 1). На данном острове выявлено 7 групп, последняя — *Еловый 7* в 2018 году [Likhachev, 2018: 67, Лихачев, 2020] (рис. 2).

Рис. 1. Фрагмент карты-схемы Канозера с указанием расположения острова Еловый. Иллюстрация В. Лихачева

Рис. 2. Расположение скоплений петроглифов на острове Еловый. Фотография 2008 г. Иллюстрация В. Лихачева

Согласно опубликованным данным [Колпаков, Шумкин, 2012: 28], панель[1] *Еловый 3* является самым крупным по площади скоплением петроглифов на острове Еловый (21×3 = 63 м^2) и третьим по площади среди скоплений Канозера. По данным 2019 года можно констатировать увеличение площади панели с петроглифами до 165 м^2 (33×5). Таким образом, это скопление можно считать вторым по площади после панели *Каменный 7* (14×14 = 196 м^2). Перепад высот на панели Еловый 3 составляет около 0,6 м [Колпаков, Шумкин, 2012: 28]. Петроглифы расположены у линии уреза воды в озере, и значительная их часть перекрывается водой во время весенних паводков и может находится под водой в течение всего летнего сезона (рис. 3).

Рис. 3. Вид с севера на панель Еловый 3. Чередование темных и светлых полос на скале отражает изменение уровня воды в последние годы. 2019 г. Фото В. Лихачева

[1] Здесь и далее «панелью» называется участок поверхности скалы с петроглифами. Является калькой с английского языка общеупотребительного термина для поверхности с наскальными рисунками. В данном контексте употребляется как синоним выражения «группа петроглифов».

Методы выявления

В качестве методов выявления и документирования петроглифов использовались ночная фотосъемка и фотограмметрия [Лихачев, 2017; Rabitz 2013; Meijer 2015].

По полученным с помощью фотограмметрии снимкам 3D-моделей создавались прорисовки изображений в графических редакторах:

1) схемы панелей с петроглифами или сегменты панелей на основе изображения 3D-модели с текстурой, на которой отмечено расположение фрагментов с выявленными новыми петроглифами;

2) схемы на основе графической копии 3D-модели, без текстуры выявляющие рельеф поверхности панели. Черным отмечены петроглифы, ранее опубликованные в каталоге (Колпаков, Шумкин, 2012), красным — вновь обнаруженные петроглифы и выбивки, перешедшие из разряда неясных и фрагментарных изображений в разряд поддающихся интерпретации;

3) «псевдопротирки» — изображения поверхности скалы на основе 3D-модели, обработанной специальным программным фильтром. В этом случае объемная копия переводится в плоскостное изображение, на котором глубокие выбивки показаны темнее, чем мелкие, а также воспроизводятся все элементы микрорельефа. Это помогает оценить различия не только в глубине, но и в технике выбивки и степени сохранности скальной поверхности. Данная обработка 3D-модели напоминает графитные копии петроглифов («протирки») и поэтому получила такое название.

Новые находки в группе Еловый 3

Прежде чем мы перейдем к описанию новых находок, предлагаем разделить на схеме панель Еловый 3 на несколько сегментов. Границами данных сегментов являются естественные трещины скальной поверхности, имеющие простирание W–E (с Запада на Восток). Всего этих сегментов на данный момент 8, и они имеют обозначения: E3.1, E3.2, E3.3, E3.4, E3.5, E3.6, E3.7, E3.8 (рис. 4). Отдельно рассматриваются фрагменты сегментов, имеющие нумерацию типа: E3.1/1, E3.1/2 и т. п.

Хронология открытий

После публикации первого каталога петроглифов Канозера (Колпаков, Шумкин, 2012) в группе Еловый 3 выявляются неизвестные ранее фигуры. В сентябре 2012 года был выявлен фрагмент изображения, которое оказалось сложным геометрическим узором (рис. 5) [Likhachev, 2018: 52]. В 2019 году выявлено изображение, задокументированное еще в 1999 году, но не попавшее в вышеупомянутый каталог (рис. 6).

В 2016–2018 гг. в результате документирования скальной поверхности группы Еловый 3 было выявлено значительное количество новых изображений, уточнены ранее опубликованные. Естественной очистке скалы от мха и лишайника способствовали мощные весенние ледоходы. Также скалы обнажились по причине сильного падения уровня воды в озере (см. рис. 3), что способствовало выявлению новых петроглифов. В 2019 году после расчистки задернованной части скалы сотрудниками Кольской археологической экспедиции было выявлено еще некоторое количество новых изображений, в основном в сегменте E3.4 [Киселева, Колпаков, 2019].

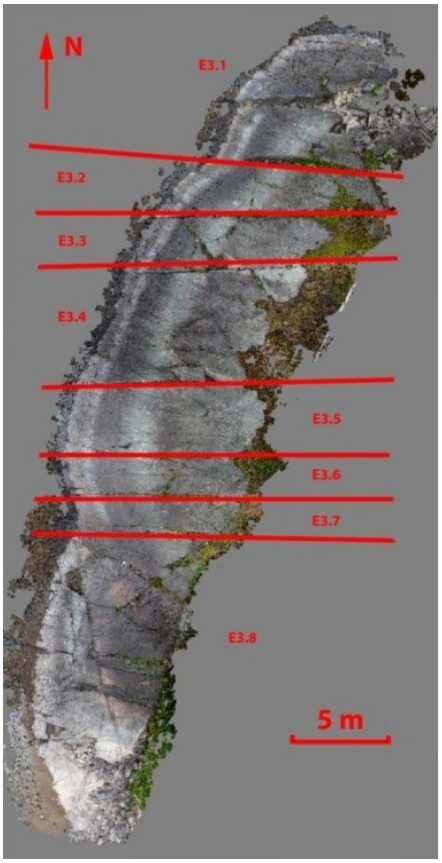


Рис. 4. Схема разделения панели Еловый 3 на сегменты. Иллюстрация В. Лихачева

Рис. 5. Геометрический орнамент (фрагмент). Сегмент Е3.5. Сентябрь 2012 г. Фото с затемнением В. Лихачева

Рис. 6. Антропоморфное изображение. Сегмент Е 3.8. 1999 г. Фото В. Лихачева

Еловый 3.1

В сегменте Е3.1 (рис. 7) уверенно определяется 6 фигур (рис. 8–10): 2 антропоморфа, 2 неясные фигуры, 2 чашечных углубления. Еще около 11 выбивок (в основном чашечные углубления) на данный момент трудно с полной уверенностью охарактеризовать как выбивки искусственного происхождения.

Еловый 3.2

В сегменте Е3.2 (рис. 11) уверенно определяется 5 новых изображений (рис. 12–13). Среди них одна сложная фигура, похожая на «личину» с двумя «глазами», фигура профильного антропоморфа, «след медведя» (из цепочки ранее выявленных).

Еще порядка 11 выбивок — чашечные углубления и некоторые кривые линии, похожие на изображение «лыжни», на данный момент трудно с полной уверенностью охарактеризовать как выбивки искусственного происхождения. Изображения сильно затерты льдами. Часть из них, например, «личина», по степени сохранности контрастирует с рядом выбитым двуногим зооморфом, что говорит пользу более древнего возраста «личины».

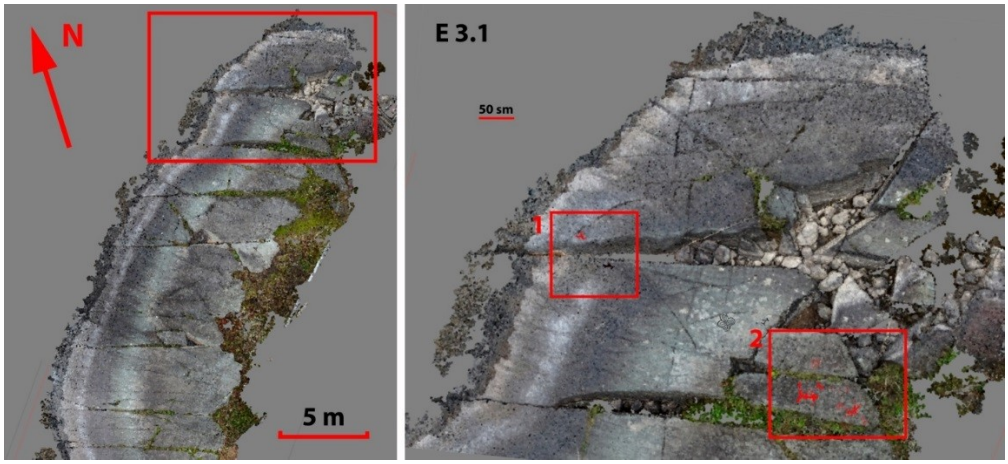


Рис. 7. Сегмент Е3.1. Красными квадратами выделены два участка (Е3.1/1 и Е3.1/2), где выявлены новые выбивки. 2019 г. Иллюстрация В. Лихачева

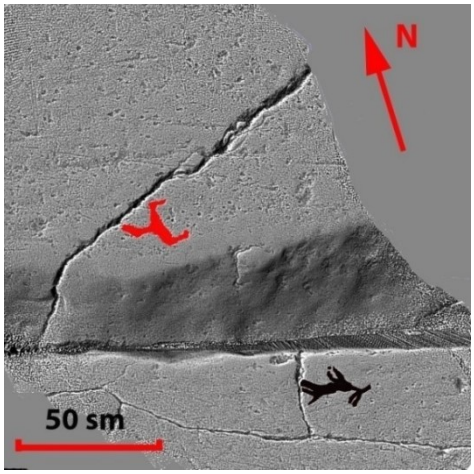


Рис. 8. Фрагмент Е3.1/1. Новое изображение (красное), известное (черное). 2019 г. Иллюстрация В. Лихачева

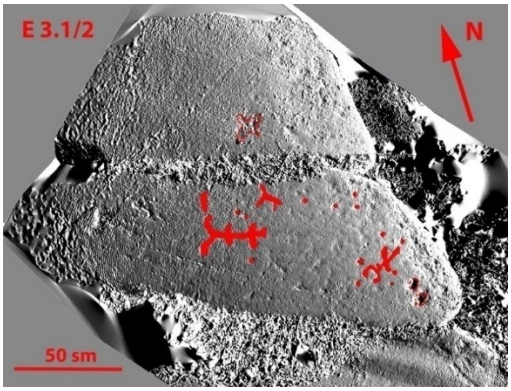


Рис. 9. Антропоморфные выбивки и чашечные углубления. Фрагмент Е3.1/2. Иллюстрация В. Лихачева

Рис. 10. Антропоморфный петроглиф и чашечные углубления. Петроглифы из фрагмента Е3.1/2. 2016 г. Фото Г. Ильина

Рис. 11. Сегмент Е3.2. В красных квадратах выделены фрагмента Е3.2/1 и Е3.2/2. Иллюстрация В. Лихачева

Рис. 12. Неизвестный ранее петроглиф «личина» (вверху) и известный зооморфный петроглиф — «олень» (внизу). Фрагмент Е3.2/1. 2017 г. Ночное фото В. Лихачева

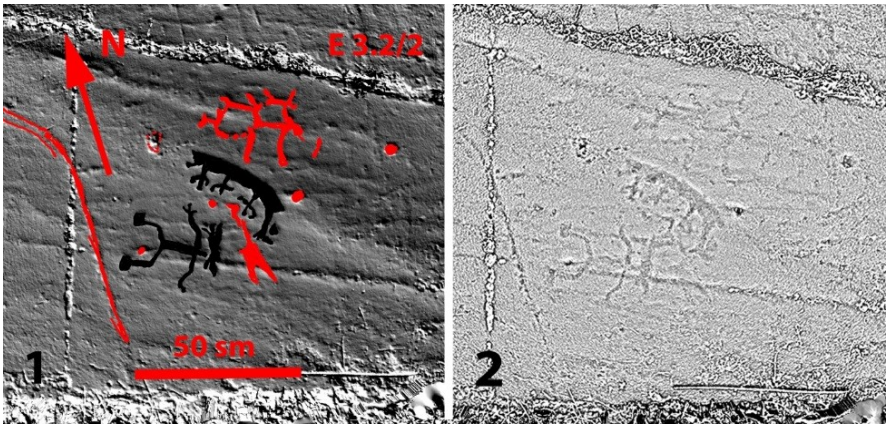


Рис. 13. Фрагмент Е3.2/2:
1 — прорисовка петроглифов на 3D-модели; *2* — «псевдопротирка» на основе 3D-модели. Фрагмент Е3.2/2. Иллюстрация В. Лихачева

Еловый 3.3

В данном сегменте панели Еловый 3 выявлено 9 неизвестных ранее изображений (рис. 14–16): 8 антропоморфных фигур, 1 — зооморфная, 2 — чашечных углубления и 19 неясных выбивок (возможно, фрагменты несохранившихся фигур). Уточнен ряд опубликованных ранее изображений. Так, две фигуры из категории «неясные» были переопределены как три антропоморфные фигуры. У небольшого «колеса» (рис. 15–16, внизу слева) определено, что каждая из пяти «спиц» состоит из трех линий. Это сильно отличается от воспроизведения данной фигуры в каталоге [Шумкин, Колпаков, 2012]. Также уточнены детали других изображений «колес».

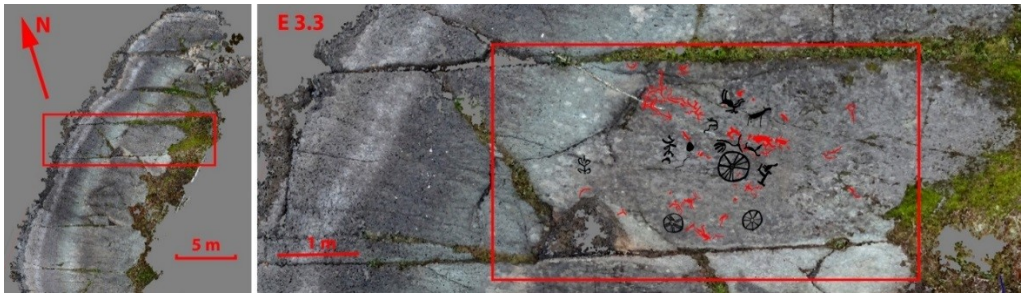


Рис. 14. Расположение сегмента Е3.3. 2019 г. Иллюстрация В. Лихачева

Еловый 3.4

В сегменте Е3.4 (рис. 17) выявлено 48 новых фигур (рис. 18–22). Из них порядка 17 фигур могут быть отнесены к антропоморфным и 5 к зооморфным (среди них 2 четвероногих зооморфа), 2 — геометрические фигуры, лодка, 21 — неясное изображение, 2 — уверенно определяемых чашечных углубления. Около 20 выразительных изображений (рис. 19, 21) было выявлено после вскрытия дерна со скалы во время работ Кольской археологической экспедиции в июне 2019 года [Киселева, Колпаков, 2019]. В данной статье мы представляем нашу версию документации данных фигур.

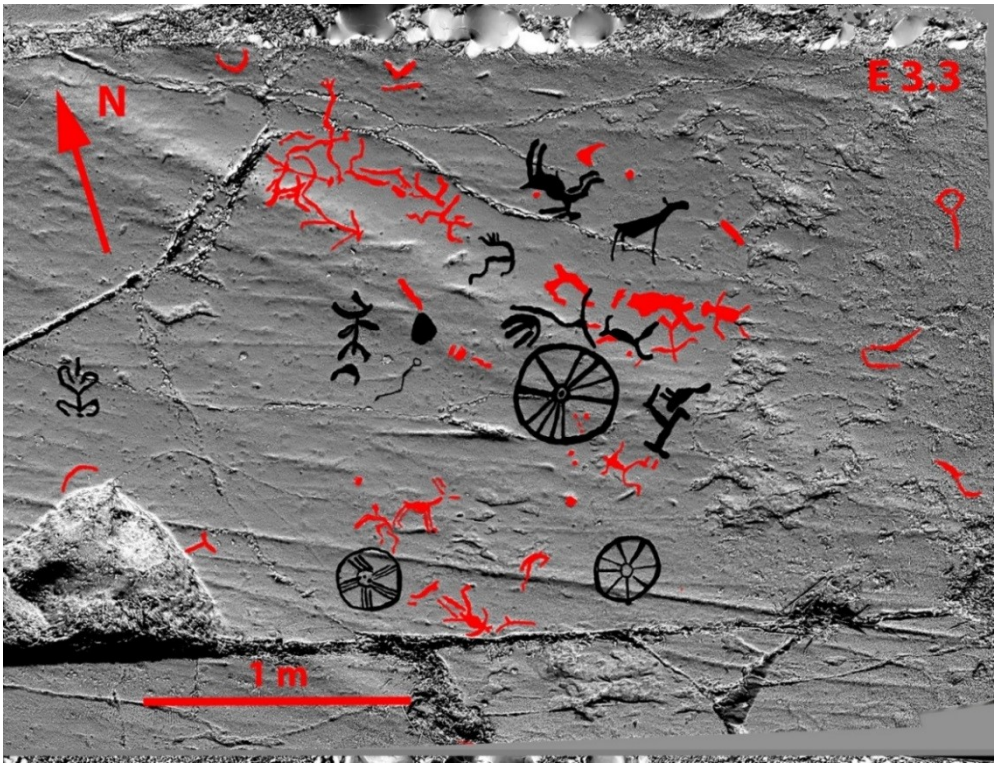


Рис. 15. Фрагмент сегмента Е3.3. 2019 г. Иллюстрация (на основе 3D-модели) В. Лихачева

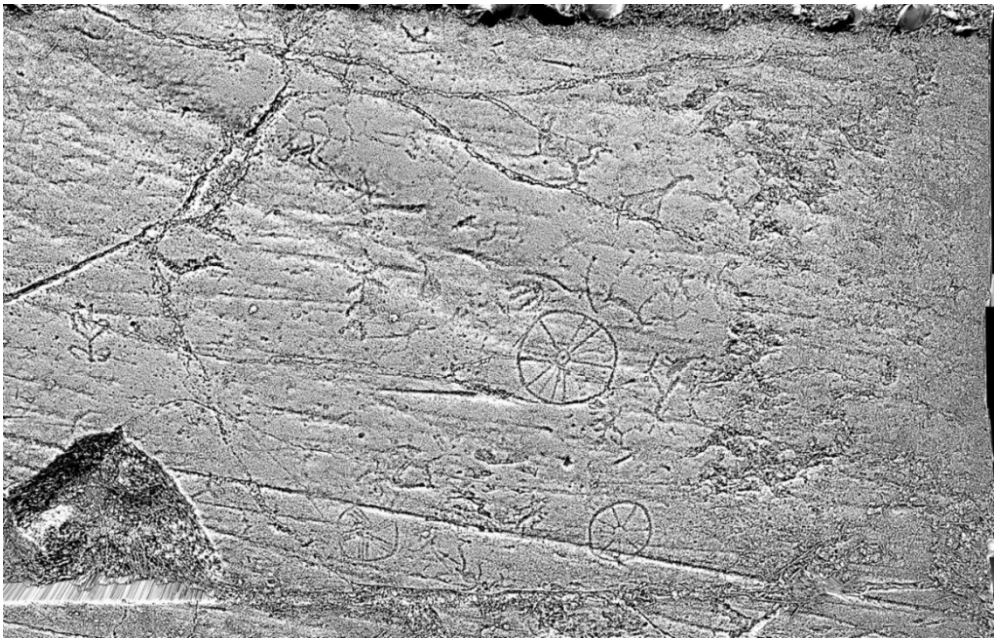


Рис. 16. Фрагмент сегмента Е3.3. «Псевдопротирка» на основе 3D-модели. 2019 г. Иллюстрация В. Лихачева

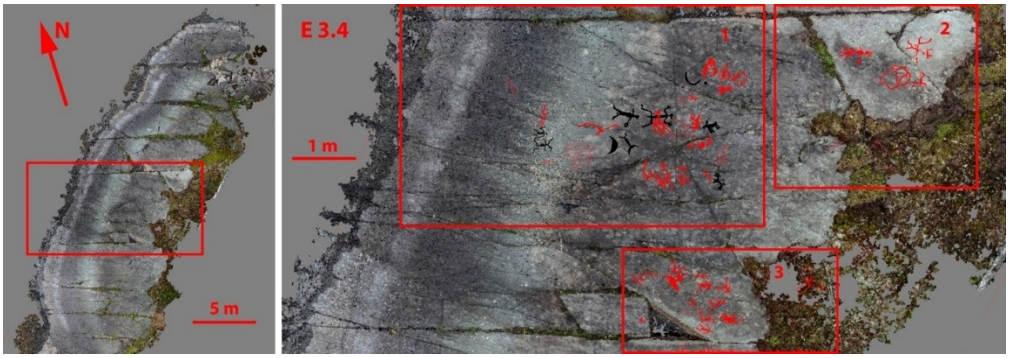


Рис. 17. Расположение сегмента Е3.4 и его разбивка на три фрагмента: Е3.4/1, Е3.4/2, Е3.4/3. 2019 г. Иллюстрация В. Лихачева

Еловый 3.4/1

В данном фрагменте среди новых изображений задокументирована фигура лодки с лосиноголовым форштевнем, несколько антропоморфных изображений, фигура змеи (рис. 18). Значительная часть изображений фрагментарна и в силу этого не совсем ясна.

Рис. 18. Прорисовка петроглифов: выявленные выбивки (красный), предполагаемые (красный контур), опубликованные петроглифы (черный). Фрагмент Е3.4/1. Иллюстрация (на основе 3D-модели) В. Лихачева

Еловый 3.4/2

Первые изображения из фрагмента Е3.4/2 — антропоморф с лучами на голове и пальцами на левой руке, между его ног голова еще одной антропоморфной фигуры (рис. 19, 20) — выявлены еще в 2016 году.

Еловый 3.4/3

Фрагмент Е3.4/3 представлен большим количеством неплохо сохранившихся изображений. Среди них примечательны пять антропоморфных

фигур (один антропоморф с «дубиной» в руке), изображения двух «четырехногих» зооморфов. С фигурой одного из четвероногих зооморфов, по-видимому, ассоциированы следы (порядка 12 шт.).

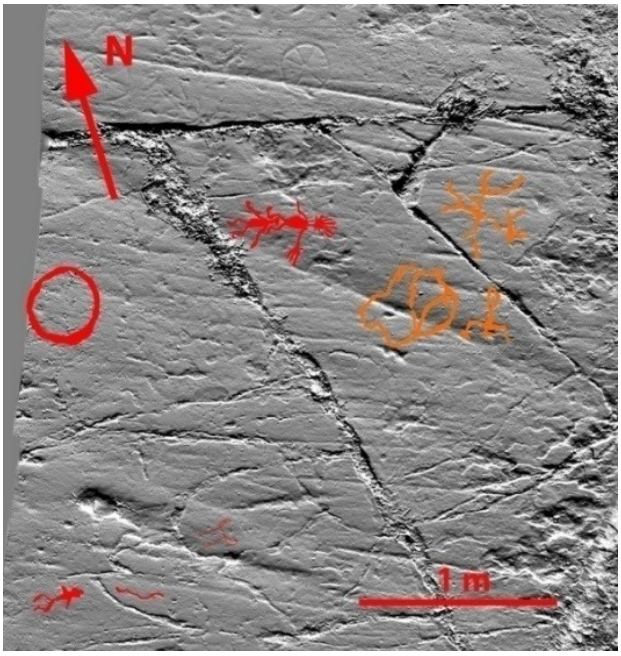


Рис. 19. Фрагмент Е3.4/2. Желтым цветом показаны фигуры, выявленные после расчистки скальной поверхности Кольской археологической экспедицией (Киселева, Колпаков 2019). Иллюстрация на основе 3D-модели В. Лихачева

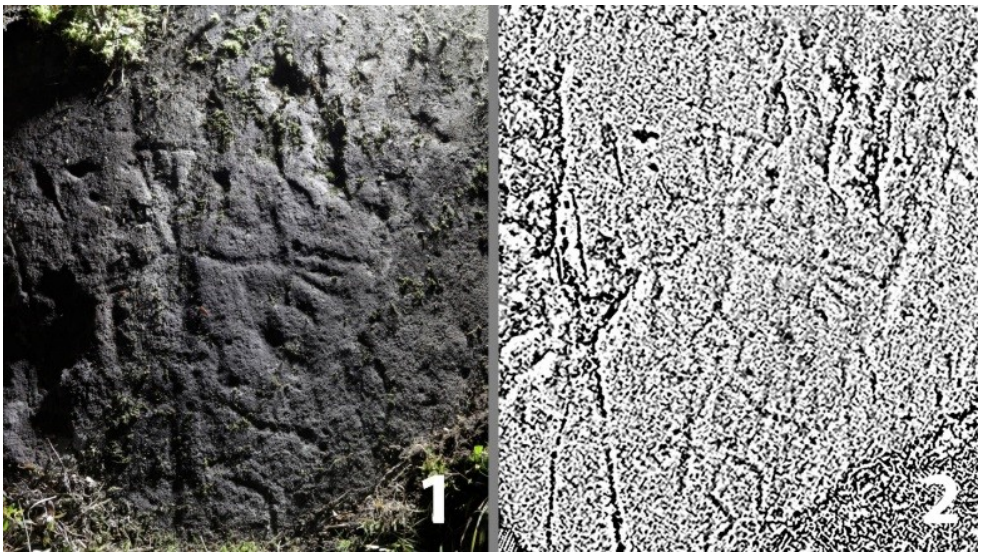


Рис. 20. Антропоморфные фигуры. Фрагмент Е3.4/2:
1 — ночное фото, 2017 г.; *2* — «псевдопротирка».
Фото и иллюстрация (на основе 3D-модели) В. Лихачева

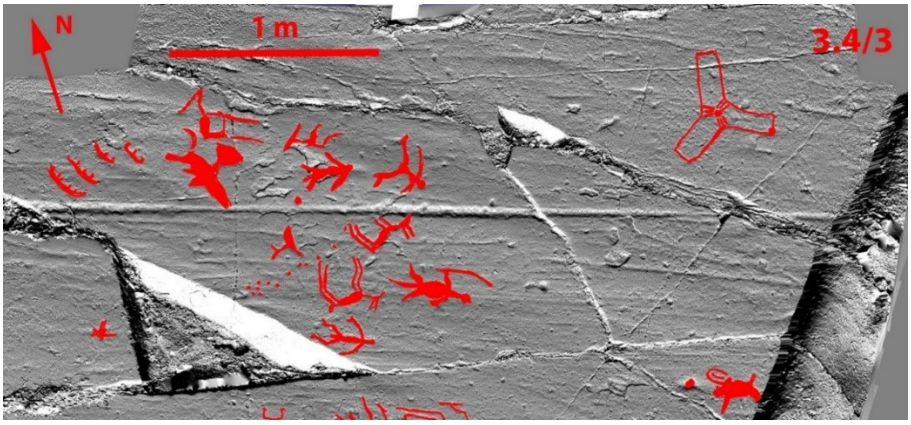


Рис. 21. Фрагмент Е3.4/3. Рисунки, выявленные после расчистки скалы Кольской археологической экспедицией [Киселева, Колпаков, 2019]. 2019 г. Иллюстрация (на основе 3D-модели) В. Лихачева

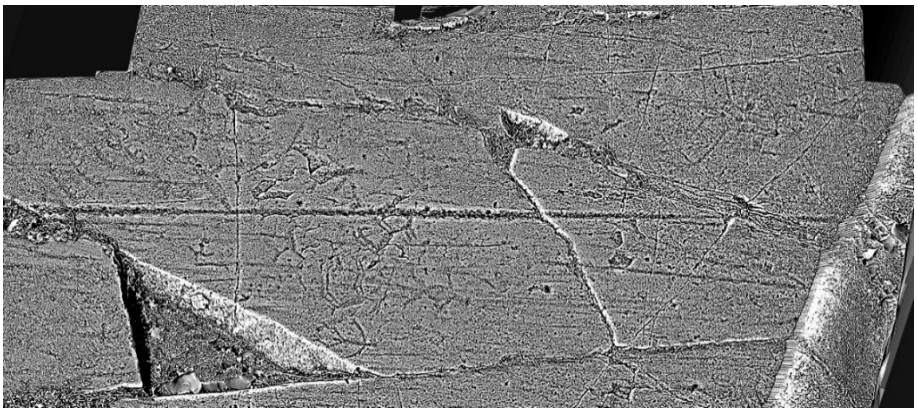


Рис. 22. Фрагмент сегмента Е3.4/3. «Псевдопротирка» на основе 3D-модели. Иллюстрация В. Лихачева

Еловый 3.5

Сегмент Е3.5 содержит много выразительных изображений, самые ранние из которых были выявлены в 2012 году (рис. 23). Согласно каталогу, ранее в данном сегменте было задокументировано три изображения [Колпаков, Шумкин, 2012].

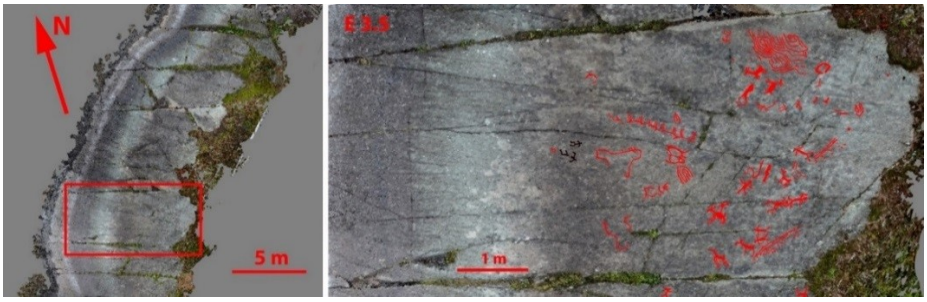


Рис. 23. Расположение сегмента Е3.5. 2019 г. Иллюстрация В. Лихачева

Среди уверенно интерпретируемых 45 выявленных выбивок порядка 7 фигур являются антропоморфными и — 11 зооморфными (среди которых 9 четвероногих зооморфов). Три фигуры представляют собой геометрический «лабиринтоподобный» паттерн. Самая крупная из них имеет в основе повторяющийся мотив ромба (рис. 24, 25). Также зафиксировано 8 чашечных углублений и 11 неясных либо фрагментарно сохранившихся изображений. Из композиций любопытны две «охоты на лося», каждая из которых, по-видимому включает в себя как минимум одно антропоморфное изображение, зооморфа («лося»), «следы лыжни» и «следы зверя». Между ними расположена композиция из двух антропоморфов, где один из них тянется рукой к промежности другого (рис. 26, 27). Любопытно изображение «всадника на лосе» (рис. 28) и процессия из пяти «лосей» (рис. 27, 29).

Рис. 24. Геометрический узор с ромбической основой и зооморфные фигуры. Фрагмент Е3.5. «Псевдопротирка» на основе 3D-модели. 2019 г. Иллюстрация В. Лихачева

Рис. 25. Геометрический паттерн. 2018 г. Фото В. Лихачева

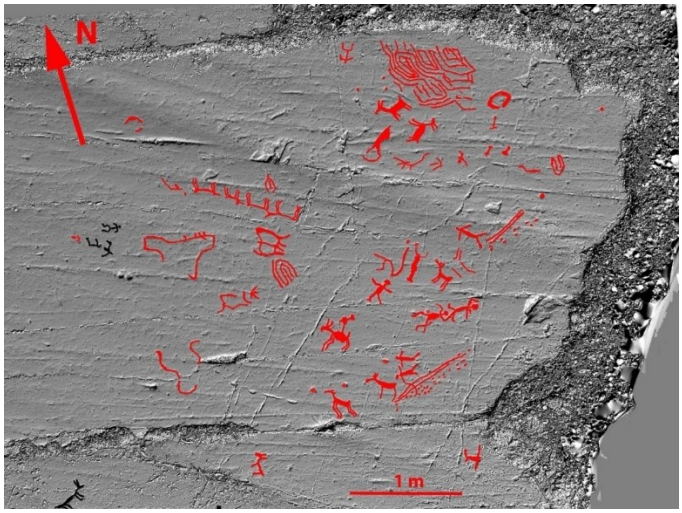


Рис. 26. Фрагмент Е3.5. 2019 г. Иллюстрация (на основе 3D-модели) В. Лихачева

Рис. 27. Композиция с зимней охотой и парой антропоморфов. Фрагмент Е3.5. «Псевдопротирка» на основе 3D-модели. 2019 г. Иллюстрация В. Лихачева

Рис. 28. Петроглиф «лось с всадником». 2018 г. Ночное фото В. Лихачева

Рис. 29. Процессия «лосей» и «абстрактные фигуры». Фрагмент сегмента Е3.5. «Псевдопротирка» на основе 3D-модели. 2019 г. Иллюстрация В. Лихачева

Еловый 3.6

Первое из неопубликованных ранее изображений в сегменте Е3.6 (рис. 30) выявлено в 2016 году. Количество определяемых новых выбивок — 19, из них 2 антропоморфные фигуры (антропоморфная фигура с кругом, антропоморф с «раздвоенной головой»), изображение «руки с пятипалой кистью», 3 зооморфа типа «лось» (один четвероногий), 1 зооморф — «змея», 2 — чашечных углубления и порядка 10 неясных выбивок (рис. 31, 32).

Рис. 30. Расположение сегмента Е3.6. 2019 г. Иллюстрация В. Лихачева

Еловый 3.7

В сегменте Е3.7 выявлено около 10 выбивок (рис. 33, 34). Среди них три антропоморфные фигуры. Две фигуры с признаками, возможно указывающими на женский пол: одна фигура с округлым животом, у другой фигуры изображены груди, трехпалые кисти рук и контурная голова (рис. 35). Третья антропоморфная фигура без выраженных признаков пола, примечательна контурным изображением овала, соединенного с рогатой головой, в руках данного антропоморфа изображены какие-то предметы. Выявлено также зооморфное изображение типа «лиса» и 5 неясных выбивок.

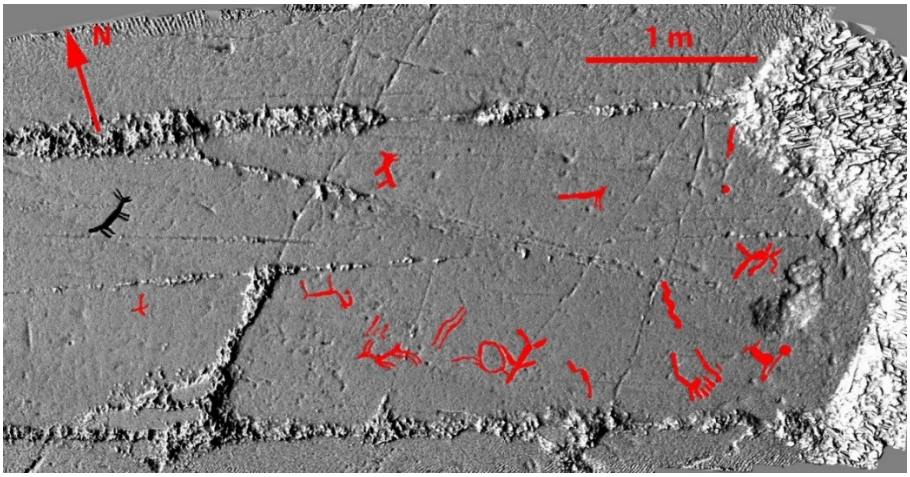


Рис. 31. Фрагмент Е3.6. 2019 г. Иллюстрация (на основе 3D-модели) В. Лихачева

Рис. 32. «Рука с ладонью», «змея» и другие фигуры. 2018 г. Фото В. Лихачева

Рис. 33. Расположение сегмента Е3.7. 2019 г. Иллюстрация (на основе 3D-модели) В. Лихачева

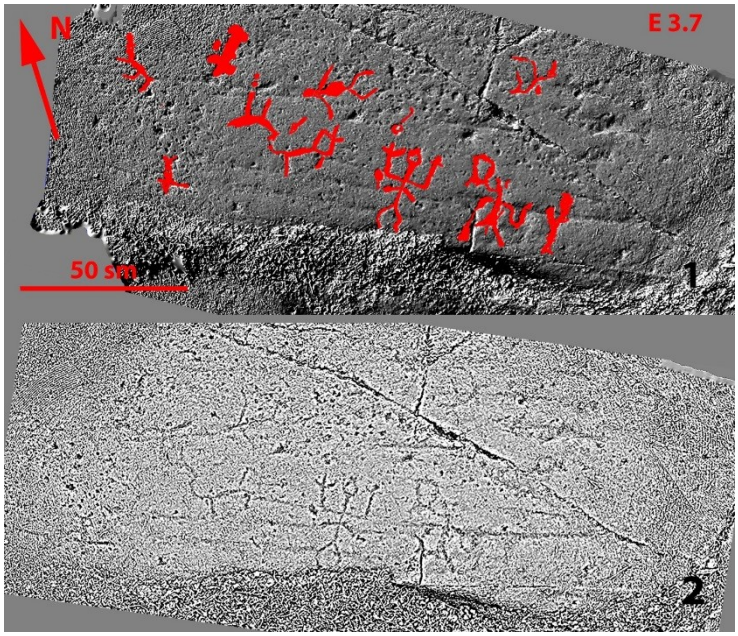


Рис. 34. Фрагмент Е3.7:
1 — с прорисовкой петроглифов; *2* — «псевдопротирка».
2019 г. Иллюстрация (на основе 3D-модели) В. Лихачева

Рис. 35. Женской антропоморфной фигуры с трехпалой кистью и грудями. 2018 г.
Ночное фото В. Лихачева

Еловый 3.8

По данным каталога [Колпаков, Шумкин, 2012], в этом сегменте ранее было выявлено три изображения. На данный момент в сегменте Е3.8 (рис. 36) уверенно определяется 10 новых выбивок: 4 антропоморфные фигуры (рис. 38–41), 2 зооморфные фигуры (рис. 39–40), чашечные углубления и порядка 5 неясных выбивок (рис. 37). Антропоморфная фигура во фрагменте Е3.8/4 была обнаружена еще в 1999 году (см. рис. 5).

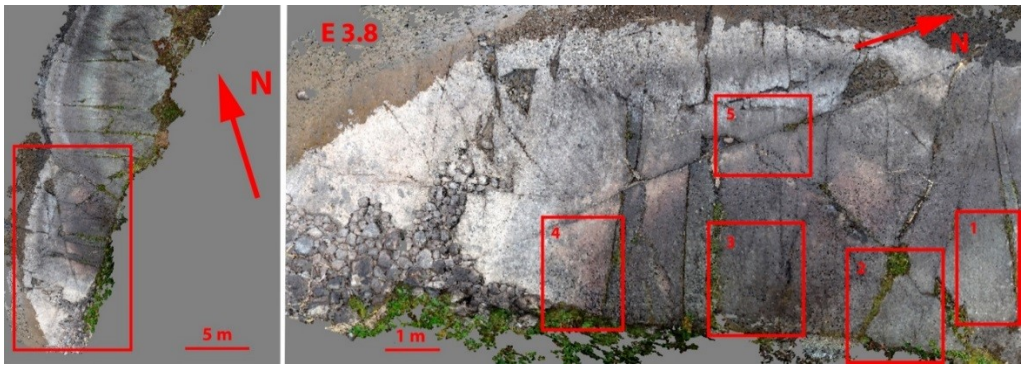


Рис. 36. Расположение сегмента Е3.8 и 5 фрагментов с петроглифами: Е3.8/1, Е3.8/2, Е3.8/3, Е3.8/4, Е3.8/5. 2019 г. Иллюстрация В. Лихачева

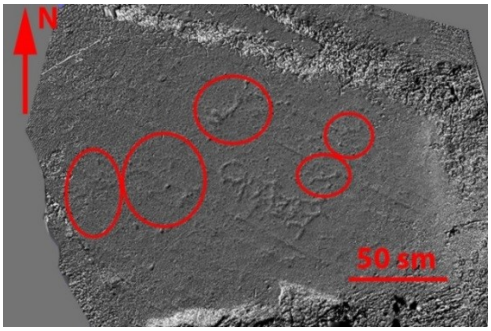


Рис. 37. Фрагмент Е3.8/1. Красным кружком обозначены незадокументированные ранее выбивки. 2019 г. Иллюстрация (на основе 3D-модели) В. Лихачева

Рис. 38. Фрагмент Е3.8/2. 2019 г. Иллюстрация (на основе 3D-модели) В. Лихачева

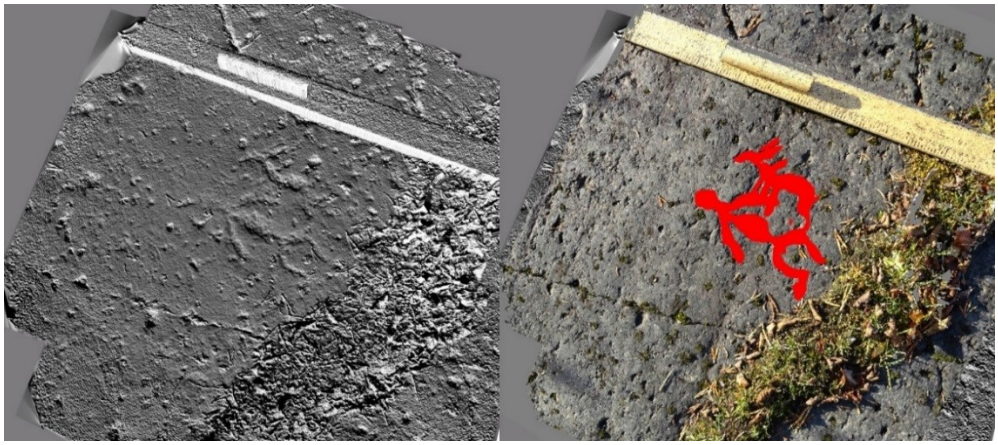


Рис. 39. Фрагмент Е3.8/2:
1 — 3D-модель без текстуры; *2* — фрагмент 3D-модели с текстурой и прорисовкой петроглифов. 2019 г. Иллюстрации (на основе 3D-модели) В. Лихачева

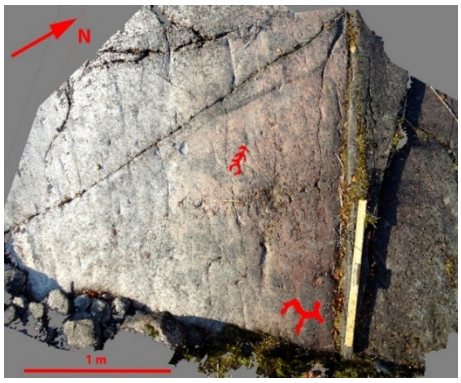


Рис. 40. Антропо- и зооморфная фигуры. Фрагмент Е3.8/4. 2019 г. Иллюстрация (на основе 3D-модели) В. Лихачева

Рис. 41. Антропоморфная фигура. Фрагмент Е3.8/4. 2019 г. Иллюстрация (на основе 3D-модели) В. Лихачева

Некоторые выводы

Количество выбивок

В настоящий момент зафиксировано около 170 выбивок в данном скоплении, из них 75 неясных и 94 выбивки, поддающиеся интерпретации: 37 антропоморфных фигур, 23 зооморфные (из них 13 четырехногие), 9 геометрических и «орнаментов», 7 разного характера (рука, змея, след, лыжня и др.), около 18 чашечных углублений. В эту статистику не входят все следы животных и людей в композициях (табл.).

Распределение выявленных фигур по группам основных мотивов

Сегмент Е3	.1	.2	.3	.4	.5	.6	.7	.8	Сумма
Антропоморфные фигуры	2	1	1	17	7	2	3	4	37
Зооморфные фигуры*	–	–	1 (1)	5 (2)	11 (9)	3 (1)	1	2	23 (13)
Геометрические паттерны	–	–	–	2	6	–	–	1	9
Чашечные углубления	2	–	2	2	8	2	–	2	18
Разные фигуры	–	2	–	–	2	2	1	–	7
Неясные фигуры	2	2	19	21	11	10	5	5	75
Общее количество	6	5	23	47	45	19	10	14	169

* В скобках указаны четырехногие фигуры.

Таким образом, даже если исключить неясные изображения, чашечные углубления и следы, то количество новых уверенно определяемых изображений составит 99. Это больше, чем общее количество изображений, известных в группе до 2012 года [Колпаков, Шумкин 2012]: 66 петроглифов — 11 антропоморфных выбивок, 15 зооморфных, 31 неясная фигура. Количество антропоморфных фигур увеличилось в 4 раза, зооморфных изображений в 2,5 раза, среди них количество четвероногих зооморфов выросло в 3 раза.

Степень сохранности петроглифов у линии уреза воды хуже тех, что расположены ближе к лесу. Соседство рисунков, «зализанных» льдами весенних ледоходов с выбивками, которые гораздо менее разрушены льдами, возможно, говорит существенной разнице во времени их создания.

Стилистические особенности

Новые находки петроглифов сближаются по стилю с петроглифами Чальмны-Варре. Это в целом было характерно и для ранее задокументированных изображений группы Еловый 3.

Среди общих стилистических признаков:

1) фигуры четвероногих «лосей»;

2) размер и пропорции фигур зоо- и антропоморфов;

3) стилистически близкие детали антропоморфных изображений (трехпалые кисти рук, контурная голова и др.).

Любопытны две композиции охоты на лосей (рис. 26, 27). С одной стороны, задействованные в них антропо- и зооморфные фигуры стилистически близки чальмны-варрским петроглифам, с другой — художественное воплощение охотничьего нарратива ближе всего сценам охоты на лося на беломорских петроглифах (Залавруга).

Геометрические паттерны сегмента 3.5. данной группы напоминают некоторые писаницы полуострова Рыбачьего, писаницы Финляндии (Vittrask), Швеции (Fangsjon, Honhammer, Hell, Bordal) и Норвегии (Forselv). Ромбический паттерн также встречается на изделиях из кости и рога со стоянки Маяк II (комплекс эпохи раннего металла), с Мурманского побережья Кольского полуострова [Гурина, 1997: 109–111) (рис. 42).

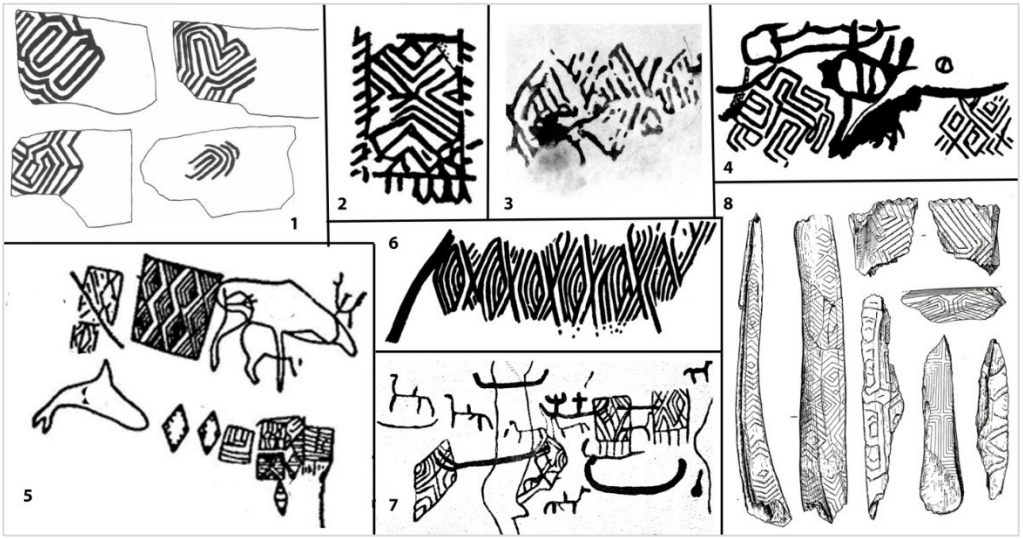


Рис. 42. Примеры ромбического узора в наскальных рисунках и археологических памятниках Фенноскандии (иллюстрация В. Лихачева):
1 — писаница Пяйве, полуостров Рыбачий [Shumkin, 2000: 228–229]; *2* — писаница из Виттраск (Vittrask, Kirkkonumi), Финляндия [Halström, 1960: 336]; *3* — фрагмент писаницы из Фангсьон (Fangsjon, Jamtland), Швеция [Halström, 1960: I.IX]; *4* — фрагмент писаницы из Хонхаммера (Honhammer I), Швеция [Halström, 1938: 393]; *5* — петроглифы из Форсельва (Forselv), Норвегия [Halström, 1938]; *6* — петроглифы в виде ромбического орнамента, Хелл (Hel), Швеция [Halström, 1938: l.XXVIII]; *7* — петроглифы из Бордал (Bardal), Норвегия [Halström, 1938: l.XXIV]; *8* — некоторые орнаментированные предметы из кости, поселение Маяк II [Гурина, 1997, рис. 54]

Благодарности

За помощь в сборе материала для статьи благодарю сотрудников музея «Петроглифы Канозера»: Владимира Перевалова, Павла Горбачева, Александра Мышина — и волонтеров: Ирину Йохна, Григория Ильина, Дмитрия Канунникова, Наталью Мальцеву, Анастасию Ильину.

Список литературы

Иванов Ю. О. Некоторые проблемы изучения наскальных рисунков Кольского полуострова // Великая каменная летопись (новая находка наскальных

изображений на Кольском полуострове) // Наука и бизнес на Мурмане. 2001. Вып. 4. С. 23–25.

Киселева А. М., Колпаков Е. М. Петроглифы Канозера: открытия 2019 г. // Первобытная археология: журнал междисциплинарных исследований / ред. Л. Б. Вишняцкий, В. В. Питулько. СПб., 2019. № 2. С. 110–116.

Колпаков Е. М., Шумкин В. Я. Петроглифы Канозера. СПб.: Искусство России, 2012. 424 с.

Лихачев В. А. Новые находки скоплений петроглифов на Канозере (период 2017–2019) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2020. № 18. С. 88–108.

Лихачев В. А. Отчет о проделанных работах по мониторингу и выявлению новых петроглифов в группе Еловый 3, острова Еловый, на территории музея-заповедника «Петроглифы Канозера» за период 2017–2019 гг. Умба, 2019 (на правах рукописи).

Лихачев В. А. Петроглифы Канозера // Великая каменная летопись (новая находка наскальных изображений на Кольском полуострове) // Наука и бизнес на Мурмане. 2001. Вып. 4. С. 5–20.

Лихачев В. А. Петроглифы Канозера: новые методы изучения и новые находки // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2017. № 9. С. 113–120.

Лихачев В. А. Петроглифы озера Канозеро: история открытия // Кольский сборник. СПб., 2007. С. 146–154.

Лобанова Н. В. Петроглифы Онежского озера. М.: Рус. фонд содействия образования и науке, 2015. 440 с.

Лихачев В. А. Рисунки Канозера / Кольский центр охраны дикой природы. Апатиты, 2011. 124 с.

Шумкин В. Я. Новые петроглифы Кольского полуострова // АО (1998). 2000. С. 68–69.

Gjerde J. Rock Art and Landscapes: studies of Stone Age rock art from Northern Fennoscandia: PhD. University of Tromsø, 2010.

Hallström G. Monumental art of Northern Europe from the Stone Age. The Norwegian Localities, Stockholm: Thule, 1938.

Hallström G. Monumental art of northern Sweden from the Stone Age: Nämforsen and other localities. Stockholm: Almqvist&Wiksell, 1960.

Janik L. Rock art as an independent evidence of prehistoric marine hunting: the case of harpoon and float in the rock art of Eastern Scandinavian Peninsula, Russia and Bangudae, Korea / S. Lee (ed.) // Whale on the rock. Ulsan: Ulsan petroglyphs museum, 2017. P. 101–109.

Kolpakov E., Murashkin A., Shumkin V. The Rock Carvings of Kanozero // Fennoscandia Archaeologica XXV. 2008. P. 86–96.

Likhachev V. Kanozero petroglyphs: history of discovery and investigation. Adoranten // Yearbook of the Scandinavian Society for Prehistoric Art. 2018. P. 48–71 (Sweden): Museum of Rock Carvings. Tanum.

Meijer E. Structure from Motion as documentation technique for Rock Art / Adoranten // Yearbook of the Scandinavian Society for Prehistoric Art. (Sweden): Museum of Rock Carvings. Tanum, 2015. P. 66–73.

Poikalainen V. Rock art of Lake Onega. Tartu, 2004. 63 p.

Rabitz M. Photogrammetric scanning of rock carvings. Adoranten // Yearbook of the Scandinavian Society for Prehistoric Art. (Sweden): Museum of Rock Carvings. Tanum, 2013. P. 110–115.

Shumkin V. The Rook Art, Labyrintlis, Seids and Beliefs of Eastern Lappland // Myandash. Rock Ait in the Ancient Arctic. Rovaniemi, 2000.

Сведения об авторе

Лихачев Вадим Алексеевич
аспирант факультета дизайна и искусств Университета Лапландии (Рованиеми, Финляндия), специалист по сохранению объектов культурного наследия МАУК музей-заповедник «Петроглифы Канозера», пос. Умба

Vadim A. Likhachev
Post-graduate student of the Faculty of Design and Arts of the University of Lapland (Rovaniemi, Finland), the specialist for preservation of the cultural heritage, the Kanozero Petroglyphs museum, the Umba town

AD MEMORIAM

doi:10.37614/2307-5252.2021.1.20.010

ПАМЯТИ КОНСТАНТИНА КУЗЬМИЧА ЛОГИНОВА (1952–2020)

О. А. Сулейманова

Olesya A. Suleymanova

IN MEMORY OF KONSTANTIN KUZMICH LOGINOV (1952–2020)

Рис. 1. Константин Кузьмич Логинов (29.09.1952–18.11.2020). Из личного архива И. А. Разумовой

18 ноября 2020 года ушел из жизни Константин Кузьмич Логинов — наш коллега, выдающийся этнограф, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Сектора этнологии Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, лауреат премии Председателя Правительства Республики Карелия в области культуры, искусства и литературы (рис. 1).

Константин Кузьмич Логинов родился 26 сентября 1952 года в городе Вытегре Вологодской области. Из семьи служащих. В 1974–1979 годах обучался на кафедре этнографии и антропологии исторического факультета Ленинградского государственного университета. «Желание стать этнографом появилось у Константина Логинова уже после шестого класса. Мальчик много читал и неожиданно наткнулся в городской детской библиотеке на научно-популярную книгу выдающегося этнографа и антрополога Н. Н. Чебоксарова. Книга рассказывала о науке этнографии и повлияла на выбор его профессии» [Винокурова, 2020: 353]. В одном из своих интервью К. К. Логинов в деталях рассказал эту замечательную историю о том, что предшествовало выбору профессии этнографа: «…почти

мистическая история. Я в детстве, как многие дети, говорил, что буду капитаном дальнего плавания. До четвертого класса учился на одни “пятерки”, в пятом появились “тройки”, в шестом их уже стало много. И в 1967 году, как раз перед седьмым классом, над моим родным городом Вытегрой завис НЛО — долго висел, весь город видел, и писали об этом много. А матери приснился сон, что я ночью встал и босиком побежал к НЛО. Мне сбросили лесенку, как из вертолета — веревочную, и я по ней полез. А кто-то внизу говорит: “Смотрите, смотрите, куда Логинов полез”. Примерно через неделю я пошел в библиотеку, взял книгу Николая Николаевича Чебоксарова “Что такое этнография”, прочитал ее и понял, что хочу быть этнографом, снова стал учиться на “четверки” и “пятерки”, и с тех пор вся моя жизнь связана с этнографией»[1] [Подосокорский, ЭР].

В 1979 году К. К. Логинов поступил в аспирантуру Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая (ныне — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)), в сектор этнографии восточных славян. Своими учителями в науке он считал известных этнографов Р. Ф. Итса, А. В. Гадло, К. В. Чистова, Т. А. Бернштам, Т. В. Станюкович. В 1986 году успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Материальная культура русских Заонежья (вторая половина XIX — начало XX в.)». Его научным руководителем была Татьяна Владимировна Станюкович — известный советский и российский этнограф, специалист по материальной культуре и народному искусству восточных славян, исследователь этнографии русских, историограф Кунсткамеры, создатель первой экспозиции музея Ломоносова, историк музейного дела, автор ставших классическими трудов по этнографическому музееведению и истории Кунсткамеры. К. К. Логинов был одним из последних аспирантов Т. В. Станюкович. В 2019 году в сборнике материалов по результатам международной научной конференции «К 100-летию со дня рождения Татьяны Владимировны Станюкович» была опубликована его статья [Логинов, 2019], в которой он написал о роли, которую «шефиня» (как с любовью и теплотой он называл Т. В. Станюкович) сыграла в его судьбе: «Она приучила меня безропотно переделывать по пять раз (не меньше) один и тот же научный текст, пока глаз не перестанет спотыкаться о шероховатости лексики и грамматики, не теряя при этом и логику изложения или доказательства. Один раз, признаюсь, был срыв. Когда Татьяна Владимировна мне в четвертый раз вернула тезисы на доработку (опубликованы в “Годичной научной сессии ИЭ” за 1985 год [Логинов, 1985]), я ей заявил: «Может быть, бросить все? Все равно ученый из меня не получается. Никак не научусь правильно писать». А шефиня по-доброму улыбнулась, я бы сказал, с хитринкой, и сказала: “Пиши! Пиши! Пиши снова. Не переживай! У Никиты Ушакова еще хуже получается. Но он же не унывает, работает”. Нехорошо на фоне друга искать собственного возвышения. Но слова Татьяны Владимировны вернули мне уверенность в себе» [Логинов, 2019: 409].

После окончания аспирантуры К. К. Логинов переехал в Петрозаводск и с 1984 года работал в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Научные интересы Константина Кузьмича были сосредоточены на разных аспектах материальной и духовной культуры народов Российского Севера, этнолокальных групп населения Карелии и сопредельных территорий —

[1] Пунктуация и орфография оригинала сохранены.

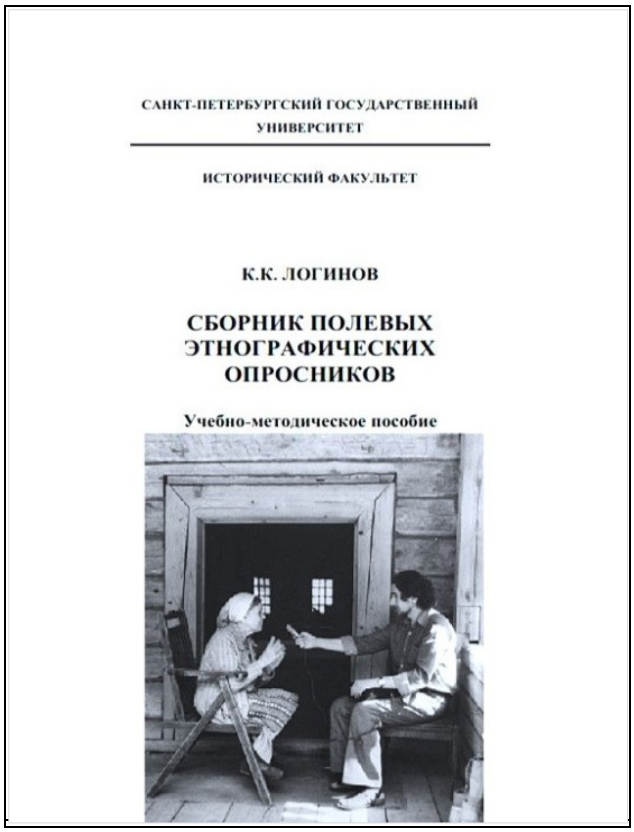
Вологодской, Архангельской, Мурманской областей (карелов, вепсов, поморов). Основное направление научной деятельности — исследование традиционной культуры русского населения Карелии в контексте этнической истории народа, ее этнолокальных групповых особенностей и межэтнических контактов с финно-угорскими народами. Первые монографии К. К. Логинова о традиционной материальной культуре [Логинов, 1993] и обрядах жизненного пути человека (родильном и погребальном) [Логинов, 1993а], написанные по этнографическим материалам Заонежья, сразу стали научными бестселлерами, в библиотеках на них была очередь. Логинов был уникальным специалистом по народным традициям русских Карелии, в особенности Заонежья. В обобщающей коллективной монографии «Народы Карелии» ему принадлежит основная часть раздела, посвященного русской культуре (четыре главы): общая характеристика и этническая история заонежан, традиционные занятия и промыслы, культура жизнеобеспечения, обряды жизненного цикла [Народы Карелии, 2019: 528–647]. По всем вопросам, так или иначе связанным с этнографией Карелии и всего северо-запада России, он был «живой энциклопедией».

Константин Кузьмич охотно и с большим удовольствием делился своим опытом и знаниями, был прекрасным преподавателем и лектором, с 2004 года преподавал и на кафедре музыки финно-угорских народов Петрозаводской государственной консерватории им. А. К. Глазунова, вел ряд учебных курсов, посвященных истории и этнографии финно-угорских народов России, читал лекции на различных мероприятиях, постоянно выступал на научных конференциях, в том числе международных (рис. 2).

Рис. 2. Логинов К. К., Разумова И. А., Байбурин А. К. Париж, 1999 г. Из личного архива И. А. Разумовой

К. К. Логинов был талантливым полевым этнографом. Он совершил множество экспедиций в Заонежье и другие районы Карелии, Вологодской, Мурманской и Архангельской областей, собрал уникальные материалы о культуре и быте северных народов. Из воспоминаний старшего научного

сотрудника Сектора этнологии Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН Алексея Петровича Конкка: «Я знал этого человека с аспирантуры, много было совместных экспедиций… Его добродушие, готовность помочь каждому удивляли меня. Он „заражал“ своей любовью окружающих. Благодаря личным качествам, Логинову удавалось находить и становиться своим среди деревенских жителей — по сути, соавторов его книг. Ему часто рассказывали о том, что иным бы не рассказали — о семейных и деревенских конфликтах, о старинных способах лечения, о колдовстве, доверяли потаенные тексты заговоров… При возможности, Константин Кузьмич выезжал в экспедиции по любимому маршруту — в Заонежье, с удовольствием общался с коренным населением. Какое при этом испытывал удовольствие — надо было видеть! Радовался даже малой научной находке!» [Смирнова, ЭР]. Общеизвестно, что полевая и собирательская работа, если при правильном подходе и умении расположить к себе местных жителей, позволяет получить уникальные сведения, которые значительно расширяют диапазон имеющихся научных знаний. Из интервью Константина Логинова изданию “Gubdaily”: «Но, понимаете, научное знание, получаемое из книг, не воспитывает, ментальность не меняет. Я долго был октябренком, пионером, комсомольцем, членом партии, а когда стал этнографом и начал ездить в деревни, то там все стало видно» [Известный…, ЭР]. В 2007 году выходит сборник полевых этнографических опросников под авторством К. К. Логинова (рис. 3).


САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

К.К. ЛОГИНОВ

СБОРНИК ПОЛЕВЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ОПРОСНИКОВ

Учебно-методическое пособие

Рис. 3. Обложка учебно-методической книги под авторством К. К. Логинова. Фото с сайта [https://vk.com/wall-341621_2097?z=photo-341621_456244647%2Falbum-341621_00%2Frev]

В этом сборнике опубликованы этнографические опросники, которые являются методическими материалами по курсу «Методика полевых исследований». Основной акцент в данных опросниках был сделан на изучении обрядности жизненного цикла и традиционной пищи. В данное пособие также включен экспериментальный свод вопросов для традиционных и современных магических специалистов.

К. К. Логинов глубоко изучал бытовую магию Заонежского и Пудожского края, а также семейные обряды и верования местных жителей. В 2013 году издание “Gubdaily” опубликовало интервью с ученым под заголовком — «Известный карельский этнограф Константин Логинов: колдун или ученый?» [Известный…, ЭР]. В этом интервью ему задали вопрос, относит ли он себя к колдунам? К. К. Логинов ответил так: «Это неправда. Я — ученый, который многое узнал благодаря своей работе. А колдун — это человек, который прошел обряд посвящения в колдуны и работает с духами, пребывающими в инферно. Это очень глубокие подземные слои. Ведун работает с духами воды, земли, леса, огня, то есть с тем слоем, в котором мы находимся. А колдун — это очень нехорошо. Тут, знаете, очевидно незнание или непонимание людей. Вот бабушка рассказывает: “Ой, такая колдунья была, такая колдунья… но, правда, все только на хорошее делала”. Какая ж это колдунья? Понятно, что речь идет о знахарке. Надо различать эти понятия».

В связи с затронутой темой о магии и сверхъестественном автору этих строк вспоминается случай, когда Константин Кузьмич писал отзыв на автореферат моей кандидатской диссертации. Так получилось, что у него возникали различные формальные сложности с отзывом: вкрадывались какие-то технические ошибки, в связи с чем пришлось неоднократно его переделывать. Помню, как в один из дней он мне позвонил и сообщил о том, что ему необходимо срочно выезжать на работу, чтобы заверить переделанный отзыв, но ключи от квартиры куда-то затерялись, а на тот момент кроме него дома никого не оказалось. Он тогда неоднократно в своей речи упоминал нечистую силу, которая якобы мешает ему вовремя сделать важное дело. К счастью, все трудности разрешились и отзыв был отправлен вовремя. С большой теплотой вспоминаю все встречи и общение с Константином Кузьмичем! Он трепетно относился к тем, кто обращался к нему за помощью, был по-настоящему добрым и отзывчивым человеком! Светлая память Вам, дорогой Константин Кузьмич!

За годы научной деятельности К. К. Логиновым подготовлено и опубликовано около 200 научных работ, среди которых 11 монографий. Он неоднократно публиковался в Трудах Кольского научного центра РАН и собирался прислать статью в этот, 20-й выпуск…

Основные публикации Константина Кузьмича Логинова

Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья: (конец XIX — начало XX в.). СПб.: Наука, 1993. 157 с.

Логинов К. К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск, 1993а. 227 с.

Кузнецова В. П., Логинов К. К. Русская свадьба Заонежья (конец XIX — начало XX в.). Петрозаводск, 2001. 328 с.

Логинов К. К. Этнолокальная группа русских Водлозерья. М., 2006. 276 с.

Логинов К. К. Сборник полевых этнографических опросников: учеб.-метод. пособие. СПб., 2007. 69 с.

Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 153–246.

Логинов К. К. Народный календарь и праздники народов Карелии // Слово и праздник. Петрозаводск, 2008. С. 15–60.

Логинов К. К. Некоторые выводы из работы с носителями «магических знаний» в экспедициях 1977–2008 гг. // PAX SONORIS: история и современность. Памяти М. А. Этингера. Астрахань, 2009. Вып. 3. С. 105–107.

Логинов К. К. Конфликты и конфликтные ситуации традиционного жизненного цикла русских Водлозерья на отрезке жизни от рождения до свадьбы // Материалы научной конференции «Современные методы сохранения и изучения культур народов Карелии (г. Петрозаводск, 15–16 марта 2010 г.). Петрозаводск, 2010. С. 17–30.

Логинов К. К. Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты. М.; Петрозаводск, 2010. 413 с.

Логинов К. К. Былички Обонежья (опыт включенного наблюдения) // Материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов: сб. докл. Т. 2. М., 2011. С. 115–121.

Логинов К. К. Заонежские заговоры деревни Вицино (из современных расшифровок) // PAX SONORIS: науч. журн. Астрахань: Полиграфком, 2012. Вып. VI. С. 203–207.

Логинов К. К. Несколько замечаний по поводу этнической идентичности коренных народов Карелии // Этническая культура и XXI век: материалы науч.-практ. конф. (15–16 апреля 2011 г.). Петрозаводск, 2012. С. 8–13.

Логинов К. К. Методика полевых работ и архивация фольклорных, лингвистических и этнографических материалов // Материалы VI науч.-практ. семинара (г. Петрозаводск, 27–28 марта 2013 г.). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. С. 182–191.

Логинов К. К. «Раздача боли и страха» в русских мальчишеских играх (на примере г. Вытегры и сопредельных территорий) // Традиционная культура. 2014. № 3. С. 92–98.

Логинов К. К. Из истории бани в Карелии // Традиционная культура. 2015. № 1. С. 133–139.

Логинов К. К. Деревья и кустарники в традиционных поверьях русских Карелии // Вепсы, карелы и русские Карелии и сопредельных областей: исследования и материалы к комплексному описанию этносов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2016. С. 175–186.

Логинов К. К. Звон «естественный», утилитарный и ритуальный в традиционной крестьянской культуре Обонежья // Колокола и колокольчики: альманах. Вып. 1 / Мин-во культуры РФ, ГМЗ «Ростовский кремль». Ростов Великий, 2016. С. 208–220.

Логинов К. К. А. В. Гадло — преподаватель, научный руководитель, учитель // Материалы научной конференции «Археология и этнография Кавказа и Крыма», посвященная 80-летию со дня рождения профессора А. В. Гадло (1937–2002) (6–8 апреля 2017 года). СПб.: СПбГУ, 2017. С. 32–34.

Логинов К. К. Петух в обрядах и представлениях русских Обонежья // История и традиционная культура народов Карелии и сопредельных областей

в свете новых источников, методов и подходов (памяти Р. Ф. Никольской). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2018. С. 251–264.

Логинов К. К. О колоколах в народной культуре Обонежья и в творчестве поэта Н. Клюева // Петрозаводская государственная консерватория им. А. К. Глазунова: школы, исследования, персоны (к 50-летнему юбилею): сб. науч. ст. Петрозаводск, 2018. С. 216–225.

Логинов К. К. Моя шефиня Татьяна Владимировна // Вещи. Экспедиции. Музеи. К 100-летию со дня рождения Т. В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2019. С. 405–410.

Логинов К. К. Морские суда западного Поморья (вторая половина XIX — начала XX вв.) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Апатиты, 2019. Т. 10, № 2 (16). С. 67–77.

Логинов К. К. Поморские карбасы (Карельский, Поморский и Летний берега) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Апатиты, 2020. Т. 11, № 1–18. С. 43–54.

Список литературы

Винокурова И. Ю. Памяти Константина Кузьмича Логинова (1952–2020) // Альманах североевропейских и балтийских исследований / Петрозаводский государственный университет, ФИЦ «Карельский научный центр РАН». Петрозаводск, 2020. № 5. С. 353–359.

Известный карельский этнограф Константин Логинов: колдун или ученый? // Gubdaily. URL: https://gubdaily-ru.turbopages.org/gubdaily.ru/s/sociology/interview/izvestnyj-karelskij-etnograf-konstantin-loginov-koldun-ili-uchenyj/ (дата обращения: 01.02.2021).

Логинов К. К. Моя шефиня Татьяна Владимировна // Вещи. Экспедиции. Музеи. К 100-летию со дня рождения Т. В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2019. С. 405–410.

Народы Карелии: историко-этнографические очерки / отв. ред. И. Ю. Винокурова. Петрозаводск: Периодика, 2019. 752 с.

Подосокорский Н. Умер карельский этнограф Константин Логинов, исследователь магии Русского Севера // LiveJournal. URL: https://philologist.livejournal.com/11684705.html (дата обращения: 01.02.2021).

Смирнова Т. «Корни наши в земле». Заонежане вспоминают об ученом-этнографе Константине Логинове // 7x7 — Горизонтальная Россия. Республика Карелия. URL: https://7x7-journal.ru/posts/2020/12/05/korni-nashi-v-zemle-zaonezhane-vspominayut-ob-uchenom-etnografe-konstantine-loginove (дата обращения: 01.02.2021).

Сведения об авторе

Сулейманова Олеся Анатольевна
кандидат исторических наук, научный сотрудник
Центр гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Olesya A. Suleymanova
PhD (History), Research Fellow
Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre RAS

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
SCIENTIFIC LIFE

doi:10.37614/2307-5252.2021.1.20.011

ВСЕРОССИЙСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ «МИР ОБРАЗОВ ФОЛЬКЛОРА: ПАМЯТИ НЕОНИЛЫ АРТЕМОВНЫ КРИНИЧНОЙ»

О. А. Бодрова

ALL-RUSSIA SCIENTIFIC READING «WORLD OF THE FOLKLORE IMAGES: IN MEMORY OF NEONILA A. KRINICHNAYA»

Olga A. Bodrova

29 июня — 2 июля 2020 года в Петрозаводске состоялись Всероссийские научные чтения «Мир образов фольклора: памяти Неонилы Артемовны Криничной». Мероприятие посвящалось научному наследию известной исследовательницы преданий и мифологических рассказов Севера, доктора филологических наук, заслуженного деятеля науки Республики Карелия и Российской Федерации, заведующей сектором фольклора ИЯЛИ КарНЦ РАН Н. А. Криничной, а также самому широкому кругу вопросов отечественной фольклористики: от истории и поэтики северорусского и прибалтийско-финского фольклора до проблем теории и методологии современной фольклористики.

Конференция была организована коллективом Института языка, литературы и истории Карельского научного центра совместно с Государственным историко-архитектурным и этнографическим музеем-заповедником «Кижи» при содействии Министерства национальной и региональной политики Республики Карелия, Карельской региональной общественной организации «Преемственность русских традиций» и Национальной библиотеки Республики Карелия. Подробное перечисление всех устроителей научных чтений в данном случае вызвано совсем не формальными требованиями, а желанием отдать должное организаторским талантам и смелости оргкомитета чтений, ведь их проведение пришлось на очень сложный период ограничений, когда проведение практически всех публичных мероприятий стало невозможным из-за пандемии. Как мы знаем, многим учреждениям науки в прошедшем году пришлось отказаться от запланированных конференций или перевести их полностью в онлайн-формат. Чтения же памяти Неонилы Артемовны запомнятся тем, что их организаторам удалось не просто соблюсти всю традиционную структуру крупного научного мероприятия с пленарным и секционными заседаниями, культурной программой, обсуждениями, но и воссоздать атмосферу встречи с коллегами-учеными — как сейчас принято говорить, «с эффектом присутствия».

Всероссийские чтения «Мир образов фольклора» проходили сразу в двух форматах: на площадке Национальной библиотеки Республики Карелия, где «вживую» собрались организаторы и некоторые участники мероприятия, и — большей частью — в виде онлайн-докладов на базе Zoom (рис. 1). Именно трансляция открытия и заседаний первого дня, во время которых выступающие выходили на сцену, к микрофонам и экранам, и оттуда вели свой рассказ (как

в старые добрые, «доковидные», времена), и позволила зрителям погрузиться в атмосферу настоящей научной конференции. В немалой степени этому способствовала и возможность познакомиться с виртуальным вариантом выставки «Счастливая быль Неонилы Криничной», подготовленной сотрудниками музея-заповедника «Кижи» в рамках проекта ««Фольклорная мастерская» (рис. 2), а также культурная программа, которой был целиком посвящен третий день конференции. На странице музея в социальной сети ВКонтакте все желающие могли приобщиться к музыкальной жизни столицы Карелии: прослушать былину «Королевичи из Крякова» из репертуара П. И. Рябинина-Андреева в исполнении сотрудника музея-заповедника «Кижи» Олега Скобелева (запись доступна на канале YouTube музея), посмотреть онлайн-концерт «У каждого времени свои песни», выступление фольклорно-этнографического ансамбля музея-заповедника «Кижи».

Рис. 1. Председатель оргкомитета чтений А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИЯЛИ КарНЦ РАН (Петрозаводск), на открытии Всероссийских научных чтений «Мир образов фольклора: памяти Неонилы Артемовны Криничной» [Мир образов... День первый, ЭР]

Онлайн- и оффлайн-заседания конференции продолжались три дня: 29–30 июня и 2 июля. В первый день чтений вспоминали и рассказывали о Н. А. Криничной. Центральным докладом в этот день стало выступление Максима Викторовича Пулькина, сына ученой, который сопровождал свой рассказ о научном пути Неонилы Артемовны показом фотографий из семейного архива. В остальные дни участники встречались на заседаниях на платформе Zoom, одновременно трансляция велась на сайте Национальной библиотеки. Несомненно, конференция в любом случае собрала бы фольклористов из разных регионов России, однако возможность принять участие в чтениях виртуально, как кажется, обеспечила чрезвычайно широкую географию выступающих. Всего было представлено 45 докладов от научных, образовательных и культурных

учреждений страны. В работе мероприятия участвовали 47 специалистов из Республики Карелия и регионов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Республики Коми, Пермского края, Мурманской области, Владивостока, Перми, Ханты-Мансийска, Екатеринбурга, Крыма, Республики Абхазия.

Рис. 2. Участники первой конференции «Рябининские чтения», музей-заповедник «Кижи», 1991 г. Неонила Артемовна — во втором ряду, четвертая справа [Виртуальная выставка…, ЭР]

Безусловно, большинство сообщений были посвящены фольклорной и мифологической прозе Карелии и других северных территорий. Тем больший интерес вызвали доклады, сделанные на материале абхазского фольклора («Эпитеты, указывающие на размер образов и предметов абхазского нартского эпоса» (З. Д. Джапуа), «Образ Змеи/Змея в мифологической прозе абхазов» (Э. В. Тодуа)), народных песен Сибири и Дальнего Востока («Манипуляции сознанием в русских народных песнях Сибири и Дальнего Востока периода Гражданской войны» (Т. В. Краюшкина)), удмуртской поэзии («Фольклорные мотивы в современной удмуртской поэзии» (Н. С. Братчикова)). От Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН в чтениях «Мир образов фольклора» приняла участие кандидат исторических наук О. А. Бодрова с выступлением на тему «Образ змеи в фольклоре, обрядах и современных практиках населения Мурманской области. К вопросу о народной традиции и брендировании региона» (опубликовано в «Ученых записках Петрозаводского государственного университета» [Бодрова, 2020]).

Значительная часть докладов Всероссийских научных чтений «Мир образов фольклора: памяти Неонилы Артемовны Криничной» была опубликована в журналах «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» (2020, Т. 42, № 5) и «Словесность и история» (2020, № 2). Данный номер издания Пушкинского дома был посвящен Н. А. Криничной (см., напр.: [Пигин, 2020]).

Со всеми материалами конференции: трансляцией заседаний, музыкальных выступлений, программой, фотовыставкой и проч. можно ознакомиться на виртуальных платформах организаторов и соорганизаторов чтений.

Литература

Бодрова О. А. Образ змеи в фольклоре, обрядах и современных практиках населения Мурманской области // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 5. С. 95–99.

Пигин А. В. О Неониле Артемовне Криничной // Словесность и история». 2000. № 2. С. 9–12.

Электронные ресурсы

Виртуальная выставка «Счастливая северная быль Неонилы Криничной» // Сайт Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник “Кижи”». URL: http://kizhi.karelia.ru/journey/krinichnaya-pulkin/.

Концерт фольклорно-этнографического ансамбля музея-заповедника «Кижи» // КРОО «Преемственность русских традиций»: [страница ВКонтакте]. URL: https://vk.com/kroo_prt?z=video-50943719_456239623%2F02c1b7049ff11cb33c%2Fpl_wall_-113415241.

Королевичи из Крякова // Кижи Музей: [YouTube-канал]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=zKTHAOxd6z4.

Мир образов фольклора: Памяти Неонилы Артемовны Криничной. День первый // Национальная библиотека Республики Карелия: [YouTube-канал]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=C2iHeSSo0-8.

Мир образов фольклора: Памяти Неонилы Артемовны Криничной. День второй // Национальная библиотека Республики Карелия: [YouTube-канал]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=rZZBsBM-YGk.

Мир образов фольклора: Памяти Неонилы Артемовны Криничной. День третий // Национальная библиотека Республики Карелия: [YouTube-канал]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=OSoFOD2K2-g.

Программа Всероссийских научных чтений «Мир образов фольклора: памяти Неонилы Артемовны Криничной» // Сайт Национальной библиотеки Республики Карелия. URL: http://library.karelia.ru/files/31519.pdf.

Сведения об авторе

Бодрова Ольга Александровна
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центр гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН
e-mail: o.bodrova@ksc.ru

Olga A. Bodrova
PhD (History), Senior Research Fellow
Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre RAS
e-mail: o.bodrova@ksc.ru

РИО
КНЦ
naukaprint.ru